

Алексей Фёдоров

**События на территории современного Струго-Красненского района
Псковской области в период Революции и Гражданской войны в России
(1917–1920 гг.)**

...Реальная русская жизнь способна переварить любые чуждые ей элементы и сохранить национальную основу. Поруганная, духовно ограбленная, лишённая традиционной веры Россия всё равно останется Россией – единственной родиной русских людей, и другой у них не может быть нигде и никогда.

Олег Калкин

Что мы помним о годах Революции и Гражданской войны в России? Что нам нужно помнить? Нужно ли?

Считаю, что об этих событиях необходимо помнить, необходимо изучать, необходимо напоминать современникам о тех трагических годах, содержащих и небывалый подъём духа, и небывалую удачу, совмещённую с беззаконием и кутежами; голод и холод; братоубийственную войну...

Военно-историческое наследие Гражданской войны и установления Советской власти на территории современного Струго-Красненского района в целом до 1941 г. сохранялось. На братской могиле красноармейцев в пос. Струги Красные регулярно проводились митинги и иные мероприятия, в том числе с привлечением войск гарнизона. В избах-читальнях и «красных уголках» различных учреждений хранилась память о героях Гражданской войны. Улицам посёлка Струги Красные были даны новые названия: Комиссаровская – в честь расстрелянного неизвестного комиссара, Жертв Революции – в память о павших борцах, Партизанская – в честь Красных партизан. В селе Новоселье появилась улица Комиссара Давыдова. Даже после окончания Великой Отечественной войны в 1960-е гг. исторические личности времён Гражданской войны не были забыты: в 1967 г. улицу Трудовую посёлка переименовали в ул. Н.Ф. Кудрявцева – комиссара 1-й дивизии Красной армии, расстрелянного на ст. Струги-Белая, в том же году ул. Гражданскую переименовали в ул. П.Ф. Виноградова – организатора Северо-Двинской военной речной флотилии в 1919 г. Хотя после окончания Великой Отечественной войны большая часть материальных свидетельств Гражданской войны была уничтожена или утрачена, оставались живы немногочисленные участники тех памятных событий, которые по мере возможности старались оставить потомкам важнейшую краеведческую информацию. Здесь необходимо упомянуть о Д.С. Архипове (1897–1986), который являлся активным участником становления Советской власти в Яблонецкой волости в 1918–1919 гг. Его выступления на различных

мероприятиях, статьи, опубликованные в местной прессе и различных сборниках, освещали события тех лет «от первого лица».

Что же осталось от тех лет? Ведь теперь нас разделяет столетие. С большим сожалением можно констатировать, что материальных свидетельств на территории Струго-Красненского района и окрестностей осталось крайне мало. Необходимо напомнить, что братская могила на пл. Жертв Революции в Стругах появилась в 1919 г. и здесь покоятся красноармейцы, погибшие в боевых действиях у деревень Щир и Сквородка, имена их, к сожалению, неизвестны. На территории соседнего Плюсского района ещё сохраняются, хотя и в крайне заброшенном виде небольшие братские захоронения солдат Гражданской войны в с. Ляды, у деревень: Большие Житковицы, Сербино, Заянье.

***

Струго-Красненский район образован постановлением Президиума ВЦИК от 1 августа 1927 г. в составе Ленинградской области. В связи с образованием Псковской области указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 г. Струго-Красненский район вошёл в её состав. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 января 1958 г. к Струго-Красненскому району была присоединена территория Новосельского района. Кроме этого было несколько изменений административно-территориального устройства района в рамках сельских советов и селений.

По состоянию на начало 1917 г. в состав современного Струго-Красненского района входила полностью территория Лудонской, Соседненской и Яблонецкой волостей, большей частью территория Павской и Феофиловской волостей, а также часть Хмеро-Посолодинской и Которской волостей Лужского уезда; большей частью входила территория Узьминской волости Гдовского уезда Петроградской губернии. Также полностью входила территория Горской волости Порховского уезда и Жуковской волости Псковского уезда Псковской губернии.

Рассматриваемая территория в конце XIX – начале XX в. достаточно успешно развивалась: быстро росло количество населения, повышался образовательный уровень, появлялись небольшие промышленные предприятия, развивалась сфера услуг, культуры и просвещения. Крестьяне, способные самостоятельно вести большое хозяйство постепенно выходили из общины и обрабатывали собственный участок земли. В целом уровень жизни был приемлемым, среднестатистическая семья имела достаточное количество земли и скота, имела возможность приобрести промышленные товары, обучить детей. Количество семей, имевших недостаточное количество земли или скота, стоящих на грани выживания, было менее тысячи (по состоянию на 1891 г.), если брать из расчета 4-5 человек в семье, то это менее 10% от населения рассматриваемой территории, которое составляло более 50000 человек.

Вступление Российской империи в Первую Мировую войну усугубило экономическое положение в стране, а затяжной её характер усилил оппозиционные настроения как среди либерально-буржуазных кругов, так и среди армии и широких масс населения. С началом войны Варшавская железная дорога приобрела стратегически важное значение. Луга из обычного

уездного города превратилась в крупную тыловую базу Северо-Западного (с августа 1915 г. – Северного) фронта. Через Лугу и Струги-Белая шло снабжение боеприпасами, снаряжением. Для нужд фронта в спешном порядке в 1915–1916 гг. была построена железнодорожная линия Псков – Нарва.

Не так сильно изменился будничный уклад жизни в Стругах, но и здесь чувствовалось дыхание войны и близость фронта. Осуществлялся набор новобранцев в Русскую армию, во Владимирском Лагере, на полигонах под Лугой и Псковом проходило их обучение, комплектовались воинские части перед отправкой на фронт. В здании особняка С. Бехли на берегу Чёрного озера был открыт 11-й лазарет Всероссийского земского союза.

Февральская революция началась как стихийный порыв народных масс, обусловленный острым политическим кризисом в верхах и резким недовольством единоличной политикой императора Николая II. Хлебные бунты, антивоенные митинги, демонстрации, стачки на промышленных предприятиях Петрограда наложились на недовольство и брожение среди многотысячного столичного гарнизона, присоединившегося к вышедшим на улицы революционно настроенным горожанам. Всеобщая забастовка 27 февраля (12 марта) 1917 г. переросла в вооружённое восстание. 2 (15) марта император Николай II отрёкся от российского престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Михаил Александрович не принял верховную власть и уже 3 (16) марта вопрос о государственном устройстве переложил на Учредительное Собрание, которое должно было быть избрано всенародным голосованием. До избрания Учредительного Собрания верховная власть переходила к Временному правительству, которое возглавил князь Г.Е. Львов. Кроме этого уже в ночь с 27 на 28 февраля (с 12 на 13 марта) в Таврическом дворце прошло первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов. Данный представительный орган власти претендовал на высшую власть не только в Петрограде, но и во всей России. Параллельное существование Временного правительства и Петроградского Совета являлось по сути двоевластием, образовавшимся после Февральской революции.

Стихийно образованные революционные комитеты начали свою деятельность. Уже 2 марта Лужский ревком сформировал несколько групп солдат, снабжённых агитационными документами из Петрограда, для разъяснения положения в столице и Луге.

В первые дни марта 1917 г. в посёлке Струги-Белая был избран временный революционный (общественный) комитет. Представители Струго-Бельского временного ревкома Л. Юревич и А.Я. Яковлев 9 марта докладывали на заседании президиума исполкома Лужского объединённого комитета о создании своего ревкома. Исполком Лужского комитета принял постановление о признании Струго-Бельского ВРК как органа, пользующегося правом принимать все меры для поддержания порядка в пос. Струги-Белая, а также издавать «обязательные постановления по продовольственным и общественным вопросам, если таковые не будут противоречить объявленной свободе всех свободных граждан России». Кроме этого делегат от Струго-Бельского поселкового комитета был допущен в комитет Лужского гарнизона с правом совещательного голоса. К этому времени в Луге уже были сформированы военный комитет (гарнизонный революционный комитет) и Лужский объединённый комитет рабочих и служащих.

До 15 марта Лужский гарнизонный ревком был переименован в Совет солдатских депутатов. 19 апреля был организован единый Лужский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Согласно постановлению Временного правительства от 6 марта 1917 г. Петроградский губернский комиссар назначил Лужским уездным комиссаром председателя Лужского уездного земства К.Н. Василенко. В связи с неопределённостью своего положения и неясностью выполняемых функций, Константин Николаевич фактически не приступил к исполнению данной должности, и 13 марта 1917 г. уездным комиссаром был назначен А.Н. Панов.

Много внимания центральная и местная власть уделяла формированию милиции, призванной охранять общественный порядок и безопасность граждан. Одними из первых – 12 марта – органы народной милиции были сформированы в Лудонской волости, 14 марта в Павской. К 29 марта уездный комиссар докладывал, что «сельская милиция организована и начала свою деятельность». 20 апреля начальник милиции Феофиловской волости В.А. Карнилов обращался к уездным властям с просьбой «выслать инструкции и вооружение», подчёркивая, что без этого «действовать невозможно».

С целью формирования нового состава земского собрания в первых числах марта земская управа по предписанию Временного правительства разослала волостным комитетам предложение о сборе 17 марта на волостные сходы, которые избрали состав новой Лужской уездной земской управы. От каждых 20 дворов на сходах были избраны выборщики, которые избрали новый состав земской управы, переименованной тогда же во Временный Лужский исполнительный комитет. Первое его заседание состоялось 19 марта 1917 г.

В конце апреля прошли выборы в Лужский уездный крестьянский Совет. 7 мая открылся Первый крестьянский съезд Лужского уезда на котором присутствовало 102 делегата, избранных в волостях. Съездом преимущественно руководили эсеры. 9 мая было принято решение об объединении Советов и объявлено о переименовании Лужского Совета солдатских и рабочих депутатов в Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Исполком нового Совета возглавил ротмистр Н.В. Воронович. В политической жизни Луги и уезда с марта по сентябрь 1917 г. преобладали представители партии социалистов-революционеров (эсеры).

Летом начались крестьянские волнения и самозахват земли. Первыми в Лужском уезде это сделали крестьяне деревни Сеглицы Которской волости, которые разделили между собой 10 десятин заливных лугов, принадлежавших сельскохозяйственной школе в имении Андромер. Крестьяне деревни Сквородка самовольно вырубали лес, который считали захваченным барином незаконно.

То, что земли крестьянам не хватало подтверждается многими фактами, например, ещё в январе 1907 г. в прошении крестьян Квашенкино-Горского общества во II Госдуму говорится: *«...Наделены мы были по выходе на волю по три десятины на душу. Население выросло до того, что в настоящее время уже на душу не приходится и полдесятины. Население положительно бедствует и бедствует единственно потому, что земли нет; нет её не только для пашни, а даже под необходимые для хозяйства пристройки».*

Корниловский мятеж

7 (20) июля 1917 г. Временное правительство возглавил А.Ф. Керенский. 19 июля (1 августа) Верховным Главнокомандующим был назначен генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов. Корнилов пытается навести порядок в армии, подавить активизировавшееся большевистское движение в частях Петроградского и Кронштадтского гарнизонов, для чего концентрирует боеспособные и надёжные части для наступления на Петроград.

Керенский, боясь усиления роли Корнилова, имеющего политические претензии, вечером 26 августа (8 сентября) на заседании правительства квалифицировал действия Корнилова как мятеж. В ответ на приказ А.Ф. Керенского о смещении Л.Г. Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего поступали неоднозначные ответы, например, начальник штаба Ставки генерал-лейтенант А.С. Лукомский телеграфировал Керенскому: *«...Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение Корнилова ведёт за собой ужасы, которые Россия ещё не переживала».*

Рано утром 27 августа (9 сентября) эшелоны 1-й Донской дивизии вместе со штабом 3-го конного корпуса под командованием генерал-лейтенанта А.М. Крымова выдвинулись из Пскова по железной дороге до Луги. К вечеру головные эшелоны подошли к Луге. Лужский Совет был заранее предупреждён о мятеже. За ст. Луга были частично разобраны железнодорожные пути. К 13:00 28 августа (10 сентября) в Лугу прибыло 9 эшелонов. На ночлег солдаты были частично размещены в деревнях южнее Луги. Всего прибыло 14 эшелонов, растянувшихся от Луги вплоть до ст. Фан-дер-Флит (151-й км). Обстановка в Луге была накалена. Началась агитация солдат 1-й Донской дивизии со стороны местных солдат и членов уездного Совета.

Вопреки приказам А.Ф. Керенского и командующего Северным фронтом генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича, А.М. Крымов отдаёт приказ на выступление в сторону Петрограда. Согласно плану к вечеру 31 августа войска корпуса должны были занять Гатчину. В 14:00 30 августа (12 сентября) казаки, которые выступили к дер. Заозерье в 4-х верстах от Луги, наткнулись на заставы Лужского гарнизона, которые имели артиллерию и были готовы вступить в бой. Казаки заколебались и отступили. 31 августа (13 сентября) генерал Крымов тайно был вывезен подполковником Самариным в Петроград, где имел разговор с Керенским. После разговора с Керенским Крымов покончил жизнь самоубийством. Казаки пробыли в районе Луги ещё около двух недель, затем были отправлены в Псков. 1 (14) сентября генералы Л.Г. Корнилов, И.П. Романовский и А.С. Лукомский были арестованы.

Провал Корниловского выступления укрепил власть Петроградского Совета и в конечном итоге привёл большевиков к власти и победе Октябрьской революции. Стремясь удержать власть, А.Ф. Керенский, подавив Корниловский мятеж, в результате очень быстро её потерял, в связи с тем, что правый политический фланг был после этих событий был разгромлен организационно и дискредитирован морально. Кроме этого, провал Корниловского мятежа, поддержанного в основном офицерами, обострил и без того сложные взаимоотношения между офицерами и

солдатами, что в свою очередь усилило поток дезертиров и позволило войскам Германии успешно развивать наступление.

1 (14) сентября специальным правительственным актом, подписанным Керенским и министром юстиции А.С. Зарудным Россия была провозглашена республикой. Так как Временное правительство не обладало полномочиями по определению формы правления государства, то данный акт вызвал недоумение практически у всех политических сил и был воспринят как поддача социалистическим партиям.

***

Министерством народного просвещения в 1917 г. готовилась реформа образования. В Лужском уезде вместо уездного учительского совета была образована уездная школьная комиссия при земстве. 5–7 сентября проходило первое заседание этой комиссии на которой было решено передать церковно-приходские школы в ведение земства, а также отодвинуть начало учебного года для первоклассников на 18 сентября, для остальных учеников на 20 октября в связи с неготовностью школ.

Осенью проходила земская волостная выборная кампания. Выборы были назначены на 17 сентября. В выборах приняло участие лишь около 32% жителей Лужского уезда. В гласные (депутаты) были выбраны в основном крестьяне. Председателем Соседненского волостного земского собрания был избран Н.В. Зонберг – учитель местного народного училища, а председателем волостной управы Я.Х. Наруск. Также осенью шла подготовка к выборам в Учредительное Собрание.

Октябрьская революция

Нарастающая в России анархия объективно требовала сильной власти. И лидер большевиков В.И. Ульянов (Ленин) и лидер конституционных демократов (кадетов) П.Н. Милюков считали, что для демократии в стране не осталось места, так как все события после Февральской революции лишь усиливали поляризацию в обществе, продолжался и с каждым месяцем усиливался экономический кризис, положение на фронте стало источником постоянной тревоги.

9 (22) октября правые эсеры внесли в Петроградский Совет предложение создать Комитет революционной обороны для защиты Петрограда от опасно приблизившихся немцев, которые завладели Рижским заливом. 16 (29) октября пленум Петроградского Совета одобрил создание этого органа, но как Военно-революционного комитета (ВРК), который обладал полномочиями легального вооружения рабочей Красной гвардии. Военно-революционный комитет назначал своих комиссаров во все важные в стратегическом отношении учреждения и фактически взял их под свой контроль. 24 октября (6 ноября) Керенский отдал приказ об аресте членов ВРК, но исполнить данный приказ оказалось некому.

В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) отряды рабочей Красной гвардии и матросов Балтийского флота завершали давно начатую Петроградским Советом работу по превращению двоевластия в единовластие Совета. Небольшие отряды Красной гвардии, имеющие мандат

Петросовета и ВРК сводили разведённые мосты, разоружая выставленные правительством караулы, брали под свой контроль вокзалы, электростанцию, телефонную станцию, телеграф и т.д., и всё это без единого выстрела, спокойно и методично, – не спавшие в ту ночь члены Временного правительства во главе с Керенским долго не могли понять, что происходит, о действиях ВРК узнавали по «вторичным признакам»: в какой-то момент в Зимнем дворце отключили телефоны, потом – свет...

Попытка отряда юнкеров обратно отбить телефонную станцию окончилась неудачей. Утром 25 октября (7 ноября) под контролем Временного правительства оставался лишь Зимний дворец и здание Главного штаба, находящиеся под охраной нескольких рот юнкеров и ударниц женского добровольческого батальона. Отряды Красной гвардии окружили Зимний дворец с находившимися там министрами.

В 10:00 ВРК выпустил воззвание: «Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона...» Около 11:00 А.Ф. Керенский на автомобиле покинул Петроград. К вечеру 25 октября ряды защитников Зимнего дворца сильно поредели, но к утру ожидался подход войск из пригородов Петрограда.

В 21:00 после холостого сигнального выстрела из Петропавловской крепости, началось наступление войск Красной гвардии, а также прибывших матросов Балтийского флота. В 21:40 из бакового орудия крейсера «Аврора» также был произведён холостой выстрел. Первое наступление на Зимний дворец, заключавшееся в ружейно-пулемётном обстреле длилось около часа. В 23:00 начался обстрел Зимнего дворца из орудий Петропавловской крепости, который никаких последствий не имел. Ударницы женского батальона покинули ряды защитников дворца.

Обороняемый только со стороны Дворцовой площади Зимний дворец был фактически беспрепятственно захвачен со стороны набережной Невы. Небольшие стычки в помещениях дворца между юнкерами и нападающими вскоре закончились. Представитель ВРК В.А. Антонов-Овсеенко объявил министров Временного правительства арестованными в 02:10 26 октября 1917 г. Все юнкера, защищавшие дворец, были отпущены после разоружения. Документально известно о гибели шести солдат и одной ударницы во время штурма Зимнего дворца.

А.Ф. Керенский на автомобиле прибыл в Псков в расположение 3-го конного корпуса под командованием генерала от кавалерии П.Н. Краснова. Собрав около полка личного состава, эшелон 26–27 октября вместе с Керенским и Красновым без остановок проследовал из Острова через Псков, Струги-Белая и Лугу в Гатчину. За Гатчиной стоял заслон из большевистских войск. А.Ф. Керенский в Гатчине оказался окружён и находился во дворце. 30 октября после начала переговоров между П.Н. Красновым и П.Е. Дыбенко, А.Ф. Керенский бежал на территорию Лужского уезда, а впоследствии выехал за границу. Возвратить потерянную власть он так и не смог.

***

В 22:40 25 октября (7 ноября) в Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд провозгласил переход власти к Советам в Петрограде и всей России. Вечером 26 октября (8 ноября) съезд принял Декрет о мире, Декрет о земле, избрал высший орган Советской власти – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) во главе с Л.Б. Каменевым и сформировал правительство – Совет народных комиссаров (СНК) во главе с В.И. Ульяновым (Лениным).

***

В Пскове размещался штаб Северного фронта. Из-за стратегического положения Пскова в деле обороны Петрограда и для сохранения только что полученной в результате Октябрьской революции власти, большевиками в Псков были направлены посланцы Петроградского ВРК во главе с матросом-большевиком В.Л. Панюшкиным. Уже вечером 26 октября (8 ноября) Псковским комитетом РСДРП(б) и фракцией большевиков Псковского Совета в городе был создан ВРК под председательством В.Л. Панюшкина. Ревком незамедлительно установил контроль за работой штаба фронта, телеграфом и провёл перевыборы местного Совета, в котором стали преобладать большевики. 27 октября (9 ноября) в Пскове был образован Северо-Западный ВРК, власть которого распространялась на подразделения и территорию всего Северного фронта.

К вечеру 27 октября (9 ноября) положение изменилось. В Псков вошли вызванные комиссаром Временного правительства В.С. Войтинским и штабом фронта 400 казаков и батальон ударников. Эти части стали опорой Псковского Комитета спасения Родины и Революции. Они взяли под свой контроль железнодорожный вокзал, артиллерийский склад, телеграф и арестовали пять членов Северо-Западного ВРК. Однако полностью установить власть в Пскове им не удалось. 29–30 октября в городе шла перестрелка между противоборствующими сторонами, 31 октября (13 ноября) солдаты ВРК заняли вокзал, выбив оттуда казаков и ударников Комитета.

1 (14) ноября в Псков вступили латышские стрелковые полки, вызванные Псковским ревкомом из состава 12-й армии. Опираясь на них, ВРК вывел из города казачьи части и распустил Комитет спасения Родины и Революции.

Чтобы приостановить продвижение в Петроград эшелонов с войсками в поддержку А.Ф. Керенского, по приказу Северо-Западного ВРК уже к 4 (15) ноября были разобраны железнодорожные пути у ст. Торошино, и выставлена вооружённая охрана.

Постепенно все части Северного фронта большевизировались. 28 ноября (11 декабря) в Пскове начал работу 1-й съезд солдатских депутатов Северного фронта, больше половины делегатов были большевиками или сочувствующими им. Съезд отменил все чины, звания и знаки различия, установил право смещения командиров общим собранием части.

Основная солдатская масса не желала втягиваться в гражданскую войну и политическую борьбу в армии. После заключения перемирия с Германией и Декретом о мире они ждали лишь скорой демобилизации.

***

31 октября (13 ноября) состоялись перевыборы Лужского Совета, в исполкоме которого теперь большинство оказалось за большевиками. Председателем исполкома был избран О. Вальтер. 10 (23) ноября 1917 г. исполком Лужского Совета по предложению фракции большевиков в соответствии с Декретом о земле объявил о переходе в уезде всей помещичьей земли и инвентаря в ведение волостных земельных комитетов.

С декабря 1917 г. в волостях Лужского уезда организуются волостные и сельские Советы. В начале 1918 г. образован Лудонский волостной Совет с центром в д. Новоселье. В июле 1918 г. образована Заклинская волость и создан волостной Совет. Как правило волостные Советы создавались на базе ликвидированных земств путём выбора депутатов от всех деревень, входивших в состав волости. 7 февраля 1918 г. в Лужском уезде окончательно упразднено уездное земство, его функции перешли местному Совету и его исполкому.

Сложные отношения между крупными землевладельцами и беднейшим крестьянством, объединившимся с откровенно бандитствующими элементами, после Октябрьской революции ещё более накалились. С.В. Гнедич – сын умершего 21 ноября (4 декабря) 1917 г. от паралича сердца В.Г. Гнедича вспоминал:

«Через несколько дней после смерти отца, в последних числах ноября 1917 года, в нашу усадьбу Холохино, ближе других прилегающую к станции Струги Варшавской железной дороги, в поздний час прибыла неведомо откуда банда вооружённых и пьяных людей и потребовала выхода к ним помещика. Рабочие усадьбы сообщили, что помещик умер две недели тому назад. “Ну что ж, жаль, а то бы мы ему показали!” – с этими словами и весёлым смехом банда скрылась. Смерть избавила отца от надругательств черни».

Г.И. Гончаренко (Юрий Галич), уволившись с военной службы и приехав в декабре 1917 г. в имение жены в Щирск, вспоминал об этом времени так:

«Хотелось отдохнуть, забыть политику, не видеть грустную картину разложения, не слышать бред разнузданной толпы... Подальше от людей, ничтожных, злых, заражённых ядом городов!.. Поближе к деревенскому приволью, к матери-природе!..

Однако и в деревне стало беспокойно.

Крестьяне глухо волновались, косились на помещичьи усадьбы, произвели разгром зажиточных имений, рубили лес, делили скот, передрались между собой.

У власти стала голытьба и уголовный сброд...»

Вообще о деградации нравственности в тот период говорят многие факты, например, граждане Лаптевского общества Лудонской волости в дни празднования 1 (14) октября 1917 г. Покрова Пресвятой Богородицы «для свободного развлечения» сломали мост длиной 8 сажень на реке Курее при деревне Большая Радежа.

Последние бои Первой Мировой

Понимая, что поредевшая и деморализованная армия нуждается в обновлении и реформировании, 15 (28) января 1918 г. СНК издал Декрет о создании Рабоче-крестьянской

Красной армии (РККА). На фронте началась запись в новую армию солдат-добровольцев, но данный процесс сильно затянулся, а местами просто игнорировался. Так в Петрограде первый пункт записи в Красную армию открылся только 21 февраля.

18 февраля закончился срок перемирия между Россией и Германией. Германские и австро-венгерские войска начали наступление по всему Восточному фронту. Серьёзного сопротивления им практически никто не оказывал. Города и железнодорожные станции оставались без боя ещё до прибытия войск противника. В течение первой недели наступления немцами были заняты Минск, Полоцк, Режица (Резекне), Двинск (Даугавпилс), Псков, Ревель (Таллин), 1 марта был занят Киев, 4 марта – Житомир. Кроме этого, к апрелю немецкие войска захватили в плен более 82000 солдат и командиров, около 800000 винтовок, 10000 пулемётов и ещё много другого вооружения, складов и боеприпасов. Скорость продвижения немецких войска составляла до 50 км в сутки.

Солдаты 12-й русской армии отступали или дезертировали с фронта. После отступления от Пскова 21 февраля, по мнению участника событий З. Шеринского, от старой 12-й армии осталось лишь две боеспособные части – отряд латышских стрелков под командованием Наймыша и партизанский кавалерийский отряд им. Пунина во главе с ротмистром С.Н. Булак-Балаховичем, а также отряд петроградских рабочих. Да и те отступили к Луге.

22 февраля из Могилёва в Петроград прибыл начальник штаба Верховного Главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевич, фактически возглавивший с этого момента оборону и сопротивление врагу.

Наступление на Ревель, Псков и Нарву вели войска 8-й германской армии. Надежды большевиков на красноармейские части и Красную гвардию не оправдались, сводные отряды в значительной части оказались небоеспособны. Войска 12-й армии Северного фронта, которым была поставлена задача задержать противника на подступах к Пскову и Острову до прибытия 1-й армии, занять и укрепить позиции не успели, в результате чего уже утром 23 февраля немногочисленными отрядами немцев были заняты Остров и Пыталово, о чём сообщает член управления войсками Северного фронта Б.П. Позерн наркому по военным делам Н.И. Подвойскому. Передовые отряды немцев находились уже на подступах к Пскову и быстро продвигались на броневиках по шоссе и поездами по железной дороге. Подвойский даёт приказ взорвать железнодорожные пути, а там, где это невозможно будет сделать – послать навстречу германскому составу товарный поезд.

«... Помните, что необходимо взрывать железную дорогу через каждые две-три версты. Неисполнение этого приказа повлечёт за собой расстрел виновных. Всё ненужное для обороны Пскова эвакуировать по железной дороге, лошадьми, моторами, для чего объявить поголовную транспортную повинность, как по погрузке, так и вывозу, привлечь за плату соседние деревни. Продовольствие вывезти, возможно, – вывезти всё, за исключением потребности одного дня. Если бы пришлось покинуть Псков, всё военное имущество и продовольствие уничтожить, все подъездные пути к Пскову взорвать, [в том числе] вокзалы», – отдаёт приказ Подвойский, – «Задержите наступление хотя бы до 8-9 часов утра. Помощь высылается. Неужели не найдется

взводов, отрядов по 30-50 человек, которые бы не пошли на подвиги для взрывов поезда и броневиков. Нужно, наконец, кликнуть клич на героев, и такие, несомненно, найдутся. Пусть агитаторы остановят бегущие части».

Уже к вечеру 23 февраля, видя скорость и напор армии противника, Позерн диктует директиву №552/Б «О порядке отхода армий фронта» в которой определяет места дислокации после отхода войск с нарвских, изборских и островских позиций: 49-му армейскому корпусу отходить вдоль железнодорожной линии Нарва – Ямбург – Гатчина, 12-й армии отступить в район Луга – Чудово – Новгород, 1-й армии отходить на восток и сосредоточиться в районе Дно – Старая Русса – Холм. Основными задачами перед фронтом ставятся удержание всеми силами города Луга и защиту железной дороги Петроград – Москва.

24 и 25 февраля в черте города Пскова идут ожесточённые бои. Со ст. Новоселье 25 февраля наркому Подвойскому начальник Чрезвычайного штаба Чёрный сообщает, что «...немцы прошли просёлочными дорогами, обошли Красную гвардию и местами заняли станцию Псков-1, где были встречены сильным огнём латышских стрелков, которыми были опрокинуты. Вскоре подошли подкрепления к немцам, к которым присоединились Белая гвардия, пленные и организованная буржуазия, которые обезоружили и арестовали Совдеп и заняли Псков. Дальнейшего продвижения их не замечается... Мосты от Пскова до Торошино все взорваны. Пути попорчены».

После оккупации Пскова красногвардейский отряд, созданный в Луге для охраны Военно-революционного комитета, состоящий из 146 человек во главе с Рыбниковым вступил в бой с немцами южнее ст. Струги-Белая. О дальнейшей судьбе Рыбникова неизвестно. По словам одного из участников событий «при первом столкновении с немцами отряд разбежался, а Рыбников пропал бесследно».

25 февраля приказом наштаверха М.Д. Бонч-Бруевича, бывший полковник Генштаба И.Г. Пехливанов был назначен начальником Псковского отряда РККА в составе пяти батальонов при 12 пулемётах на каждый батальон и трёх артиллерийских батарей с приданными средствами связи. Планировалось силами отряда выбить немцев из Пскова и преследовать до Изборска – Острова. Отряд составили добровольцы из солдат старой армии, красноармейцев и красногвардейцев, командный состав составляли 13 молодых выпускников и слушателей ускоренных курсов академии Генерального штаба.

Начальник Псковского отряда РККА

И.Г. Пехливанов

И.Г. Пехливанов в период своей службы в русской армии активно разрабатывал теорию борьбы вдоль железных дорог, которая была характерна для начального, «эшелонного» периода Гражданской войны и пригодилась ему в реальных боевых действиях.

В 22:00 25 февраля головной эшелон с 700 красноармейцев прибыл на ст. Луга и начал готовить город к обороне. Тогда же вечером с Варшавского вокзала отправился второй эшелон, прибывший в Лугу в 2:00 26 февраля, велась погрузка третьего эшелона. К 27 февраля в составе отряда насчитывалось 1300 штыков, 63 конных разведчика, 87 пулемётов и 4 трёхдюймовых орудия. Вскоре из Петрограда прибыл бронепоезд.

В 17:00 26 февраля в сторону Пскова был выдвинут разведывательный эшелон под командованием В.Я. Беркуля.

Псков был занят четырьмя немецкими полками 78-й пехотной дивизии общей численностью около 4000 человек, 27 февраля прибыли ещё два пехотных полка.

Кроме того, в городе и ближайших пригородах были расположены подразделения ещё четырёх пехотных полков, три артиллерийских и пять кавалерийских. Противостоять данной силе немногочисленному Псковском отряду было бесперспективно и занять Псков существующими силами было невозможно.

К 1 марта штаб красного Псковского отряда переместился на ст. Струги-Белая, основные силы разместились на ст. Новоселье, конница была отправлена в д. Жуковичи, а авангард на ст. Торошино. Первые боевые столкновения с противником произошли вечером 1 марта: в 23:00 у железнодорожной станции Черняковицы, в 21:00 на шоссе у д. Яхнова (ныне в составе д. Подборовье) была уничтожена немецкая застава.

2 марта в 14:30 над пос. Струги-Белая на небольшой высоте появился германский аэроплан, описал круг над станцией и улетел обратно в Псков вдоль линии железной дороги. Однако в 15:00 у ст. Торошино открыл пулемётный огонь по красноармейцам, но ответным ружейным огнём был сбит. Лётчики смогли посадить аэроплан и подожгли его, но вскоре были убиты красноармейцами. Затем появился ещё один немецкий аэроплан, но под воздействием пулемётного огня с земли, был вынужден вернуться обратно в Псков.

Германская оккупация вызвала волну недовольства крестьян и городского населения, по данным разведки в Пскове начались грабежи. Местные крестьяне посылали делегатов в отряд Пехливанова с просьбами вооружить их для партизанских действий. И.Г. Пехливанов распорядился снабжать оружием всех желающих, началась массовая запись крестьян в партизанские отряды. Только за 4 марта было вооружено около 800 крестьян, в общей сложности,

по свидетельству очевидца событий было вооружено до 7000 человек (данная цифра спорна, но количество вооружённых партизан достигало не менее 3000 человек).

3 марта штаб отряда переместился на ст. Новоселье. Подошло несколько эшелонов с пополнением из Петрограда, в отряде теперь насчитывалось 2200 штыков, 130 шашек, 93 пулемёта и 4 орудия.

3 марта произошли новые столкновения с немцами. Правый фланг отряда продвинулся до д. Лухново в 4 км севернее Пскова на железнодорожной ветке Псков – Гдов. В центре фронта красноармейцы заняли д. Черняковицы, но под натиском превышающих сил противника отступили к селу Язвицы, потеряв двух красноармейцев убитыми и пятерых ранеными. У д. Яхнова отряд «Волчья стая» в количестве 80 человек под командованием И.П. Гаврилова был атакован 150 немецкими велосипедистами. Партизаны искусно ударили во фланг немцам из засады, что привело к их полному разгрому. Потери немцев составили 18 убитых, 2 раненых, кроме того было захвачено 34 велосипеда, 60 винтовок и много амуниции. В районе ст. Торошино был подбит второй немецкий аэроплан, который смог дотянуть до д. Кресты, где опустился на землю и сгорел. В докладе И.Г. Пехливанова от 19 марта также упоминается боестолкновение у д. Углы.

3 марта был подписан Брестский мирный договор, согласно которому Россия вышла из Первой Мировой войны. Последние бои на восточном фронте навсегда остались связаны с псковской землёй, добровольческим Псковским отрядом и именем его командира Иордана Пехливанова.

3 марта немецкие войска заняли город Нарва и развивали наступление на Ямбург (Кингисепп). После занятия Пскова и Нарвы немецкие войска не предпринимали активных действий, восстановление разрушенных Красной гвардией железнодорожных путей не проводилось, подтягивались составы с продовольствием и укреплялись позиции на окраинах Пскова. Данное наступление имело целью захват Пскова и приграничных территорий, укрепление позиций на линии Нарва – Гдов – Псков – Остров – Великие Луки для того, чтобы ускорить подписание мирного договора между Германией и Россией на условиях, продиктованных Германией, после заявления Л.Д. Троцкого, что Россия не принимает немецкие условия и придерживается принципа «ни мира, ни войны».

Недавно установившаяся советская власть получила сильнейший удар в виде наступления германской армии на Украине и занятия Пскова и Нарвы, армия не смогла устоять против силы немецкого оружия, и Россия готовилась к худшему – к потере территорий и дальнейшему продвижению противника вглубь страны. Чтобы сохранить власть и независимость республики в срочном порядке были возобновлены мирные переговоры, результатами которых стал сепаратный мирный договор между Советской Россией и Германией. Германия аннексировала Польшу, Прибалтику и часть Белоруссии, также получила контрибуцию в 6 миллиардов марок.

4–5 марта после получения известий о заключении мирного договора, немецкие войска более не предпринимали активных действий, но Псков был оккупирован ещё в течение девяти месяцев до ноября 1918 года.

4 марта по приказу Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко были прекращены боевые действия, а войска оставались на занимаемых позициях. Подразделения Псковского отряда располагались к данному моменту следующим образом:

– в районе ст. Торошино располагался авангард (под командованием В.Я. Беркуля) в составе: 1-й красноармейский батальон (командир – Серебряков), Кронштадтский отряд, Шлиссельбургский отряд, Путиловский отряд (И. Киселёв), «Волчья стая» (И.П. Гаврилов), 2-й пулемётный полк (К.И. Шереметев), команда связи, бронепоезд (А. Зенкевич, Некрасов);

– в районе деревень Подлесье, Молоди и Кудри располагались главные силы в составе: 3-й запасный полк (Чилингарьянц), 3-й запасный огне-химический батальон (Надежин);

– в д. Жуковичи стоял 1-й красноармейский эскадрон (А.П. Маркевич);

– в районе ст. Новоселье: 6-й Туккумский латышский полк (К.К. Герцберг), батарея Михайловского артиллерийского училища (Быков), команда связи и штаб отряда (начальник штаба – Ф.П. Никонов);

– на ст. Струги-Белая: 2-й красноармейский батальон (Рудзит).

5 марта в 17:00 И.Г. Пехливанов отправил в Псков к противнику двух парламентёров: А. Зенкевича и переводчика Курбатова с пятью сопровождающими для решения вопроса о прекращении боевых действий и определении нейтральной полосы. Демаркационная линия была проведена в 3-х верстах севернее Пскова и в 6-ти верстах восточнее железной дороги Псков – Двинск. Пассажирские поезда из Петрограда доходили лишь до ст. Струги-Белая, далее пассажирского сообщения не было.

В местах расположения подразделений Псковского отряда после прекращения боевых действий началась интенсивная боевая подготовка и проведение учений с целью сплочения личного состава и предупреждения морального разложения.

14 марта Пехливанов был назначен военруком Лужского района с сохранением должности командира Псковского отряда и местом расположения на ст. Струги-Белая. Бывший авангард Псковского отряда был переименован в Прикрывающие отряды Псковского направления под командованием А. Зенкевича. 16 марта штаб отрядов был перемещён в Лугу. 18 марта Псковский отряд был расформирован по приказу Б. Позерна. Часть подразделений отбыли в Петроград, часть остались как войска завесы, а по сути выполняли пограничные функции.

В конце марта И.Г. Пехливанов был назначен военруком Новгородского участка отрядов завесы. 7 апреля во вверенных ему войсках произошло чрезвычайное событие: командир 1-го Псковского красноармейского батальона Василий Ереминский покончил собой на ст. Струги-Белая, не выдержав обстановки разложения первых красноармейских отрядов. В своей предсмертной записке Ереминский писал о «крушении веры в себя и в людей».

Красноармейцы 1-го Псковского батальона.

В центре с шашкой (третий справа) Василий Александрович Ереминский (1887–7.04.1918)

Струги-Белая, 1918 г.

«Мирная» жизнь в 1918 г.

До марта 1918 г. продолжали действовать мировые судьи и Лужский Съезд мировых судей под председательством судьи Фёдорова. 22 марта съездом крестьян Лужского уезда мировые суды были переименованы в народные суды, а Съезд мировых судей в Совет народных судей.

В июне 1918 г. в Лужском уезде были созданы продовольственные отряды, которым были предоставлены достаточно широкие полномочия, так как положение в уезде с продовольствием ухудшалось в том числе в связи с тем, что к весне 1918 г. в уезде скопилось около 18000 беженцев из районов, оккупированных немцами. Для защиты беднейшего крестьянства при распределении продуктов и предметов первой необходимости было решено образовать во всех селениях комитеты бедноты.

Настроения крестьян к советской власти стало резко меняться уже в марте 1918 г. К лету шесть волостей Лужского уезда, в том числе Струго-Бельская были охвачены крестьянскими восстаниями. Основной причиной стало введение чрезвычайного налога. Единовременным чрезвычайным 10-миллиардным революционным налогом облагались состоятельные слои

населения. Реализация этого налога везде проходила очень трудно. В Лудонской волости зажиточные крестьяне не хотели добровольно отдавать свои деньги и вынуждали местные власти прибегать к различным мерам, доходило дело до арестов и отправки в Лугу тех, кто сопротивлялся сдаче налога. Имелись случаи запугивания нежелающих платить революционный налог: людей ставили к стенке и стреляли над их головами. 27 марта Струго-Бельское волостное партийное собрание принимает решение о взыскании с кулаков, агрессивно выступивших на волостном собрании при перевыборах Совета, чрезвычайного налога. А также они были поставлены в известность, что при повторном подобном поведении, они будут арестованы и отправлены в Лугу.

Очень непросто проходила объявленная мобилизация людей и лошадей в Красную армию.

С.Н. Булак-Балахович

В связи с нехваткой лошадей некоторые кавалерийские части начали их просто реквизировать у крестьян, например, во второй половине апреля 1918 г. в исполком Лужского Совета пришло несколько крестьян Яблонецкой волости, которые пожаловались, что отряд С.Н. Булак-Балаховича бесплатно забирает у крестьян лошадей и фураж. При проверке этих сведений С.Н. Булак-Балахович предъявил председателю Лужского исполкома И.Л. Сондаку мандат на формирование дивизиона. Сондак, не удовлетворившись данным мандатом, послал запрос в штаб Петроградского военного округа, где подтвердили, что Булак-Балаховичу «нужно оказывать содействие».

После убийства германского посла В. фон Мирбаха и мятежа левых эсеров в Москве, а также опасаясь немецкого наступления и дальнейшего развития крестьянских возмущений, 8 июля местные власти объявили Лугу и уезд на осадном положении. Был образован чрезвычайный штаб, которому предоставлена вся полнота власти в городе и уезде. Штаб принял ряд

экстренных мер, например, отправил своего члена Рожковского – комиссара 3-го интернационального полка им. Володарского в Лудонскую и Павскую волости, где кулаки подняли мятеж и двинулись с лозунгами в сторону Луги.

В сентябре объявленная мобилизация мужчин 1893–1897 гг. рождения прошла достаточно успешно. В второй половине октября 1918 г. в Лужском, Гдовском и Псковском уездах вновь разгорелись массовые выступления крестьян. В связи с этим 26 октября Петроградский окружной комиссар приказал организовать военно-революционный штаб в составе комиссаров А.Э. Даумана, Я.Ф. Фабрициуса и военрука Васильева. Формировался штаб в Луге, ему подчинялась 3-я Петроградская дивизия и все части Лужского и Псковского гарнизонов, пограничной охраны и Чудской флотилии. Штаб размещался в вагоне на ст. Луга.

Крестьянские восстания

Продовольственная политика советской власти, недовольство населения злоупотреблениями местного начальства, наличие у населения большого количества оружия привели к вспышкам крестьянских волнений и восстаний.

Уже в июне 1918 г. в Горской волости Порховского уезда конным полком С.Н. Булак-Балаховича был подавлен крестьянский бунт.

В конце июня 1918 г. в Струго-Бельской и Яблонецкой волостях восставших крестьян возглавили бывший земский начальник барон М.П. Фредерикс и Дмитрий Шарин. Подавлением этого мятежа руководил Я.Ф. Фабрициус, организаторы были арестованы и впоследствии расстреляны по постановлению ЧК.

В июле бунтовали в Лудонской и Павской волостях Лужского уезда, имея целью свержение советской власти. Подразделения гарнизона разгромили мятежников на подступах к Луге. 10 июля порядок в уезде был восстановлен, введённое ранее осадное положение заменено военным. По постановлению губернской ЧК были расстреляны руководители восстания в Павской волости врач Гвоздикив и бывший офицер Савельев.

Я.Ф. Фабрициус

Раздуванием недовольства среди крестьян занимались члены Комитета спасения Родины и революции, возглавляемого эсером Новиковым и кадетом Волковым. Около двух тысяч восставших крестьян под руководством Новикова и Волкова перерезали железную дорогу Псков – Луга в районе ст. Новоселье. 7 августа, прибывший из Луги отряд, занял станцию, мятежники в панике разбежались.

В сводках административного отдела Порховского исполкома за август 1918 г. говорится о возбуждённом состоянии богатых крестьян Горской волости, о явно контрреволюционных настроениях в Ручьёвской волости.

1 августа 1918 г. в Ручьёвской и Горской волостях вспыхнуло вооружённое восстание против советской власти. Прибывший для усмирения во главе небольшого отряда порховский военный комиссар Костин был ранен мятежниками. Горский военкомат был разогнан. Только привлечением войск, переброшенных из Великих Лук и Дно, удалось подавить восстание. В сентябре велось следствие по делу о данном восстании, следовательно-

инструктор Е.М. Малевич докладывал: «... В Горской волости заметнее влияние более интеллигентных руководителей. Толпа, частью вооружённая, идёт в волостной комиссариат не то бить красноармейцев, не то “узнать”, в чём дело и, придя, начинают допрашивать

комиссара, для чего пришёл отряд Красной армии, на приказ положить оружие отвечают галдежом, а услышав команду “зарядить винтовки”, бросаются врассыпную и рассаживаются за прикрытиями за деревней Цапелька. Так как военными действиями руководит бывший офицер Василий Колиберский, то они более успешны для крестьян: они на время оказываются господами положения, красноармейский отряд рассеивается, в деревне водружается белый флаг, происходит суд над арестованным начальником милиции, выбираются “свои” военные комиссары и военный руководитель, делаются попытки легализовать мятеж: возбуждается ходатайство перед уездным Порховским комиссаром об утверждении нового состава комиссариата.

В возникновении этого движения сыграли свою роль, с одной стороны, деревенская бедность и отсутствие организации, влекущие ложное понимание действий власти, а с другой стороны – злостная агитация...

Считаясь с этим стихийным характером движения и исходя из того положения, что истинные виновники восстания должны быть наказаны, в то время как рядовые участники – только озабочены, комиссия решила – всех подозреваемых в руководстве движения направить в уездную и губернскую Чрезвычайную Комиссию, дающие гарантии всестороннего расследования преступлений; относительно же исполнителей ограничиться административным взысканием, наиболее чувствительным для обывателя – кулака – штрафом, заменяемым в случае неуплаты арестом». Штраф для крестьян составил 10 фунтов ржи и один пуд сена.

К осени 1918 г. массовые восстания удалось прекратить, но отдельные террористические акты против местного руководства, действия мелких банд имели место. Например, в ноябре возле имения Загорье был убит председатель Яблонецкого волысполкома В.Н. Михайлов.

С июля–августа 1918 г. в сельской местности организовываются Комитеты бедноты (комбеды), которые занимались распределением хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий труда, а также изъятием хлебных излишков у зажиточных крестьян и безвозмездной передаче их беднякам. Работа в комбедах свелась к рассмотрению доносов и поиску спрятанных запасов хлеба. В декабре 1918 г. комбеды были распущены.

Осенью 1918 г. проводилась военная подготовка населения в порядке всеобщего, затем мобилизация людей и лошадей в Красную армию.

Тогда же осенью 1918 г. в волостях Лужского уезда были образованы первые партийные организации (ячейки). В Заклинской, Павской, Струго-Бельской, Хмерской волостях – в октябре, в Лудонской – в декабре, в Яблонецкой – в начале января 1919 г.

Волостные партийные ячейки постоянно вмешивались в дела волостных исполкомов, в результате возникали конфликты между этими ветвями власти. Например, 9 февраля 1919 г. на партсобрании в Соседненской волости обсуждался вопрос о лесничем, не имевший никакого отношения к партийным делам. 18 марта там же обсуждался вопрос «о производстве обыска у гр. Монтева». В Заклинской волости в этот же период парторганизация обсуждала вопрос «о ревизии советской чайной и ночлежного дома». Ответственные работники губкома, ознакомившись с такой ситуацией, отмечали неправомерность таких действий партийных органов власти.

Общественная жизнь

Даже в суровые годы революции и гражданской войны существовала культурная и общественная составляющая жизни населения, хотя обстановка оставалась сложной во всех отношениях, например, в 1918 и в начале 1919 г. в Лужском уезде свирепствовала эпидемия сыпного тифа.

С апреля 1918 г. стала выходить газета «Вестник Лужского Совета», которая распространялась и в волостях Лужского уезда. Работали учреждения культуры, например, в Стругах действовали клуб и Народный дом. Волостной Народный дом в Стругах был открыт в апреле 1918 г. по инициативе Совета народного образования. Казначеем Народного дома был избран И.Л. Карбовский¹, создана комиссия по устройству спектаклей, проведению лотерей... Но активно развернуть деятельность Народного дома не удалось.

В крупных сёлах открывались избы-читальни. 7 января 1919 г. на партсобрании Феофиловской ячейки РКП(б) обсуждался вопрос об открытии клубов-читален. В д. Дертины организовать клуб было поручено Кондратьеву. К середине 1919 г. в Феофиловской волости имелось 7 клубов-читален с небольшими библиотеками. В зимнее время крестьяне охотно посещали данные учреждения культуры.

В феврале 1919 г. обсуждался вопрос о клубе и в Лудонской волости. По предложению Ушкова под клуб был занят двухэтажный дом Ильи Моисеева в д. Новоселье. В апреле в Яблонецкой волости обсуждался вопрос о читальнях. В.М. Богданов предложил под читальню свободную часть своего дома, с чем все присутствовавшие на собрании «с радостью согласились». А В.Н. Сузин предложил организовать читальню в каждом сельсовете. 16 апреля под Яблонецкий волостной Народный дом отдали здание волисполкома, а для служащих исполкома искали новое здание. Надо отдать должное членам Яблонецкого волсовета, которые искренне заботились о повышении культурного уровня общества.

В марте 1919 г. было предложено создать библиотеку при Струго-Бельской партячейке, И.Л. Карбовский предложил организовать волостной клуб. В правление клуба вошли И.Л. Карбовский, Пармёнов и Осипов. Из средств волисполкома для работы клуба было выделено 2000 рублей. 11 марта 1919 г. клуб в Стругах заработал.

Ещё 19 мая 1918 г. К. Юрский организовал спектакль на ст. Струги-Белая с отчислением 20% в пользу отдела социальной помощи.

Искусствовед и экскурсовод Л.В. Розенталь так описывал события 1918 г.:

«И вот я принялся просвещать Лугу и Лужский уезд, пропагандировать достижения русской живописи, учить смотреть картины. Нет, то была не робкая романтика, порождённая революцией, а сущая фантастика среди голодной неразберихи надвинувшейся Гражданской войны.»

---

¹ **Карбовский Израиль Львович**, родился в 1882 г. в Польше, фармацевт-провизор, арендатор аптеки на ст. Струги-Белая (1913–1918), заведующий отделом народного образования Струго-Красненского волисполкома (1918–1920), впоследствии работал в Луге и Ленинграде.

...А в последний раз я выезжал на небольшую железнодорожную станцию Струги Белые (ныне Струги Красные). Выставку там удалось устроить пообширнее. Мой парнишка был, однако, недоволен. Кормёжка чересчур уж была скудная. Ему частенько приходилось оставаться одному. Редко кто туда заглядывал. Ему было скучно...»

В преддверии первой годовщины Октябрьской революции в октябре 1918 г. в Струго-Бельской волости созданная комиссия по проведению составила подробный план мероприятий, который предусматривал: оповещение населения, привлечение молодёжи, приглашение агитаторов из Петрограда, проведение митинга-концерта с участием оркестра. Занялись уборкой улиц и домов. Октябрьские торжества прошли успешно.

15 октября 1917 г. в Стругах было открыто реальное училище, созданное на базе существовавшего с 1913 г. начального училища. Теперь местной молодёжи можно было получить не только начальное, но и среднее образование. Кроме реального училища на ст. Струги-Белая работали железнодорожная, церковно-приходская и эстонская школы.

Согласно положению «О единой трудовой школе», утверждённому ВЦИК РСФСР 30 сентября 1918 г., на базе бывших училищ и гимназий создавались советские школы двух ступеней. Первая ступень (для детей 8–13 лет) предусматривала 5-летний курс обучения. Вторая ступень (для детей 13–17 лет) – 4-летний курс обучения. Этим положением вводилось совместное и бесплатное обучение. Выполняя данное постановление Струго-Бельское реальное училище вскоре было преобразовано в трудовую школу второй ступени.

В пос. Струги-Белая детский сад работал с 1918 г. В 1919 г. обсуждался вопрос о строительстве нового детского сада на 300 мест.

Формирование белой армии и её отступление из Пскова

Мысль о формировании белой Северной армии зародилась среди кругов офицерства на территории, оккупированной немцами, ещё в мае 1918 г. Но реальное её формирование началось лишь в августе. У истоков формирования стояли занимавшиеся вербовкой добровольцев ротмистр Г.А. Гоштовт и полковник барон Н.Е. Вольф. 10 октября 1918 г. состоялось первое военное русско-германское совещание, на котором было постановлено немедленно приступить к формированию белой добровольческой армии. Планировалось привлечь к руководству генерал-майоров Б.С. Малявина, А.Е. Вандама и П.Н. Симанского.

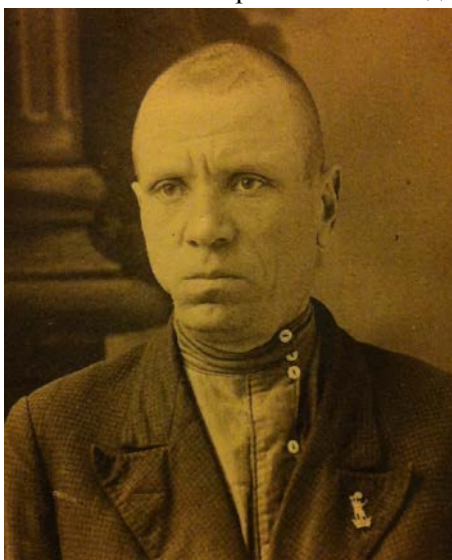
Официальным днём создания белой Северной армии стало 12 октября 1918 г. Командование над армией принял генерал-майор А.Е. Вандам. К 20 ноября 1918 г. в составе армии насчитывалось 2 генерала, 692 офицера, 2489 солдат, 9 орудий, 36 пулемётов, 4850 винтовок и 300 снарядов. Армейское казначейство выпустило в Пскове местные деньги 50-рублёвого достоинства. Частично вооружалась и обмундировывалась армия с помощью немецких оккупационных властей.

Перед Псковом в районе Торошино несли пограничную службу подразделения 3-й дивизии РККА, в районе Луги стояли три конных дивизиона под командованием ротмистра С.Н. Булак-Балаховича, один пеший дивизион, два дивизиона под командованием ротмистра Соловьёва, три дивизиона в Елезаровском монастыре под командованием подъесаула Вс. Пермикина, в базе

Раскопел находилась Чудская флотилия (4 винтовых парохода с 37-мм пушками и пулемётами, один колёсный пароход и один разведывательный). Агитацию к переходу на сторону белых в пограничных частях Красной армии проводили В.К. Видякин и Б.С. Пермикин, находившиеся на службе в РККА. Переговоры В.К. Видякина с командиром 3-й дивизии на ст. Торошино успехом не увенчались, в отличие от переговоров с командиром Чудской флотилии капитаном 2-го ранга Д.Д. Нелидовым, а также штабс-ротмистром С.Н. Булак-Балаховичем, которые Б.С. Пермикин проводил на ст. Струги-Белая. 16–17 октября в Елеазаровском монастыре проходило совещание, на котором присутствовали: С.Н. Булак-Балахович, Д.Д. Нелидов, офицеры 3-го Петроградского кавалерийского полка. На данном совещании было принято принципиальное решение о переходе на сторону белых. Кроме этого, при благоприятном развитии событий, полк под командованием С.Н. Булак-Балаховича (3-й Петроградский кавалерийский полк, состоявший из трёх эскадронов: 1-й располагался в Елеазаровском монастыре, 2-й на ст. Струги-Белая, 3-й на мызе Новая и д. Гостибицы, штаб полка находился в Луге, общая численность 1121 чел.) должен был занять Лугу и Гдов, по крайней мере склады в этих городах, перерезать телеграфную и железнодорожную связь с Петроградом, но сделать этого не удалось.

Переход на сторону белых был запланирован на 8 ноября, но подъесаул Вс. Пермикин во главе 1-го эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка выступил уже 26 октября в силу обстоятельств и своей несдержанности. 28 октября к белым перешли три парохода Чудской озёрной флотилии во главе с командиром флотилии Д.Д. Нелидовым.

После перехода эскадрона Вс. Пермикина в Псков, комиссар Я.Ф. Фабрициус срочно вызвал на ст. Торошино И.Н. Балаховича – родного брата С.Н. Булак-Балаховича, который смог убедить в лояльности кавалеристов и командования полка советской власти.

Яблонецкий волостной комиссар
Д.С. Архипов

В Струги-Белая прибыли комиссары во главе с Я.Ф. Фабрициусом для ареста неблагонадёжных командиров, был арестован Соловьёв, но С.Н. Булак-Балахович также смог убедить комиссаров в своей лояльности советской власти. Данный эпизод описан в воспоминаниях военкома Яблонецкой волости Д.С. Архипова, когда он вместе с военруком Н.М. Кулаковым пожаловались С.Н. Булак-Балаховичу на случаи мародёрства бойцов его полка:

«Отказыряв, мы представились. Сдержанно, но корректно Балахович принял нас. Я без обиняков изложил причины нашего прибытия, упомянул и о том, что по этому вопросу ехали в уезд, но, встретив командира полка, изменили своё решение. Меня выслушали в полном молчании и спокойствии. Но как только я окончил, Балахович быстро поднялся и подал мне руку, давая понять, что встреча окончена, сказал, как отрубил:

– Будет проверено. Если не подтвердится, будете

расстреляны.

Военком г. Луга А.С. Булин

Я взглянул на комиссара полка Балаховича, но тот сидел невозмутимо, как и все другие. <...> Мы вышли на перрон, находясь ещё под впечатлением от происшедшего. И в это самое время к перрону подошла военная лётучка. Из классного вагона показались Ян Фабрициус – чрезвычайный комиссар участка Луга – Торошино, впоследствии наш замечательный полководец, уездный военком Булин и другие. Им навстречу уже спешил Балахович со своим окружением.

Мы подошли к Булину, но доложить ничего не успели, он предложил зайти в вагон, всё рассказать оперативному работнику и получить от него нужные указания. Выслушав нас, умный и проницательный Гужинский задумался и, помолчав, сказал:

– Да знаете ли вы, горячие ваши головы, что вы доложили Балаховичу на Балаховича? – и, помолчав ещё, добавил: – А материал ваш серьёзный.

От Гужинского мы узнали, что в полку неблагополучно, что эскадрон, расположенный под Псковом в районе Елезаровского монастыря, ушёл в

Псков к белым, чем и вызван приезд сюда начальства.

Через час мы были очевидцами, как на площади у теперешнего молочного завода, перед выстроенным в конном строю эскадронам тов. Фабрициус произносил пламенную речь, клеймя позором предателей и изменников, призывая искупить вину, как Балахович клялся смыть с полка позор».

В ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. 2-й эскадрон под командованием С.Н. Булак-Балаховича в количестве около 500 человек с артиллерийской батареей двинулся от ст. Струги-Белая на ст. Торошино, не достигнув Торошино, свернул к Карамышево, где пересёк демаркационную линию и перешёл на сторону белых. От планов захвата Луги и Гдова пришлось отказаться, как от невыполнимых. Большая часть эскадрона (около 300 человек) после пересечения демаркационной линии отказались переходить на сторону немцев и разбежались.

Переход кавалеристов С.Н. Булак-Балаховича на сторону белых сильно поднял боевой дух бойцов формировавшегося Северного корпуса и давал надежду на массовый дальнейший переход войск от красных, что быстро бы увеличило численность корпуса.

В ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, император Вильгельм II отрёкся от престола. Разложение в частях всей немецкой армии и в частях 5-й запасной дивизии, находившихся в Пскове, влияние солдатских комитетов, требующих возвращения солдат на родину, привело к оставлению Пскова германцами.

18 ноября командир 3-й дивизии белой Северной армии полковник Г.Г. фон Неф объявил весь район её формирования (Псковский, Островский и Режицкий уезды) на осадном положении.

19 ноября походным порядком убыл в Германию 108-й германский артиллерийский полк. К 21 ноября все пограничные германские войска отошли на тыловые позиции.

21 ноября командование белой Северной армии объявило всеобщую мобилизацию населения на подконтрольной территории, но провести её не успело. 22 ноября командующий А.Е. Вандам и начальник штаба Б.С. Малявин покинули свои посты. Командование армией принял полковник Г.Г. фон Неф, начальником штаба стал ротмистр В.Г. фон Розенберг.

25 ноября 1918 г. немецкие войска покинули Псков, а со стороны войск Торошинского участка 7-й армии РККА, в составе которого насчитывалось до 3000 человек (10-й стрелковый полк Новгородской дивизии, 1-й Московский революционный полк, отряд Берзина, 3-й летучий отряд Лякса и другие подразделения), началось наступление на Псков с севера и северо-востока. В тот же день, желая занять позиции на линии разграничения советских и немецких войск, началось встречное наступление белой Северной армии по направлению от Пскова к Торошино и Карамышево. Конные части С.Н. Булак-Балаховича, встречая незначительное сопротивление со стороны красноармейцев, заняли Карамышево. Белый Волынский полк под командованием полковника Д.Р. Ветренко у почтовой станции Кресты был обстрелян бронепоездом РККА под командованием С.П. Волкова и встретил пять эшелонов пехоты, уклонившись от боя с превосходящими силами противника, полк отошёл к д. Кебь и далее наступал в сторону Карамышева. Во второй половине дня 25 ноября Псков был занят частями Красной армии. Части белой Северной армии от Карамышева отступили обратно на Кресты, далее к Выбутам и там, преодолев вброд р. Великую, вышли на Рижское шоссе и прибыли в Изборск. Далее продвинулись до Верро (ныне Выру), где сосредотачивались. Сюда же чуть позже прибыли Талабский отряд, конница и два артиллерийских орудия С.Н. Булак-Балаховича, отряд Л.И. Микоши.

В Пскове с 27 ноября приступил к работе ревком во главе с В.С. Шатовым.

Во время первых столкновений красных и белых на северо-западе России, сосредоточения сил белой армии на юго-западе и востоке страны, 18 ноября 1918 г. в Омске тайным голосованием на совещании Совета министров на пост Верховного Правителя России был избран адмирал А.В. Колчак.

6 декабря 1918 г. между Северной армией и правительством Эстонии был заключён договор, направленный на совместную борьбу с большевизмом и анархией в Псковской области. С декабря 1918 г. Северная армия стала именоваться Северным корпусом и административно стала подчиняться правительству Эстонии, главнокомандующим Северным корпусом был назначен главнокомандующий Эстонской армией Й. Лайдонер.

1919 год. «Зелёные»

Волна дезертирства охватила Лужский и Псковский уезды. Проблема борьбы с дезертирством находилась в центре внимания местных властей. В январе 1919 г. в районе Струго-Бельской, Яблонецкой и Заклинской волостей появились «бродячие воинские отряды», состоящие

из отступающих красноармейских частей. 22 января 1919 г. в Струги поступила информация о приближении группы всадников в количестве 35 человек, принимаются срочные меры по обороне посёлка, был создан ВРК в составе: В.Г. Гасюн, И.Л. Карбовский, Алексеев, был создан отряд обороны в количестве 33 человек, было вызвано подкрепление из Луги, но до Струг всадники не доехали. До конца не ясно, кто это были, вероятнее всего, дезертиры.

Положение с дезертирами было тяжёлым по всей стране, особенно напряжённо было в прифронтовой зоне. Например, в Заклинкой волости появился отряд из 150 красноармейцев из состава 1-го конного полка, который в районе Чудского озера внезапно атаковали белые, командир бежал, и красноармейцы беспорядочно отступили, а затем дезертировали. Дезертиры расположились в нескольких деревнях Заклинской волости, а затем, разбившись на мелкие группы, рассеялись в направлении Порхова.

Боролись с дезертирами и наличием большого количества оружия у местного населения, самыми различными методами. 16 февраля Струго-Бельский волсовет «объявил войну» дезертирам. Волостные отряды прочёсывали деревни и хутора, отлавливали дезертиров, изымали оружие. Например, волостной отряд в деревне Староверский Луг изъём у населения 63 винтовки.

Дезертиры сколачивали банды, терроризировали и грабили местное население. Данные вооружённые банды получили название «зелёных». 11 июня для борьбы с «зелёными» в Запольскую, Которскую и Струго-Бельскую волости был отправлен отряд ЧОН под командованием И. Педдеца в количестве 55 человек. Отряд действовал жёстко. Недалеко от д. Кулотино были задержаны три разведчика из состава банды прапорщика Леды. От них стало известно, что в ночь с 25 на 26 мая в километре от д. Которск банда захватила красноармейский обоз, семь человек охраны обоза, в том числе начальник обоза А. Голубев были убиты.

Из-за жёсткого отношения советской власти к дезертирам, а также распространения слухов о расстрелах дезертиров в Луге, они часто примыкали к белым войскам, в том числе также с целью получения пропитания.

Первое наступление белых

В феврале-марте 1919 г. части Северного корпуса совершили ряд набегов на красноармейские подразделения, располагавшиеся на восточном берегу Чудского озера. 5 апреля отряд под командованием С.Н. Булак-Балаховича занял Гдов и почти сутки удерживал город.

Ожидая наступления белого Северного корпуса, 2 мая 1919 г. Совет обороны Петрограда объявил Петроградскую губернию на осадном положении. В распоряжение политотдела 7-й Красной армии посылаются местные коммунисты. Лужский уездный комитет 7 мая 1919 г. постановил направить в Красную армию всех членов, кандидатов и сочувствующих РКП(б) г. Луги, а от каждой волостной ячейки партии не позднее 15 мая послать в распоряжение укома по одному человеку, если организация насчитывает не менее десяти членов, если больше – двух.

Ещё в феврале для обороны Пскова, прикрытия направлений на Старую Руссу и Лугу в составе 7-й армии РККА была создана Псковская группа войск (боевой участок), которая состояла из Эстляндской стрелковой бригады и 10-й стрелковой дивизии.

13 мая началось общее наступление частей белого Северного корпуса с территории Эстонии по направлению на Ямбург. Части под командованием полковника С.Н. Булак-Балаховича наступали на Гдов и Раскопель. Фактическое оперативное командование корпусом осуществлял генерал-майор А.П. Родзянко. Благодаря удачным действиям Северного корпуса, тому, что белые войска захватили инициативу в свои руки, а части РККА несли поражение по всему фронту и боевой дух их резко упал, 2-я дивизия Эстонской армии перешла в наступление и без согласования действий с командованием Северного корпуса, заняла Псков. Некоторые подразделения РККА в полном составе или частично переходили на сторону белых.

15 мая части под командованием С.Н. Булак-Балаховича заняли Гдов. Местные коммунисты создали партизанский отряд численностью 70-80 человек, но действовать начали только после того как наладили связь с 82-м стрелковым полком РККА. Далее части С.Н. Булак-Балаховича продвинулись на юг до р. Желча. Через четыре дня после занятия эстонцами, в Псков с небольшим количеством солдат прибыл С.Н. Булак-Балахович.

Во время наступления к войскам С.Н. Булак-Балаховича присоединился партизанский отряд под начальством прапорщика Леды (Л.А. Дрельника), организованный из местных крестьян, который до этого рейдировал по территории Которской, Модолицкой, Струго-Бельской и других смежных волостей. Отряд Леды в общем наступлении белых действовал на Струго-Бельском направлении.

Уже с 16 мая в Стругах и волости начали ходить слухи о приближающейся белой армии. 18 мая в Луге был организован Комитет обороны, в пограничные с фронтом волости направлены комиссары, в Струги-Белая был направлен Дмитриев, который возглавил Струго-Бельский ревком. При волостных ревкомах прифронтной полосы организуются вооружённые отряды, устанавливается дежурство членов партии при волисполкоме. 19 мая в Стругах прошло совещание, на котором присутствовали члены партии, командир 3-го батальона Поляков, комиссар Валов, командир взвода 4-й роты 38-го стрелкового полка железнодорожной охраны Демаш, председатель 3-й участковой прифронтной ЧК Тимофеев и два следователя ЧК. Совещание было собрано с целью согласовать действия различных служб при наступлении противника. Председательствовал на совещании секретарь партячейки Алексеев.

Уже 21 мая председатель Струго-Бельского волисполкома доложил в Комитет обороны, что в д. Сковородка расположился отряд белых в количестве 140 человек.

С.Н. Булак-Балахович и
Й. Лайдонер. Псков, 1919 г.

22 мая в Луге была организована местная чрезвычайная комиссия для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, состоящая из 8 человек. В Луге начинается эвакуация архивов советских учреждений и имущество некоторых предприятий.

24 мая прекратилось сообщение Пскова с Петроградом и Лугой вследствие порчи телеграфных проводов, подрыва железнодорожных путей и моста на перегоне Струги-Белая – Плюсса.

На 1 июня было назначено масштабное наступление красных, но оно фактически не состоялось. К 5 июня фронт частей Южной группы 7-й Красной армии проходил по линии: Поля – Замостье – р. Тростянка – Олешно – Б. Толошницы – Нежадово – ст. Плюсса – Кириллково – Б. и М. Лъзи – Дертины; на Псковском участке по линии: Турея – Хредино – Замушки – Сивкова – Переростень – Дубровно – Гостибицы – р. Кебь до устья – р. Черёха – р. Великая – Крюково – Сидорово.

В последней декаде мая в Стругах власть сменилась, хотя крупных подразделений белых войск здесь не было, лишь к 7 июня прибыл Конный полк и 9 июня партизанский отряд им. С.Н. Булак-Балаховича, который прибыл со стороны ст. Плюсса, выбив небольшое подразделение

красных из с. Хмер.

Как сообщает историограф отряда им. Балаховича М. Иванов: *«За четыре месяца Струги переходили из рук в руки 12 раз и под конец имели весьма унылый вид, но во время нашего первого прихода это был цветущий и многолюдный уголок».*

Сразу же после прихода белых начались репрессии против приверженцев советской власти, особенно против руководящих работников советских органов власти и партийных, которые не смогли или не успели эвакуироваться. Несколько человек было арестовано, в том числе 19-летняя Н.А. Богданова – секретарь Яблонецкой партячейки.

На утро 4 июня 1919 г. была назначена казнь. Казнили одновременно нескольких человек, по рассказам очевидцев, Нина во время казни вела себя мужественно. При стечении народа казнь проводили на небольшой пологой поляне за рекой Белой (Щировкой), сейчас это площадь Жертв Революции на перекрестке улиц Советской и Жертв Революции. Перед казнью, Нина просила её расстрелять, а не вешать, но её просьбу не удовлетворили, а уже с накинутой петлёй, Нина крикнула: «Коммунистку повесите, а коммуны никогда!» Существует другой вариант событий, согласно которому первоначально Нина была приговорена к 25 ударам плетью прилюдно, но она заявила, что не желает быть униженной и просила лишить её жизни, что и было сделано. Всего в

Стругах белыми было повешено, по различным сведениям, от 20 до 34 человек. В Заклинской волости в числе прочих казнённых было несколько местных учительниц.

Наступающие части белых достигли Сиверской и Муравейно. Георгиевский полк выдвинулся в юго-восточном направлении от оз. Самро. Отряд С.Н. Булак-Балаховича выдвинулся через Струги-Белая в направлении на Порхов и через Псков на Остров.

4 июня в районе Красных Гор белые потерпели поражение, но в результате контратаки заняли Лугу и удерживали её до 14 июня.

На занятых белыми войсками территориях восстанавливалось право владения землёй прежних владельцев, крестьяне, пользовавшиеся помещицкой землёй, имели право лишь на сбор урожая с неё осенью 1919 г.

Струго-Бельский ревком находился с конца мая на ст. Уторгош. 5 июня он получил предписание выдвигаться в Лудонскую волость, освобождённую от белых для восстановления советской власти. 7 июня в Лудонях располагался штаб 1-го батальона 1-го полка РККА, в д. Новоселье стояла 1-я рота. Белые находились в районе деревень Пашково и Захонье – в 3–5 верстах западнее.

10 июля белые в количестве 25 всадников из состава Конного полка Булак-Балаховича атаковали ревком, 9 сотрудников ревкома отбили первую атаку, а затем, отступили. Найти подмогу в виде солдат РККА ни в Новоселье, ни в Лудонях, комиссары не смогли, в результате был вызван на подмогу взвод 3-й роты, подошёл броневик, и белые отступили к Захонью, захватив обоз с документами ревкома, часть дел Струго-Бельского исполкома и 2000 рублей. Затем белые стали обстреливать Лудони из орудия, в деревне сгорело около 20 домов. Ревкомовцы снова вернулись в Уторгош.

Конный полк белых с артиллерийской батареей занимал деревни Захонье, Коневницы и Заборовье, севернее располагался Георгиевский полк. Функция данных частей состояла в охране линии железной дороги.

К периоду июня-июля 1919 г. относятся и воспоминания Н.П. Коха, работавшего в то время на железной дороге: *«Летучка благополучно прошла “ничейную” полосу. Нам, путейцам, сидевшим на последней платформе, перед толкавшим паровозом казалось, что никакого фронта и нет, спокойно себе покуриваем. Проехали Карьер, а за ним через 4-5 вёрст показался входной семафор. Летучка остановилась, как бы подумала немного и не спеша двинулась дальше. Вскоре она вышла на безлюдную станцию и подкатила к вокзалу, где на перроне у кипятивника и походной кухни, хлопотали солдаты. Беляки сначала не обратили внимания на летучку, но, когда увидели выскакивающих из вагонов красноармейцев, разбежались. Так без единого выстрела были заняты Струги. Но ненадолго. Беляки быстро опомнились и открыли стрельбу из винтовок. Где-то застрочил пулемёт. Завязывать бой, чтобы удерживать станцию, не входило в расчёты командования. [Командир летучки] Билль приказал отходить. Красноармейцы быстро поскакали обратно в вагоны, не успев испробовать трофейного обеда или опрокинуть походную кухню. Паровоз попятился назад, увлекая за собою вагоны и платформу с пушкой. Для остротки всё же дали небольшую пулемётную очередь».*

7-я армия РККА под командованием М.С. Матиясевича перешла в наступление. 11 июля после упорных боёв красноармейцы заняли Феофилову Пустынь.

12 июля части красных ранним утром заняли деревни Букино и Пашково. К 10:00 вели наступление на Заборовье, однако сильным огнём артиллерии были отброшены. Потеснив Георгиевский полк севернее Заборовья, части РККА вынудили Конный полк и артиллерийскую батарею отойти в Струги-Белая. Понимая, что посёлок не представляет выгодной позиции для обороны, части белых отошли к погосту Щир. Батарея заняла возвышенности у д. Выборово.

Вечером 13 июля наступавшие по дороге на Выборово подразделения красных были отбиты, но в ночь на 14 июля, в связи с отсутствием прикрытия с левого фланга, Конный полк отступил к д. Сквородка, а батарея выбрала позицию в д. Миложа.

На данных позициях с 15 по 18 июля подразделения белых ежедневно отбивали атаки красных войск. Погибшие в этих боях красноармейцы перевозились в Струги и были захоронены в братской могиле на пл. Жертв Революции.

19 июля белый Георгиевский полк, занимавший позиции у д. Вязки отступил, чем вынудил кавалеристов Конного полка покинуть позиции у д. Сквородка. Конный полк Булак-Балаховича с артиллерийской батареей отступили на запад через деревни Озерёво и Дуброшкино. Далее эти подразделения достигли погоста Белого, 23 июля выступили к ст. Молоди, где ими был обстрелян бронепоезд красных. 24 июля они пересекли железную дорогу и вышли на шоссе у д. Ротный Двор, откуда атаковали с нескольких сторон подразделения красных, серьёзно укрепившихся в имении Гора, у д. Цапелька был обстрелян броневедомитель красных, который отступил по шоссе на север. 25 июля белый Конный полк выступил через деревни Жабенец и Алексеевку по направлению на Порхов, однако взять Порхов им не удалось.

К 27 июля Красная армия освободила практически всю территорию Лужского уезда. Вооружённые отряды при волостных ревкомах были расформированы.

В июне и июле 1919 г. проходила массовая мобилизация в РККА мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет на территории Петроградской и Псковской губерний. За два месяца было мобилизовано около 33000 человек.

Хотя наступление белого Северного корпуса развивалось достаточно стремительно, но после достижения определённой ширины фронта начал сказываться недостаток сил и средств. Корпус был переименован в Северо-Западную армию и переформирован в два корпуса. С целью выпрямления фронта, а также в связи с невозможностью продолжать далее наступление, 1-й корпус отступил в начале августа за реку Лугу, оставив Ямбург, продолжая успешно отбивать все попытки 2-й и 6-й красных стрелковых дивизий форсировать реки Луга и Саба. В дальнейшем на Нарвском участке фронта установилась относительная тишина. С целью прикрытия правого фланга 1-й дивизии, 2-й корпус перешёл в наступление, и его части заняли ст. Струги-Белая, а также продвинулись к Острову и Порхову. 1-я дивизия заняла фронт по линии Струги-Белая – оз. Сяберо – д. Малый Хилок.

В первых числах августа из Швеции прибыли новые деньги для белой Северо-Западной армии и территории ею занятой – казначейские знаки генерала Н.Н. Юденича. Генерал А.П.

Родзянко признавал, что отсутствие денег заставляло многих командиров не стесняться в выборе средств для добывания пропитания, фуража и обмундирования. При наступлении, белые войска не могли не только обеспечить продовольствием население, что было совершенно необходимо, но и сами пользовались местными средствами, зачастую забирая у населения последнее, что не могло не восстанавливать его против белого движения. Партизанские действия отряда С.Н. Булак-Балаховича и «зелёных» формирований, охотно примыкавших к белой армии, навели ужас на население Пскова и окрестностей. Эстонцы также грабили русское население, как только могли. Например, согласно заявлению Вс.Л. Модзалевского от 14 февраля 1920 г., в период времени, когда он находился на службе в составе Балтийского Флота, семья его и всё хозяйство в имении Гари были ограблены белыми при отступлении: *«...было отнято всё платье, бельё, обувь, деньги и вообще вся домашняя утварь. Грабёж сопровождался грубым насилием, побоями, и жену несколько раз водили расстреливать».*

Командующий 15-й армией
РККА

А.И. Корк

К 5 августа части 1-го белого корпуса заняли фронт по рекам Луге и Сабе от д. Кленно до оз. Сяберо. От оз. Сяберо до ст. Струги-Белая стояла 1-я дивизия и Конный полк С.Н. Булак-Балаховича, от Струг до левого фланга эстонских войск – части 2-го белого корпуса. Наступление Красной армии на Псков провалилось и части 2-го белого корпуса совместной контратакой с эстонцами заняли Владимирский Лагерь и подходили к Острову и Порхову. После удачных действий ударной группы 11-й красной стрелковой дивизии в направлении на Изборск, разложение в эстонских войсках, привело к тому, что 2-я Эстонская дивизия фактически без нажима со стороны красных отступила от Острова и Пскова к Изборску.

Части 15-й армии РККА под командованием А.И. Корка 15 августа перешли в наступление на Псковском направлении и сильно потеснили противника.

Артиллерийская батарея из состава отряда им. Булак-Балаховича, прибывшая со стороны шоссе Псков–Порхов 18–19 августа располагалась в д. Липно у ст. Новоселье. 20 августа они двинулись обратно, но достигнув д. Алексеевка, получили приказ отступить к д. Подборовье на шоссе Псков–Луга.

19 августа красные выбили белых со ст. Струги-Белая. В составе красных действовал бронепоезд (командир Н.Е. Васильев), прибывший со ст. Плюсса.

Удерживать Псков существующими силами белой Северо-Западной армии, находившимися на правом фланге сильно растянувшегося фронта, стало невозможно. Утром 26 августа 83-й и 87-й красные стрелковые полки подошли вплотную к Пскову с юго-запада. Белые, оставив Псков

практически без боя, отступили к северу за реку Желча. 2-й корпус занял оборону по р. Желча до Юхнова, 1-я дивизия от Юхнова по рекам Люте и Плюссе до устья реки Вёрдуга и оз. Сяберо.

***

На территории Лужского и Псковского уездов снова была восстановлена советская власть. 2 сентября 1919 г. постановлением Президиума Лужского исполкома станция Струги-Белая была переименована в Струги Красные.

Ю.П. Анненков в автобиографической «Повести о пустяках» так иронично описывает переезд кухарки из Петрограда в Струги и переименование станции в Струги Красные:

«Кухарка Настя уехала к себе в Струги-Белая <...> и уже бранится в волисполкоме. Вся обмотанная тряпьём, она ходит по разным людшкам, добираясь до смысла событий, ей трудно снова войти в деревенскую жизнь.

– Поди сто лет – всё Струги-Белая да Белая, – волнуется Настасья, – а ныне, накося – Струги Красная! Почему?..

– Нынче, гражданка, революция. Рабоче-крестьянский цвет – красный.

– А, например, почему?

– Такое вышло постановление: всю белую сволочь перекрашивать.

– А почему?

– Потому что сволочь!

Кухарка Настасья отправляется к учительнице, потом к отцу дьякону. Потом в комитет бедноты – ругать революцию, допытываться истины в желании что-то понять и других научить, как и что».

Второе наступление белых

20 сентября в Луге была созвана 5-я уездная партийная конференция, был избран новый состав укома в состав которого вошёл и В.Г. Гасюн, обсуждался вопрос обороны города и уезда.

Командующий 7-й армией РККА

С.Д. Харламов

В период с 15 сентября по 15 октября в Петроградской губернии проводилась агитационно-просветительская работа в деревнях: устраивались митинги, читались лекции. Например, в Заклинской волости беседы проводились в пяти деревнях. Во всех волостях достаточно успешно прошёл День советской пропаганды.

Генерал А.И. Деникин на юге России перешёл в наступление по всему фронту и продвигался в направлении на Москву. Учитывая моральное состояние Северо-Западной армии, законченную мобилизацию и перевооружение, а также необходимость прекратить начавшиеся переговоры между большевиками и эстонцами, белая Северо-Западная армия перешла в наступление, хотя положение, в связи с потерей Пскова имела невыгодное.

Против частей белой Северо-Западной армии на Псковском и Струго-Красненском направлениях действовали части 7-й армии РККА под командованием С.Д. Харламова (с 26 сентября по 17 октября 1919 г.), а именно: 10-я стрелковая дивизия (82, 83, 84, 88, 89-й стрелковые полки, Латышский красный полк, 2-й коммунистический полк им. Троцкого, 4 тяжёлых и 6 лёгких орудий), 19-я стрелковая дивизия (162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171 стрелковые полки, 4 лёгких орудия), 16-й стрелковый полк, 1-й железнодорожный батальон, 19-й отдельный батальон, 1-й матросский коммунистический отряд, эскадрон Балашева, бронепоезда «Керенский» и «Троцкий».

Наступление частей белой Северо-Западной армии под кодовым названием «Белый меч» началось 28 сентября. С целью отвлечения красных от направления главного удара, 4-я белая дивизия (командир – генерал-лейтенант князь А.Н. Долгоруков, в составе дивизии находились: Нарвский, Вознесенский, Велико-Островский, Литовский полки, 4 тяжёлых орудия, 6 лёгких) прорвала фронт 7-й красной армии в направлении на Струги Красные. 30 сентября после штыкового боя полки 4-й дивизии заняли деревни Сварец, Турец, Юхново, пог. Ляды и другие населённые пункты, а также мост через р. Плюссу.

3 октября шёл упорный бой против частей белой 4-й дивизии у д. Сквородка, к вечеру деревня была занята белыми, чему способствовал выход Велико-Островского полка на линию железной дороги севернее ст. Струги Красные. 4 октября была занята ст. Струги Красные, железная дорога Луга – Псков вновь оказалась перерезана и части РККА на Псковском направлении вынуждены были отступить.

Наступление на Струги советское командование расценивало как попытку захвата Пскова и восстановления фронта с Эстонией на данном направлении, и начало переброски в район боевых

действий 3-й бригады из состава 6-й дивизии и Башкирской кавалерийской бригады из Петрограда.

6 октября, подтянув 19-ю стрелковую дивизию в полном составе в район деревень Лудони и Новоселье, подразделения РККА нанесли контрудар в направлении на Струги Красные, но удачным манёвром 4-й белой дивизии, были разбиты наголову, оставив 2 орудия, 20 пулемётов, много пленных, обозов и снаряжения. Но 7 октября, выйдя в тыл белым два красных полка создают угрожающее положение для всей 4-й дивизии. Части 4-й дивизии быстрым манёвром переместились на север и сходу атаковали красных у деревень Музовер и Остров, где также взяли большое количество пленных и пулемётов. Отступив после контратаки, подразделения красных оставили 75 человек убитыми у д. Остров.

1-й эскадрон белого Конного полка Булак-Балаховича выступил в д. Дуброшкино, где располагался штаб 10-й красной стрелковой дивизии и большое количество обозов. Неожиданное нападение белых кавалеристов вызвало панику, было убито до 25 красноармейцев и захвачено множество обозов с тыловым имуществом.

8 октября командир 2-го белого корпуса генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев решает лично руководить операциями по ликвидации маневрирующих частей красных, так как 10-я дивизия красных расположилась в долине реки Желча, а отброшенная 19-я дивизия вновь собиралась с силами у д. Лудони. Ночью генерал Арсеньев выезжает в Струги, ознакомившись с оперативной обстановкой, он составляет план дальнейших действий. Согласно плану 4-я дивизия вновь меняет направление удара и энергично ударяет в западном направлении во фланг красным, отдельная бригада наступает с севера на юг. В результате этих действий части 10-й дивизии красных отступают к Пскову, оставив два орудия, множество пленных и трофеев.

Неожиданный удар Северо-Западной армии в направлении на Псков и Струги Красные вместо ожидаемого в направлении на Ямбург привёл к ошибочной перегруппировки войск РККА, воспользовавшись этим, белые успешно наступали на восток.

По приказу генерала А.П. Родзянко с целью выравнивания фронта, части 4-й дивизии оставили Струги Красные, отойдя левым флангом к д. Вешень (ныне в Плюсском районе).

Командование Северо-Западной армией принял генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, генерал А.П. Родзянко был назначен помощником главнокомандующего и отправлен руководить действиями 3-й белой дивизии.

10 октября белые войска наступали в направлении Волосово – Мшинская – Луга, прорвали фронт между 2-й и 19-й дивизиями красных. 11 октября белыми был занят Ямбург. В 16:00 13 октября Георгиевский полк 3-й дивизии со стороны Осьмино, совместно с частями 1-й дивизии, заняли г. Луга, остальные полки этой же дивизии заняли станции Фан-дер-Флит и Серебрянка. 16 октября белые заняли Красное Село, 17 октября была занята Гатчина. 4-я дивизия, после разгрома 10-й дивизии красных, вновь возвратилась на прежние позиции. 14 октября Конный полк Булак-Балаховича и артиллерийская батарея достигли д. Ждани, в 5:00 15 октября открыли артиллерийский огонь из д. Миложа по д. Скворodka. Подразделения РККА отступили и белые к 13:00 15 октября беспрепятственно заняли пос. Струги Красные. Продвинувшись вдоль линии

железной дороги, заняли станцию Плюсса и, сменив у ст. Серебрянка охранные части 1-й дивизии, в районе Луги соединились с 1-й дивизией. 21 октября части 1-й и 4-й дивизий белых заняли ст. Батецкая.

Во время занятия белыми осенью 1919 г. в Стругокрасненской волости был расстрелян Андриан Иванов, разграблено имущество членов волисполкома: В.Г. Гасюна, И.Л. Карбовского, Жёлудя, А.Г. Макке, Осипова, Кюна и др. Всего 10 человек.

Промедление с выдвиганием частей белой 3-й дивизии под командованием генерал-майора Д.Р. Ветренко к Тосно, привело к срыву планов перерезать Николаевскую железную дорогу. Этим воспользовалось командование РККА, укрепив оборону Тосно и спешно перебросив по железной дороге к Петрограду свежие силы. Учитывая важность защиты Петрограда для существования молодой советской республики, 16 октября в Петроград прибыл нарком по военным делам Л.Д. Троцкий. 17 октября в должность командующего 7-й армией РККА вступил Д.Н. Надёжный.

Ночью 19 октября оставленные на ст. Струги Красные подразделения белого Конного полка после удара красноармейцев 89-го и 90-го стрелковых полков были выбиты в район д. Сквородка. 20 октября в 12:00 подразделения белых предприняли контратаку и снова заняли погост Щир, а к 18:00 – Струги Красные. Развивая наступление на восток, белый Конный полк выбил красноармейцев из деревень Новоселье и Лудони и далее продвигались в сторону Луги по шоссе и достигл Луги вечером 25 октября.

Белая армия совершала переходы с боями по 30-40 км в сутки. 20 октября 5-я белая дивизия князя А.П. Ливена достигла Стрельны и Лигово. Петроград серьёзно готовился к боевым действиям на улицах города. К 21 октября было взято Царское Село, Павловск и Царская Славянка, но уже 24 октября Царское Село и Павловск белыми войсками были оставлены. Занять Петергоф, Ораниенбаум и Пулково белым не удалось.

Для усиления удара на Петроград с Лужского направления были сняты 1-я дивизия и большая часть 4-й дивизии, в результате чего был оголён протяжённый фронт на правом фланге Северо-Западной армии.

21 октября красным командованием был разработан план контр наступления. На помощь 7-й армии была привлечена 15-я. После освобождения Царского Села и Павловска, части РККА заняли Ропшу и Кипень. Фактически все боеспособные части белой Северо-Западной армии находились у Гатчины и обороняли её.

Командующий 15-й армией
РККА

А.И. Кук

Части 15-й красной армии, с 15 октября возглавляемые А.И. Куком, получили боевое задание перейти в наступление на участке Псков – Луга, чтобы, соединившись с частями 7-й армии, совместно ударить по белой Северо-Западной армии. К исходу 26 октября Красная армия освободила Красное Село.

30 октября начинается одновременное наступление по всей линии Варшавской железной дороги – от Луги до Торошина. На флангах наступление было отбито, но в центре между станциями Струги Красные и Плюсса красные войска не встречают практически никакого сопротивления из-за отсутствия здесь белых частей. 11-я дивизия красных беспрепятственно переходит линию железной дороги, освобождает Струги Красные и Плюссу. Впереди наступающих от Пскова шёл бронепоезд (командир – Чуркин), за ним эшелоны с пехотой и артиллерией, которые высадились на ст. Серебрянка и по Варшавскому шоссе наступали на Лугу. Белые части, находившиеся в Луге под командованием полковника Григорьева, под нажимом красноармейцев, 31 октября оставили Лугу и отошли к Мшинской.

31 октября из кавалерийского полка 11-й стрелковой дивизии и Эстонского кавалерийского полка красных была сформирована маневренная группа, которая в ночь на 3 ноября в 4:30 выступила из пог. Лосицы и заняла д. Сербино, далее группа отправилась к д. Гостичево, выдавая себя за белых. Налётом на мызу Чернёво маневренная кавалерийская группа захватила большое количество пленных и склад с вооружением, обмундированием и продовольствием. Далее группа двинулась на Гдов, по дороге ими были разбиты несколько подразделений белых. Это был один из самых успешных рейдов Красной армии по тылам белых войск на северо-западе.

Поняв, что Северо-Западная армия загнана в угол, сил и средств для дальнейшего наступления не осталось, началось её отступление от Гатчины в направлении на Ямбург.

7 ноября 10-я стрелковая дивизия из состава 15-й армии красных начала наступление со стороны Струг и Пскова. 8 ноября красными был взят Гдов, 14 ноября, обходным манёвром они заняли Ямбург, не дав закрепиться отступающим белым частям. В результате, вся белая Северо-Западная армия оказалась прижатой к реке Нарове и границе с Эстонией.

В январе 1920 г. остатки Северо-Западной армии были разоружены на территории Эстонии. 2 февраля 1920 г. между РСФСР и Эстонией в Юрьеве (ныне Тарту) был подписан мирный договор.

За успешный разгром белой Северо-Западной армии орденами Красного Знамени были награждены: председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий, а также командармы А.И. Корк, А.И. Кук, С.Д. Харламов и Д.Н. Надёжный.

Результаты Гражданской войны

Настоящих идейных бойцов на стороне и красных и белых было крайне мало. Для большинства – не только солдат – нахождение в красных или белых рядах в большинстве случаев определялось случайными условиями. Народ в массе своей не принял гражданской войны ни от красных, ни от белых и участвовал в ней весьма неохотно.

Отгремела Гражданская война на Северо-Западе России, завершилась она поражением белых. Правители Эстонии, Латвии и Финляндии торжествовали: их государства обрели независимость. Молодой советской республике ещё оставалось сломить сопротивление на юге и востоке страны, но на нашей земле наступил относительный мир, хотя разгул бандитизма продолжался во всей первой половине 1920-х гг., например, в докладе по госинформации Петроградской ЧК за время с 1 по 20 октября 1921 г. отмечалось: *«Организованные банды замечены по Лужскому уезду – орудуют по волостям: Красногородской, Бельско-Сяберской, Посолодненской, Яблонецкой, Соседненской; шайки терроризируют и грабят население. В Хмерской волости убит ими бывший председатель волисполкома, цель их – уничтожение местной власти».*

В феврале 1924 г. в Лосицкой и Узьминской волостях была поймана шайка «бандита Коора» в количестве 8 человек, эта шайка терроризировала не только Гдовский, но и Лужский уезд. На допросе Коор сознался в убийстве 12 человек во время грабежей его шайки.

Наиболее крупные землевладельцы с территории современного Струго-Красненского района вынуждены были эмигрировать вслед за отступившими частями Северо-Западной армии. Например, семья Киришбаумов выехала к родственникам в Эстонию, семья Срезневских также эмигрировала сначала на территорию Эстонии, а затем в Бразилию, вероятно, в том числе из-за того, что В.В. Срезневский занимал должность начальника канцелярии министра юстиции Северо-Западной области при правительстве Н.Н. Юденича. Но многие дворяне и мелкие землевладельцы остались проживать на родине, хотя впоследствии все их даже небольшие землевладения были национализированы, судьба многих сложилась трагично.

В конце ноября 1919 г. при обыске в имении Гора Горской волости в семье Зариных изъяли 4 рубля серебром, 10 рублей золотом, 3 серебряных столовых ложки, 1 корову и переписку. 12 декабря 1919 г. всю семью Зариных арестовали.

В декабре 1919 г. восстановилась советская власть в Стругах Красных, и к работе приступил волостной отдел народного образования. Вновь открылись две школы 1-й ступени и одна – 2-й ступени.

Ещё 27 марта 1919 г. вопрос об организации Союза молодёжи обсуждался в Стругокрасненском волсовете. Дело тормозилось из-за отсутствия устава и средств. Но уже 25 апреля 1920 г. на 1-м уездном Съезде комсомола представитель от Стругокрасненской волости

Кюль доложил, что в РКСМ состоит 74 члена, организован клуб, работают кружки. На 1 августа 1920 г. в Стругокрасненской волости было уже 117 комсомольцев. Во всём Лужском уезде к этому времени насчитывалось уже 36 организаций и 2080 членов. Но первоначальный подъём и порыв молодёжи вскоре серьёзно спал. К IV уездному съезду РКСМ в Стругокрасненской волости после перерегистрации осталось всего 15 членов РКСМ, в Феофиловской – 9. Работа велась слабо, хотя в Стругах Красных имелся Народный дом, работали политический и драматический кружки, проводились субботники по погрузке дров и другие мероприятия.

31 декабря 1920 г. на партсобрании Яблонецкой волости рассматривался вопрос об организации женской секции. В бюро единогласно были избраны Емельянов и Анна Иванова. Она была утверждена ответственным организатором секции. Инструктором по работе с женщинами был избран В.Г. Гасюн.

11 января 1920 г. партколлектив Яблонецкой волости избрал комиссию для оборудования Народного дома из 5 человек (Алексеев, И.П. Баллод², Самойлов, Быстряков и Багаев). Народный дом разместили в здании исполкома, а исполком перевели в дом бывшего купца Яковлева. В конце 1920 г. в Яблонце открылась изба-читальня им. Нины Богдановой, её портрет висел на стене.

Расширялась партийная организация. В Лужском уезде к 1 июля 1920 г. было 5 городских, 29 волостных, 12 совхозных и 10 деревенских первичных партийных организаций. Всего в них состояло 756 членов РКП(б).

Результатом Гражданской войны явилось то, что, захватив в октябре 1917 г. власть, большевики сумели её удержать, установив новый политический режим. Был велик ущерб, как материальный, так и людской, хотя общее количество погибших в результате боевых действий в период Гражданской войны не велико, гораздо большее количество погибло в результате голода и эпидемий, вызванных военным положением. Более 2 миллионов человек эмигрировали за рубеж. Россия лишилась огромных территорий, входивших в состав Российской империи: Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии, Западной Украины и Белоруссии, но всё же советская республика приостановила дальнейший распад страны. Плачевны были экономические результаты: спад наблюдался во всех сферах производства. Повсеместно царила натурализация хозяйства. Произошла ликвидация целых классов: помещиков, крупной и средней буржуазии. Серьёзные потери понесло духовенство и зажиточное крестьянство.

Раскол в обществе времён Гражданской войны спустя сто лет ещё не до конца преодолен. Нужна новая всеобъемлющая спланирующая общество идея, разделяемая подавляющим большинством граждан современной России. Необходимо чувствовать неразрывную тысячелетнюю историю России, понимать, что мы наследники великого прошлого и общего дела, которым жили наши предки, должны беречь и чтить свои традиции, сохранить национальную

---

² **Баллод Иван Петрович**, родился в 1890 г., боец отряда по охране Яблонецкого волисполкома (1917–1918), член Яблонецкого волисполкома, председатель ревкома (1918–1920), инструктор политотдела РККА (1920–1921), ответственный секретарь парткома Яблонецкой волости (1921–1922), делопроизводитель Струго-Красненского волисполкома (1922–1923).

основу, усвоив тяжёлые уроки в том числе Революции и Гражданской войны, чтобы сохранить Россию – единственную родину всех русских по духу людей.

Источники:

ЦГАИПД СПб Ф.0-519. Оп.1. Д.9; Ф.1728. Оп.1. Д.716113, 614327, 552172.

Анненков Ю.П. (Темирязов Б.) Повесть о пустяках. – СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. С. 121, 162.

Бажина В. В краю озёр // За коммунизм. – 1982. – 25 декабря.

Базанов С.Н. Пролог Гражданской войны на Северном фронте (октябрь 1917 – январь 1918 гг.) // Белая гвардия. – 2003. – №7. С.8–16.

Васильев М.В. Атаман С.Н. Булак-Балахович: появление батьки. // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сборник статей и материалов. / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI, 2014. С. 155–167.

Владимиров К. «Моё место – впереди» // Комиссары на линии огня. 1918–1919. В кольце фронтов / Сост. В.А. Тараховский. – М.: Политиздат, 1987. С. 113.

Галич Ю. Товарищ Балахович и военком Матюкевич // Наш край. – Вып. 8. Струги Красные, 2013.

Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: Судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255–336.

Глезеров С.Е. Предместья Санкт-Петербурга. Быт и нравы начала XX века. – 2-е изд., расш. и доп. – М.: Центрполиграф, 2009.

Горн В. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров [репринтное издание]. – Красная газета. – Л.; 1927. С.11–161.

Гражданская война 1918–1921. В 3-х томах. Т.1. – М.: Военный вестник, 1928. С.246–274.

Дерябин А. Белые армии Северо-Запада России. 1918–1920 гг. – М.: ТМ, 2002.

Доклад по госинформации Петроградской ЧК за время с 1 по 20 октября 1921 г. №20 // ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.81. Д.1. Л.139–141.

Заяц Н.А., Кругликов В.В. «Довести ненависть... к большевикам до озверения». Полк С.Н. Балаховича в Лужском уезде в 1918 г. // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI, 2015. – С.220–238.

Иванов М. Отряд Балаховича // Белая Гвардия. – 2003. – №7. – С. 199–206.

Иванов С.А. По пути красного Петрограда. Л.: Лениздат, 1979.

Имения Порховского уезда / Авт.-сост. Л.В. Васильева. – Псков: ПОИПКРО, 2008.

Калкин О.А. На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг., Псков. «Псковское возрождение», 2003.

Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. – М.: Эксмо, 2003.

Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Кох Н.П. Очерки тридцатых годов // Наш край. – Вып. 11. Струги Красные, 2015.

Крах германской оккупации на Псковщине. Сб. документов / Сост. А.Л. Фрайман. 1939. С. 14–21, 91–103.

Мальшев М.О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 году. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. С.31–32.

Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода: Записки белого офицера. – Гельсингфорс, 1920.

Отчёт о деятельности Гдовского уездного исполнительного комитета за время с 1-го октября 1923 по 1-е июля 1924. – Гдов, 1924. С.4

Панова Л. В будущее с памятью о прошлом // Плюсский край. – 2009. – №81.

Пермикин Б.С. Из моих записок // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников. Материалы Третьей международной научно-исторической конференции в г. Пскове / Сост. Н.А. Горбачёв. – Псков. Издательство АНО «ЛОГОС», 2009. С.8.

Пухов А.С. Петроград не сдавать! М, 1960. С.84–86.

Родзянко А. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С.188–316.

Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности // Минувшее: Исторический альманах. 23. – СПб: Atheneum; Издательство Феникс, 1998.

Рыбаков М.В. Из истории Гражданской войны на Северо-Западе в 1919 г. – М.: Госполитиздат, 1958. С. 85.

Симонова Т. Я зелёный генерал // Родина. – 1997. – №11. – С.36–41.

Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). – СПб, «Дмитрий Буланин», 1999.

Смолин А. Знамя Красного Питера // Ленинградская правда. – 1979. – 19 октября.

Суетов Л.А. Белое дело. Ч.3: Белое движение на Северо-Западе России. – СПб, СПбГУКИ, 2008.

Тропов И.А. Революция в провинции: Лужский уезд Петроградской губернии в 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Т.2. – №2. С. 178–187.

Фёдоров А.И. Праздник по недоразумению, или 23 февраля 1918 года посвящается... // Струги. – 2010. – №22.

Фёдоров А.И. Семья Гоштовт // Наш край: лит.-краев. альманах. – Струги Красные. – Вып.8. – 2013.

Хрисанфов В.И. Лужский край в 1917–1920 годах: в 2 кн. Луга: Изд-во Голубева, 2010.

Шаров А. Псков, Нарва, Февраль 1918 г. // Военные знания. – 1992. – № 2–3. – С. 1–2.

Шишов А.В. Корнилов: Несостоявшийся диктатор. – М.: Вече, 2004.

Шишов А.В. Юденич: Генерал суворовской школы. – М.: Вече, 2004.

Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб. Дмитрий Буланин, 1999.

Архипов Дмитрий Сергеевич

Автобиография

Д. Архипов

Родился 14 октября 1897 г. в семье крестьянина-бедняка в деревне Сквородка нынешнего Струго-Красненского района Ленобласти. 4-х лет от роду остался без отца сиротой, до 1914 г. жил с матерью и старшим братом на сельском хозяйстве, остальные два брата работали батраками у помещиков. Жизнь была тяжёлая, полуголодная, полунищая.

В 1913 г. окончил 2-х классное министерское училище, выдержал экзамен в Гатчинскую учительскую семинарию, но учиться не мог из-за отсутствия средств к существованию. В 1914 г. всех братьев призвали в армию на войну, а я уехал в город Петроград на работу, поступил чернорабочим в сборочную мастерскую на авиационный завод Лебедева, где проработал до 1916 г., когда за участие в стычке был уволен с завода и призван в царскую армию. Служил в авиации Балтийского флота вплоть до демобилизации в феврале 1918 г.

Непосредственно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях вместе с Балтийским <флотским> экипажем. После демобилизации вернулся на родину, где сразу же был избран военкомом Яблонецкой волости, где создал партизанский отряд в 60 штыков и в мае 1919 г. вместе с ним ушёл на фронт против Балаховича. В ноябре 1919 г. под дер. Сквородка был ранен в челюсть, по выздоровлению от ран в августе 1920 г. по партийной мобилизации был направлен на Польский фронт в 7-ю дивизию.

В 1918 г. вступил в ряды РКП(б) при Яблонецком волисполкоме.

В 1921 г., вернувшись из армии на родину, я долго лечился, так как открылась старая рана. В это время проходила перерегистрация членов партии, меня никто об этом не предупредил, и я механически выбыл из партии.

В 1922 г. меня избрали председателем Сквородненского сельсовета, а в 1925 г. заведующим земельным отделом Струго-Красненского волисполкома, где работал до 1927 г., затем работал казначеем кредитного товарищества в Стругах. В 1931 г. организовал колхоз «Колхозная стройка», где был председателем, затем счетоводом и снова председателем. В 1936 г. избран председателем Сквородненского сельсовета, где работал до 1938 г. С 1938 г. работаю в райисполкоме.

Под судом и следствием не был, репрессированных родственников нет, также никто не был и у белых.

25 января 1940 г.

ОДНИЛС ГАПО Ф.3. Оп.3. Д.84. Л.4–4об.

Годы молодости тревожной Воспоминания

Моему поколению выпала нелёгкая, но почётная доля участвовать в строительстве светлого, равного для всех социалистического общества в одной из волостей на территории теперешнего Стругокрасненского района. Дело это было сложное. Шли по неведомой дороге, без опыта и знаний, находясь в постоянной жестокой борьбе с классовыми врагами, которых поддержали империалисты самых сильных капиталистических государств.

«Ряда»

В дореволюционные годы в нашем районе ежегодно многие сотни десятин помещичьих лесов вырубались на дрова для Петербурга. Всю эту большую и тяжёлую, крайне низко оплачиваемую работу выполняли местные крестьяне. Нужда гнала народ в лес. Крестьянская полуголодная сивка-бурка была на этой работе главным «двигателем». Кулацкие и так называемые «исправные» хозяйства в этой работе не участвовали. Лесопромышленники, прибегая к всевозможному обману и узаконенному мошенничеству, так драли шкуру с обездоленного и бесправного люда, что заработок получался так-на-так, «с хлеба на квас».

С наступлением весны у крестьянина куча забот: нужно в кузнице отремонтировать соху-борону, добыть семян, подати-налоги тоже не ждут, заневестилась дочка – нужен ситец, башмаки, к тому же приближается престольный праздник, тут тоже расход и на попу, и на другое. А где на это всё взять «копеечку»? Ох, как эта «копеечка» трудно добывалась мужику!

Вот тут-то в родную Сквородку приезжает известный в этих краях Зархин Исаак Осипович с раскрытой мошной и предлагает учинить известную своим хищническим закабалением «ряду»³ на вывозку дров к железной дороге, говорит о хорошем задатке. Знает плут-выжига, что мужикам крайне нужны деньги. Знают и мужики, что дело имеют с хапугой, но им деться некуда и, почёсывая затылки, всё же вступают в переговоры, выторговывая повышение цены за вывезенную складочную сажень дров до полутора рублей.

Полдня торгуются, устают, и купец, как бы идя навстречу, увеличивает предложенную мизерную цену на 20-25 копеек. Сулит увеличить задаток и мимоходом оговаривает, что выкладка печатной сажени (официальная мера объёма) должна быть «с опушкой» в шесть вершков (а всего в сажени 48 вершков). Мужики видят в этом подвох, но устало машут руками: «Чёрт с тобой, уж если вывезем сажень, то шесть-то вершков вывезем». Подряд заключен, задаток получен. Не

---

³ Ряда, ряд – подряд, обязательство сделать работу. (Здесь и далее примечания редактора).

доходит до тёмных бородачей, что «опушка» увеличивает работу на 25 процентов и обходится купцу совершенно бесплатно. Знает это волостной писарь, но скрепляет мошенническую сделку; формально она не противозаконна, а ему от этого – добрая «поправка».

С первого зимнего попутка начинается «рядя», и в продолжение всей зимы в морозы и пургу по разбитой дороге за 20-25 вёрст тянутся обозы с дровами, тысячи и тысячи их сажен будет вывезено. Будут скормлены сенцо и овсишко, донельзя задрана лошадёнка, а заработок окажется не более 75 копеек за поездку, и разойдётся он по мелочам. А новая весна и зима повторятся, как и предыдущие. Вот такой была наша деревня – «убогой и бессильной» – вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

***

До революции деревня Сковородка нашего района, в которой я родился и рос, была волостным центром. В ней, помимо волостного правления с «каталажкой» и часовни, имелись мелочные лавочки, чайная, пекарня, выпекавшая ситный, баранки с кренделями, а также казённая винная лавка, или попросту – кабак.

Была и земская трёхлетняя школа с одним учителем. Если в её младшее отделение (1-й класс) ежегодно приходило до двадцати ребят, то в среднем отделении это количество сокращалось почти на половину, а к выпускным экзаменам в старшем отделении оставалось пять-шесть человек. Ребята бросали школу, так как нужны были дома няньки и отцу помощники.

Деревенская земельная община состояла из пяти-десяти дворов с земельной площадью в пятьсот пятьдесят десятин всех угодий – и ни клочка леса. Кроме того, в деревне проживало тринадцать безземельных семейств – бобылей. Деревенские владения кругом были охвачены землями двух помещиков, у которых было до двух тысяч десятин с озёрами и громадными лесными массивами. Такую экономику ни под какое уравнение не подведёшь. Тяжёлый, изнурительный труд, полуголодное существование, темнота и невежество были уделом одних, праздность и роскошь – привилегией других.

Я хорошо помню своё голодное сиротское детство, насквозь промёрзшую избу с закутанными соломой снаружи окнами и массой тараканов. Двое моих братьев-подростков уже батрачили: один у плюсского помещика, другой – у местного бараночника. Старший брат Степан был единственным помощником матери, её опорой и надеждой.

В долгие зимние вечера в нашу избу на посиделки собирались женщины со своими прялками. Много тут было разных разговоров на бытовые и деревенские темы. Пелись протяжные песни про Ваню, разудалую головушку и другие. Было тоскливо и безрадостно. Потом это как-то круто изменилось. На посиделках с оглядкой, вполголоса заговорили о бунтах в Питере, о гибели наших солдат и матросов в далёкой Японии. Эти слухи росли с каждым днём. Дошла страшная весть о расстреле царём рабочих (9-го января). Теперь об этом говорили открыто, не таясь, по всей деревне.

Удручённые страшными вестями, в страхе за своих родных в городе и на войне, женщины перестали как-то ходить на посиделки. Но в старой избе на смену им стала собираться молодёжь. Брат Степан, как признанный деревенский грамотей, был на таких сходках чтецом.

Была у него неизвестно откуда взявшаяся единственная замызганная книжка «Бабушкины сказки» – про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и других. Приходили к нему и старики: подымить табачком, послушать книжку; сказки их не интересовали – они их знали хорошо. Им был любопытен сам процесс чтения: как это так, смотрит человек на какие-то крючки, да закавычки и столь складно говорит – вот ведь какое диво!

Но на молодёжных чтениях «Бабушкины сказки» чаще всего лежали на столе только для виду, а читались тоненькие невзрачные книжонки, читалась запрещённая революционная литература. Здесь же распевались революционные песни. А такую, как о возвращении солдата

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых маньчжурских полей⁴...

пели во весь голос на молодёжных посиделках и на улицах.

Всё это не могло пройти бесследно и не прошло. Тёмной осенней ночью дотла сгорел на поле большой барский сарай, загруженный необмолоченным хлебом. Зимой, как только установился санный путь, мужики стали рубить барский лес, объясняя это тем, что этот лес самовольно захвачен баринном во время реформы как «отрезок».

Не заставила себя ждать и реакции. Мне в то время было восемь лет, я уже ходил в школу и отлично помню, как в зимний день в нашу избу ввалились два дюжих жандарма, как они буквально перетряхнули всё, что было в избе, вплоть до икон в божнице, но ничего не нашли, кроме «Бабушкиных сказок», как ушли и увели с собою брата, как мать в страшном крике беспamięтно ударила о пол, как набегали соседки... В тот день из деревни жандармы увели ещё двоих, однако через день все трое из управления станového пристава были отпущены за недоказанностью преступления.

Революционные веяния о первой революции в деревню, находящуюся на большом межузном тракте Гдов – Белая, занести было не трудно. Но всё же главным в снабжении молодёжи революционной литературой, ознакомлении с конспирацией был Александр Яковлевич Яковлев. В свои приезды он настойчиво и доходчиво вёл работу за единение беднейшего и среднего крестьянства с рабочими в борьбе за свержение царизма.

Архипов Степан Сергеевич – организатор молодёжных сходок, в Первую Мировую войну был призван в армию. На фронте после Февральской революции был избран председателем полкового комитета, затем демобилизован и по прибытии на родину возглавил заградительный отряд по борьбе с мешочничеством и спекуляцией при волостном исполкоме. Тяжела и опасна была эта служба волостных «чекистов», но отряд по-революционному и самоотверженно выполнял свои обязанности. В июле 1919 года в бою с белогвардейцами под деревней Сковородка Степан Сергеевич тяжело раненным попал в плен и в деревне Кочегоще после издевательств

---

⁴ Стихи Т.Л. Щепкиной-Куперник.

расстрелян белогвардейцами. Советская власть по достоинству оценила его заслугу, назначив семье государственную пенсию. Могила Степана Сергеевича Архипова находится в двух километрах от деревни Сквородка у ручья, на высоком холме. В двадцатых годах к этой могиле не зарастала тропа. Пионеры и школьники, молодёжь, руководимые комсомольцами, в дни революционных праздников шли сюда с песнями, с красными флагами. Проводили митинги, добрым словом вспоминали павших борцов за народное дело, клялись в верности партии Ленина, советской Родине.

Было это непросто

Обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией привело в 1917 году к мощному пролетарскому движению за установление диктатуры пролетариата. Партия большевиков, руководимая В.И. Лениным, объединила в один мощный поток все эти революционные движения и нацелила русский пролетариат и крестьянство на Великий Октябрьский переворот.

Крестьяне жили бедно. Хлеба хватало только до Рождества, а то и до Покрова. Поэтому им приходилось идти в батраки или на отходничество. На этом особенно наживались местные купцы, как Синилов, и лесопромышленники. Они бессовестно обманывали тёмного, неграмотного и голодного крестьянина.

В районе в то время были только начальные и церковно-приходские школы. Реальное училище открылось в Стругах перед самой революцией⁵. Не лучше обстояло дело с медицинским и ветеринарным обслуживанием. Больницы на 10-15 коек с одним врачом и няней были в деревнях Щир и Река. А о ветеринарной помощи крестьяне даже не имели понятия. Везде торговали «аршинники»⁶, был только один кооператив, да и то для помещиков и кулаков. Совершенно отсутствовала промышленность.

Большую роль в деле подготовки населения района к Октябрьскому перевороту сыграл член партии с 1903 года Александр Яковлевич Яковлев, уроженец деревни Миложа. Особенно он проявил свои способности большевистского агитатора в период выборов в Учредительное Собрание и в организации первого Совета. За список №6 (кандидаты – большевики в Учредительное Собрание) голосовало абсолютное большинство жителей Яблонецкой волости.

В результате большой работы, проделанной большевиками, Октябрьский переворот в районе прошёл без кровопролития. Так, волостной сход сместил земское правление, избрал первый Совет рабочих и крестьянских депутатов. Были смещены сельские старосты и избраны сельские Советы. Первые Советы избирались открытым голосованием на сельских и волостных сходах.

---

⁵ Реальное училище в пос. Струги-Белая открыто 15(28) октября 1917 г. Создано на базе существовавшего с 1913 г. начального училища.

⁶ Аршинник – (разг. пренебр.) мелочный торговец.

Одним из первых председателей волисполкома был избран член партии Фёдор Алексеевич Алексеев из деревни Обод. В Советы избирались бывшие фронтовики. Но проникали туда и кулаки, которые вскоре дали себя знать.

К весне 1918 года уже начался переход от митингования к требованию безусловного исполнения предписаний советской власти. В это же время в районе стали проводить в жизнь закон о национализации земли. Долгожданную землю крестьяне взяли у помещиков, церковников и других изгнанных эксплуататоров.

***

В большой по территории Яблонецкой волости с центром в селе Щир было более сорока густо населённых деревень, около десятка крупных помещичьих имений. Столько же пустошей, заселённых выходцами из Прибалтики. Три четверти населения проживало на хуторах, там много было кулацких хозяйств; на месте оставались все старорежимные эксплуататорские элементы, всевозможные спекулянты и дельцы, разбогатевшие на войне, пригретые кулаками полицейские чины и другой враждебно настроенный люд.

Если Февральская буржуазно-демократическая революция в деревне была встречена настороженно, с опаской, то Великая Октябрьская пробудила в трудовом народе веками спавшие в нём здоровые духовные силы. Революционная активность его в первые дни советской власти ярко выразилась в многочисленных собраниях, сходах, митингах, которые в то время возникали в деревнях по всякому поводу и порой без особой причины.

Почувствовав себя свободным, народ хотел высказаться, заявить себя хозяином своей судьбы. Этот «митинговый демократизм» был по существу первым революционным шагом в деле строительства своей собственной народной власти.

На собрания приходили все – как мужчины, так и женщины. Если последним до революции была «одна дорога – от печки до порога», то теперь, получив все права наравне с мужчинами, они особо были активны. Обсуждалось всё и вся, клялась старая жизнь, уклад, быт, кулацкая кабала. Голосовали за новый строй, но каким он будет и как его создать, толком никто не знал.

Но была одна крепкая думка у трудового, ранее обездоленного народа – это беспредельная вера в то, что большевики истинной верой и правдой хотят служить народу, создать ему хорошую счастливую жизнь, и что они это сделают.

Если ленинский декрет о земле, эта вековая мечта трудового крестьянства, был встречен с великим облегчением – наконец-то дождались землицы-матушки, то уничтожение сословных делений и званий вызвало поистине высокий нравственный, духовный подъём у простого народа.

Привыкшие из рода в род к унижительным и бессмысленным кличкам и прозвищам, к не менее оскорбительным названиям «деревенский мужик», «деревенская баба», «лапоть», вдруг везде и всюду в обращении друг к другу услышали величавое и уважительное «гражданин», «гражданка». Нужно было видеть и слышать, чтобы понять, с каким горделивым чувством это произносилось и воспринималось. Ведь простого человека никогда и нигде не называли полным

именем по отчеству, это было привилегией знати и господ. А тут на тебе – лапотный Троха и баба Дарья стали гражданами и называют их по имени-отчеству.

Современной молодёжи это может показаться незначительным, обыкновенным. Но такой взгляд будет ошибочным. В те далёкие годы бесправный народ почувствовал себя равноправным гражданином своей Советской Родины, развернул свои спавшие веками силы, способности и дарования, отстоял в тяжёлой гражданской войне свою трудовую власть и под руководством великой партии Ленина заложил основы счастливого и светлого социалистического общества. Я горжусь тем, что и мне довелось лично участвовать в трудной и ответственной работе по становлению и упрочению советской власти.

Великий Октябрьский переворот в волости прошёл бескровно, без каких-либо инцидентов. Старые власти были распущены, образованы Советы рабочих, крестьянских и батрацких депутатов. Трудовой народ с нетерпением ждал претворения в жизнь ленинских законов о земле и мире. Все реакционные, враждебные силы, не веря в жизнеспособность советской власти, притаились и вели себя первое время спокойно. Но как только Советы начали первые свои шаги по внедрению в жизнь социалистических преобразований, всё старое, отжившее заявило о себе.

Враги революции изо всех сил старались вызвать недовольство советской властью среди населения. В снабжении, как по мановению волшебной палочки, исчезли соль, керосин, спички, мыло, махорка и другие товары повседневной необходимости.

В то же время у спекулянтов, которых развелось порядком, за баснословную цену всё это можно было приобрести. Кулаки и «хозяйственные» мужички «зажали» хлебные излишки. Появился новый вид спекуляции – мешочничество. Враги революции с каждым днём активизировались и наглели. Участились случаи бандитизма и убийств советских работников из-за угла.

В стране и в районе было тяжёлое продовольственное положение. От зажиточных и кулацких хозяйств Советы потребовали сдачи излишков зерна государству. На это кулаки и контрреволюционеры ответили открытым восстанием. В июне 1918 года зачеренский помещик, бывший земский начальник, племянник царского министра барон Фредерикс⁷ с помощью кулаков организовал открытое так называемое Ивановское кулацкое вооружённое восстание. Центром кулацкого восстания стала ст. Струги-Белая. Кулаки и дезертиры напали внезапно, жгли волисполкомы, школы, дома сельских активистов. Поддерживали восстание и бежавшие из Петрограда контрреволюционеры, которые проживали в имениях в Логу, Щиру, Бровске, Заозерье, Крукшино, Орловой Горе.

В нашей волости оно в основном захлебнулось в одни сутки, но задумано было в больших масштабах. Об этом говорит такой факт: когда Фредерикс был схвачен чекистами, то

---

⁷ **Фредерикс Модест Платонович** (1876–1918) – барон, служащий. Служил в армии, в 1905 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. С 1908 г. – земский начальник 3-го участка Лужского уезда, проживал в с. Зачеренье. Организатор крестьянского восстания в июне 1918 г. После подавления восстания и ареста, расстрелян в Луге в 1918 г.

присутствовавший при его посадке в вагон в Стругах Булак-Балахович⁸ со словами: «Собаке – собачья смерть», разрядил свой пистолет в спину поднимавшегося по ступенькам барона. Такой поступок тогда был истолкован как вспышка негодования к врагу революции; лишь позднее стало ясно, что этим замечались следы готовящейся измены самого Балаховича.

В том же году бандитами, обосновавшимися в Барановской лесной даче, были убиты четыре гдовских конных пограничника, которые вели поиск крупных контрабандистов, убивших на границе красного охранника.

Далёкие годы

После подписания в марте 1918 года Брестского мира, для советского правительства, да и для всего народа было ясно, что мира не будет и быть не может. Что полученную передышку необходимо всецело использовать для создания Красной армии. Уже зловещей тенью вырисовывалась внутренняя буржуазная контрреволюция на юге и интервенция иностранных захватчиков на севере. Молодой Советской Республике предстояла борьба не на жизнь, а на смерть.

Вскоре последовал декрет об организации волостных, уездных и губернских комиссариатов по военным делам с подчинением их одному руководящему центру – народному комиссариату по военным делам. Этим создавалась основа работы по созданию регулярной Красной армии, взамен добровольчества, отрядной системы, партизанщины.

В мае–июне 1918 года был организован волостной военкомат и в нашем волостном центре – деревне Щир. Руководящее его ядро состояло из двух комиссаров и одного военрука, а весь штат состоял человек из десяти, в большинстве из бывших унтер-офицеров. У большинства горячие головы, энтузиазма, героизма – хоть отбавляй, а опыта – никакого. К тому же ещё кроме штатного расписания да общих указаний не было конкретного положения и должностных инструкций.

Перед военкоматом встал ряд неотложных задач: постановка на воинский учёт всех военнообязанных – а это были в своём большинстве стихийно демобилизовавшиеся солдаты старой армии; взятие на учёт лошадей; осуществление всеобуча и, конечно, проведение в дальнейшем мобилизации военнообязанных. Но, как показала жизнь, далеко не только этими прямыми обязанностями пришлось заниматься работникам волвоенкомата. Много всплывало неожиданного, непонятного. Революция полна неожиданностей. Борьба с местной контрреволюцией диктовала своё, а её у нас было хоть отбавляй.

---

⁸ **Булак-Балахович Станислав Никодимович** (1883–1940) – военный и политический деятель. Участник Первой Мировой войны. С июня по ноябрь 1918 г. командир 1-го Лужского конного партизанского полка в составе Красной армии. С ноября 1918 по январь 1920 г. в составе белой Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, командир полка, командир дивизии, командир корпуса, генерал-майор (1919). С февраля 1920 г. в составе Войска Польского, командир дивизии, участник советско-польской войны. С сентября 1920 г. – командующий Белорусской Народно-Добровольческой армией. С 1921 г. проживал в Польше. Убит в Варшаве 10 мая 1940 г.

Учёт военнообязанных, учёт лошадей прошли неплохо. Сводно-учётные карты показали какими резервами располагает волость. Но если это было ясно в отношении местного, коренного населения, то про пришлое, временное, так сказать было нельзя. Этот контингент почти совершенно был безучётен из-за своей подвижности. Среди этих людей, в своём большинстве под чужими документами, проживало всякое черносотенное отребье и опасные контрреволюционеры, бежавшие из Петрограда и пока что не сумевшие удрать на Дон или Кубань. В особенности много их проживало под видом всевозможных родственников, хороших знакомых в многочисленных имениях, дачах, особняках вокруг Щирского озера.

Работа по учёту вскрыла совсем неожиданную деталь, которая не предусматривалась ни статьями учётной карточки, ни инструкциями. Это в какой-то степени политическая направленность военнообязанных, их настроения.

Представьте себе, в ожидании и в ходе регистрации на дворе или в пустующем зале десятка два-три, а то и больше бывших фронтовиков. Сперва они шутят, раскуривают махорку, вспоминают свои боевые дела. Но незаметно разговор переходит на злобу дня и чем дальше, тем сильнее и решительнее. Аудитория делится как бы на три части: самая большая – это «центр», в споре не участвует, изредка вставляет реплики, а больше молчит. Но зато две остальные части резко противоположны в мнениях и агрессивны друг к другу. Одни решительно заявляют:

– Баста, штык в землю!.. Навоевались!.. Хватит! – И поучительно философствуют. – Большевики тоже не дураки, они понимают, что если вооружать трудовое крестьянство, то их тряпичной власти и каюк. – Это в большинстве эсэртствующие кулацкие сынки и их прихвостни.

– Вот так здорово!.. На фронте в холуях да в каптёрках воевали, а здесь в трудовое крестьянство записались! – вторят другие.

– Да вы запомните, захребетники, что вам оружие и не дадут, оно будет у нас, а мы сумеем навести над вами решку и защитить свою власть. – Это говорят те, кто за всю свою жизнь не наелся досыта, которые хорошо знали, почём стоит фунт лиха.

При всяком скоплении народа митинги возникали в те времена, как грибы после тёплого дождя, но такие диалоги имели особое значение. Участники их состояли из людей, которые могли не сегодня-завтра быть призванными в Красную армию. И ясно, что людские настроения не смогли быть не замеченными и не учтёнными. И как это вскоре пригодилось!..

Белые генералы создали на юге сильные конные части. Партия бросила призыв: «Пролетарий, на коня!» Мы получили большой наряд на поставку лошадей для Красной армии. Сотни лошадей были доставлены на приёмный пункт в деревню Щир. Сами мы были плохими знатоками лошадей, а ветврачей, зоотехников не было. Приёмная комиссия была создана из старых кавалеристов, артиллеристов, военных ветеринарных санитаров, ковалей и даже коновалов. Комиссия определяла статьи и группу лошади, решающее же «принята» или «не принята» – оставалось за комиссаром.

Несмотря на то, что наряд был довольно большой – что-то около двухсот голов – он был полностью и в срок выполнен, в основном за счёт кулацких и зажиточных хозяйств. Если же стоящая кавалерийская или артиллерийская лошадь попадалась в хозяйствах маломощных,

бедняцких, то она тоже принималась, но владелец тут же получал взамен добротную обозную лошадь.

В октябре была подготовлена и проведена первая мобилизация в Красную армию нескольких младших возрастных групп, что уже потребовало большого напряжения всего советского актива.

Если вторая половина восемнадцатого года отмечалась всевозможными кулацкими вылазками вплоть до открытого восстания, то с проведением мобилизации, особенно при мобилизации конского состава, активность кулацкой верхушки значительно усилилась. К этому времени в деревне явно произошло расслоение: кто за, кто против. Появились первые дезертиры, появился и пресловутый кулацкий обреза. За кулаками ещё шла часть середняков. Этому способствовало и то, что три четверти всех крестьянских дворов проживало на хуторах. Одновременно обозначились неполадки и в личном составе советских органов, особенно в сельсоветах. Такое неприятное явление вскрылось и в самом волостном военкомате.

Комиссар Уланов Павел из деревни Обод, утверждённый на этой должности волостным Советом, от природы человек не глупый и волевой, в первое время проявил себя неплохо, по-революционному. Но вскоре возомнил, что ему всё позволено. Забросил работу, стал устраивать пьяные оргии, неделями пропадал где-то на хуторах, появлялся в окружении полупьяных сомнительных личностей. Никаких советов, тем более замечаний, он переносить не мог, приходил в необузданную ярость, хватался за оружие.

Такое терпеть далее было нельзя. Нужно было его убирать, и убирать немедленно. К тому же вскоре подвернулся случай. Несколько кулацких хозяйств не доставили по мобилизации своих лошадей, сослались на то, что Улановым они освобождены от поставок, так как лошади являются, дескать, породистыми. Было решено поговорить с ним окончательно и начистоту.

Как только Уланов явился из своей очередной поездки, где «искоренял контру», как он выражался, его окружению было приказано удалиться.

– А нам, Павел Васильевич, нужно поговорить по большому секрету, – сказал я. Уланов насторожился:

– Новое что?.. Приказ?..

– Да, новое... приказ...

Поднялись наверх в единственную комнату, которая там была и служила местом для всяких узких совещаний и бесед. За нами поднялись ещё человека три-четыре, в том числе В.Н. Сузин и молодая девушка Станислава Томчик.

Уланов как бы самой кожей почувствовал, что при таком скоплении не может быть никаких секретов, тут что-то другое, и у него стала проявляться нервность – признак вспышки. А когда я кратко рассказал о его недопустимом поведении и потребовал прекратить дискредитацию волвоенкомата и восстановить почётное звание военкома, заняться делами или – «оружие на стол, и вы арестованы», он в припадке бешенства трахнул кулаком по столу, вскочил с места и с площадной бранью обрушился на меня. Мы оба в страшном напряжении, с оружием в руках

стояли друг против друга. В эти секунды тишины раздался приятный и в то же время твёрдый девичий голос:

– Тихо, Уланов!.. Тихо...

Он круто повернул искажённое яростью лицо на голос и сник. На него в упор был направлен маленький браунинг Станиславы. А пронзительный взгляд и напряжённость всей её фигуры говорили о решительности и твёрдости. Распустившийся военком понял, что все против него, но никак не мог понять, откуда у этой тихони-девчонки такая появилась сила воли и решительность. Да где его вечно пьяной башке было понять и разобраться в чистых и благородных стремлениях передовой, беззаветно преданной делу социалистической революции тогдашней молодёжи, к которой принадлежала и эта славная девушка.

Станислава Томчик не была сотрудницей нашего военкомата. Она изредка приезжала в волость, как представитель то ли губернских, то ли уездных директивных органов. Эта стройная миловидная девушка в каждый свой приезд привозила большие связки всевозможной литературы – газет, брошюр, плакатов, распространяла их среди населения, работала с молодёжью. В комиссариате она была частым гостем, так как здесь был хороший молодёжный коллектив. Последний раз я её встретил в Петрограде в 1920 году в Смольном – тогда я работал председателем волисполкома. Она была в военной форме и уезжала на фронт. Как сложилась её дальнейшая судьба, не знаю.

Через короткое время приказом уездного военкома Уланов был отстранён от должности и отчислен из состава волвоенкомата.

В мае 1918 года находясь в скромном звании старшины 2-й статьи я был назначен волостным военным комиссаром. Трудное это было дело и не менее трудное время.

В последних месяцах 1918 года волвоенкоматом успешно проводилась военная подготовка населения в порядке всеобуча⁹ согласно декрету ВЦИК от 22 апреля 1918 г. В основном военным обучением была занята крестьянская молодёжь от 18 лет и старше, не проходившая военной службы. Красивое и радостное было зрелище, когда, закончив в сельсоветах предварительную подготовку, стянулась в Щир молодёжь во взводных и ротных колоннах под командованием опытных фронтовиков, маршировала и выполняла тактические упражнения на только что убранных полях.

Тогда же из проходивших всеобуч было отобрано несколько более грамотных и смыслённых ребят, конечно, с их согласия, и направлено в губвоенкомат для определения в военные училища.

---

⁹ Всеобуч (всеобщее военное обучение) – система обязательной военной подготовки граждан.

Среди отобранных был и Кумелан Вильгельм Янович¹⁰, сын садовника из имения адмирала Кладо¹¹, что у деревни Крукшино на берегу Щирского озера.

Прошла Гражданская война, наступили мирные годы, и старик Кумелан при встрече радостно рассказывал о своём сыне – командире Красной армии. Но вот старик что-то захирел, замолчал, стал избегать встреч. К тому была серьёзная причина: от его сына никаких вестей, на все запросы и письма никакого ответа. Шли длительные годы, а годы были памятные – тридцатые. И вдруг в «Правде» появился указ Президиума Верховного Совета СССР: за образцовое выполнение особого задания командования Красной армии наградить Кумелана Вильгельма Яновича орденом Ленина. Теперь уже старик Кумелан не прятался от людей, а сам бежал навстречу знакомым, размахивал газетой и телеграммой сына.

В 1948 или 1949 году под вечер ко мне в кабинет (тогда я работал председателем райисполкома) вошёл незнакомый генерал-лейтенант. Я приветственно встал. Генерал, весело щурясь, спокойной походкой подошёл и крепко сжал мою руку.

– Что, комиссар, не узнаете?

– Нет, Вильгельм Янович, теперь узнаю!

Радостная, волнующая была эта встреча. Долго длилась наша беседа, и не о военных делах – как и что, а о тех огненных годах, о тех «буднях», в которых прошла наша молодость.

Для чёткого проведения мобилизационных мероприятий и подавления контрреволюционных вылазок при волвоенкомате был сформирован волостной взвод. Он был укомплектован исключительно из добровольцев, бывших фронтовиков, людей, которые при первой регистрации заявили о своей преданности советской власти. Опираясь на эту силу, волвоенкомат вёл активную борьбу с дезертирством, по ликвидации всевозможных банд, разоружению кулачества, активно содействуя представителям ЧК в ликвидации контрреволюционных очагов и даже выселении помещиков.

С приближением белогвардейских фронтов взвод как одно из дисциплинированных и надёжных подразделений был уездным военкоматом отозван в своё распоряжение.

Но не всегда всё шло гладко. Было много трудного и непонятного. Временами не хватало политической зрелости, она приходила в процессе работы. Приходилось учиться на ошибках. Но ошибки того времени могли стоить жизни. Вот один из примеров.

Подразделения конного полка Булак-Балаховича в нашей волости не дислоцировались, и мы о командире полка слышали только как о беспощадном усмирителе контрреволюционных восстаний. И вот осенью в Щиру неожиданно появился эскадрон этого полка. Маршрут его был в

---

¹⁰ **Кумелан Вильгельм Янович** (1898–1952) – советский военачальник, генерал-лейтенант артиллерии (1944). Участник Гражданской, Великой Отечественной и войны в Испании. Награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова, многими медалями.

¹¹ **Кладо Николай Лаврентьевич** (1862–1919) – военно-морской теоретик и историк, профессор, генерал-майор флота (1912). Участник русско-японской войны (1904–1905). С 1910 г. профессор Морской академии, с 1917 по 1919 г. – начальник Морской академии.

Узьминскую волость, якобы для подавления кулацкого восстания. На самом деле никакого там восстания не было.

Странен был этот марш. Эскадрон в сутки передвигался не выше семи километров, творя в окрестностях всевозможные насилия и преступления. От крестьян отбирались добротные лошади взамен загнанных и истощённых, отбирался фураж, производились аресты. Там, где пробовали защищаться, протестовать, применялись плети и даже оружие. Так в пустоши Орехово был убит фронтовик, крестьянин-средняк Альберт Заринь, который не отдавал свою лошадь. В деревне Сквородка Морозов Даниил иссечён плетью за то, что неодобрительно покачал головой и ахнул, осуждая такие действия, был арестован и отправлен, якобы, в Гдов, да так с того дня и пропал без вести.

В течение двух-трёх дней в волвоенкомат поступили десятки жалоб на такие преступные действия эскадрона. Такая массовость мародёрства бросала тень на Красную армию, восстанавливала население против неё. Это мы прекрасно понимали и правильно решили: ехать в уездный военкомат и доложить обо всём. Но беда наша была в том, что всё это относили за счёт распушенности и недисциплинированности.

Прибыв в Струги, увидели, как в железнодорожный ресторан прошла группа командиров. Военрук Кулаков Н.М., с которым мы направлялись в Лугу, узнал среди них Балаховича (я его не знал). Посоветовавшись между собою, решили в Лугу не ехать, а раз встретили командира полка, доложить ему. Так и сделали. Эта опрометчивость могла для нас окончиться трагически.

Отказырав, мы представились. Сдержанно, но корректно Балахович принял нас. Я без обиняков изложил причины нашего прибытия, упомянул и о том, что по этому вопросу ехали в уезд, но, встретив командира полка, изменили своё решение. Меня выслушали в полном молчании и спокойствии. Но как только я окончил, Балахович быстро поднялся и подал мне руку, давая понять, что встреча окончена, сказал, как отрубил:

– Будет проверено. Если не подтвердится, будете расстреляны.

Я взглянул на комиссара полка Балаховича, но тот сидел невозмутимо, как и все другие. Лишь наш военрук вскочил со стула и с привычной горячностью выпалил:

– На насилие ответим силой!

Реакции не последовало. Мы вышли на перрон, находясь ещё под впечатлением от происшедшего. И в это самое время к перрону подошла военная летучка. Из классного вагона показались Ян Фабрициус¹² – чрезвычайный комиссар участка Луга – Торошино, впоследствии наш замечательный полководец, уездный военком Булин¹³ и другие. Им навстречу уже спешил Балахович со своим окружением.

---

¹² **Фабрициус Ян Фрицевич** (1877–1929) – командир и комиссар Красной армии во время Гражданской войны, командир 14-й категории высшего начсостава РККА, кавалер четырёх орденов Красного Знамени.

¹³ **Булин Антон Степанович** (1894–1938) – революционер, советский партийный и военный деятель, политработник РККА, армейский комиссар 2-го ранга (1935). В 1918–1919 гг. – военком г. Луга. Член ЦК ВКП(б) с 1937 г. Расстрелян 29.06.1938 г. Реабилитирован в 1955 г.

Мы подошли к Булину, но доложить ничего не успели, он предложил зайти в вагон, всё рассказать оперативному работнику и получить от него нужные указания. Выслушав нас, умный и проницательный Гужинский задумался и, помолчав, сказал:

– Да знаете ли вы, горячие ваши головы, что вы доложили Балаховичу на Балаховича? – и, помолчав ещё, добавил: – А материал ваш серьёзный.

От Гужинского мы узнали, что в полку неблагополучно, что эскадрон, расположенный под Псковом в районе Елеазаровского монастыря, ушёл в Псков к белым, чем и вызван приезд сюда начальства.

Через час мы были очевидцами, как на площади у теперешнего молочного завода, перед выстроенным в конном строю эскадронам тов. Фабрициус произносил пламенную речь, клеймя позором предателей и изменников, призывая искупить вину, как Балахович клялся смыть с полка позор.

Вернувшись к себе в Щир, мы поздно вечером собрали руководящий состав, рассказали обо всём и, выполняя указания Гужинского, усилили караульную службу взвода. На второй день прискакал конный нарочный с пакетом, в котором сообщалось, что Балахович изменил: побросав в Стругах полковое имущество, налегке увёл эскадрон на деревню Новоселье и далее по шоссе на Псков к белым. Это случилось на утро, как только тов. Фабрициус уехал из Струг. В предписании требовалось в случае появления мятежников в пределах волости оказывать последним сопротивление всеми доступными средствами. Но скрестить оружие с бандитами пришлось только через полгода.

С приближением белых фронтов контрреволюционные элементы нагнали. Появилась ещё одна разновидность врагов – контрабандисты, которые ловко через Чудское озеро переправляли наш добротный лён в белую Эстонию, а оттуда приносили всякие провокационные слухи.

Усиливался белый террор. При возвращении с работы поздним ноябрьским вечером около имени Загорье, что под деревней Бровск, несколькими револьверными выстрелами был убит председатель волисполкома В.Н. Михайлов. Это был волевой, преданный делу социалистической революции человек. Похороны тов. Михайлова вылились в мощную демонстрацию трудящихся волости против бандитствующих сторонников прошлого.

На свежерытой могиле были произнесены речи. Это была первая гражданская панихида, первые гражданские похороны в волости. Народ хоронил своего избранника, погибшего от руки подлого врага. Под трёхкратный винтовочный залп гроб был опущен в могилу. Но долго ещё народ не уходил от свеженасыпанного могильного холма.

Люди убеждались, что за Советскую власть нужно воевать. Воевать долго и упорно.

Первая волостная партийная организация

3-го января 1919 года поздним вечером в Щиру на даче адмирала Перетягина¹⁴, там, где в настоящее время у шоссе находится братская могила советских воинов, при свете керосиновой коптилки происходило необычное собрание.

Здесь в одной из комнат волостного военкомата собралось десятка два работников комиссариата, волисполкома и красноармейцев для обсуждения небывалого вопроса. Вопросы, вызванного самой жизнью и не терпящего никакого отлагательства. На повестке дня стояло: «Организация коммунистической ячейки и вступление в РКП(б)». Чтобы понять значимость и революционность такого акта необходимо уяснить, когда это происходило и в какой обстановке.

А обстановка была такова: Яблонецкая волость с волостным центром в селе Щир в те времена включала в себя все населённые пункты от Квашенкиной Горки до Сосенки, от Ольгина до Троерожника. Это была густонаселённая волость. Три четверти её населения проживало на хуторах, около одной трети населения составляли эстонцы и латыши. Среди хуторян много было кулацких хозяйств, а такие пустоши как Голубско, Завижье, Троерожник, Дубницы и другие прямо выглядели как кулацкие колонии. Здесь хутор в 40 десятин и больше не представлял исключение.

Было много и помещичьих имений. Помещики к тому времени, хотя и безземельные, ещё продолжали проживать в бывших своих владениях. А такие крупные имения, как Срезневского, Киришбаума, Зачеренье, хотя и были оформлены как сельхозартели, но в числе их членов состояли и бывшие владельцы. Здесь же, пригретые кулаками, проживали и бывшие полицейские чины и всевозможные, выбитые из колеи революцией, воротилы и дельцы. Много проживало офицеров старой царской армии. Сами они не изъявляли желания идти в Красную армию, а мобилизация на них пока что не распространялась, хотя они и были на строгом военном учёте. Особо много контрреволюционного элемента проживало и концентрировалось около Щирского озера в дачных сёлах: Лог, Бровск, Заозерье и, особенно, в Крукшине.

В Шкваренской и Барановской лесных дачах у «зелёных»¹⁵ были организованы полные колонии. Многие из них занимались бандитизмом, грабили местное население. Если классовые враги в начале революции, не веря в её силу и жизненность, сидели в своих норах и на хуторах выжидательно смиренно, то теперь, когда к ним стали предъявляться революционные требования: отбираться и передаваться земельные излишки безземельным и малоземельным крестьянам и батракам, проводиться мобилизация лошадей и повозок в Красную армию, взыскиваться чрезвычайные денежные налоги и другие революционные требования и ограничения, и – особенно с приближением фронтов Гражданской войны – они зашевелились, стали вылезать из своих укрытий, активизироваться. Причём оружия у них было более чем достаточно, так как при отходе

---

¹⁴ **Перетягин Филарет Арсеньевич** (1871–1935) – военный судостроитель, генерал-майор флота (1917). Помощник начальника кораблестроительного отделения Главного управления кораблестроения (1913–1917), помощник начальника кораблестроительного отдела технического управления ГМТХУ (1924).

¹⁵ «Зелёные», «зелёные партизаны» – обобщённое название нерегулярных вооружённых формирований, преимущественно крестьянских отрядов самообороны и дезертиров. В более широком смысле – третья сила в Гражданской войне кроме красных и белых.

частей старой армии из-под Пскова и Прибалтики через волость у «хозяйственных» мужичков осело его порядком, да и стихийно мобилизовавшимися солдатами немало его было натащено.

Вся вторая половина восемнадцатого года отмечалась контрреволюционными вылазками. В конце июня помещик, бывший земский начальник барон Фредерикс организовал открытое вооружённое название, известное как Ивановское. Завуалированный бандитизм шайки Балаховича и, наконец, её открытая подлая измена. Вооружённый дневной налёт на волисполком, неоднократные ночные обстрелы волвоенкомата, убийство советских работников из-за угла – вот те далеко не все звенья цепи, которую плела контрреволюция в волости. Да и в самих советских органах не всё было благополучно. На волостных и сельских сходах ещё пробовали орудовать кулачье и подчас не безрезультатно. Так, при их помощи на должности председателя волисполкома оказался Семён Пажинский. Этот эсэртствующий обнищавший дворянин попросту оказался настоящим бандитом. На посту председателя волостного комитета бедноты подвизался Василий Суровский, в военкомат пролез Павел Уланов – оба анархисты самого худшего пошиба, к тому же горькие пьяницы и неприкрытые мздожестыжатели. Дьячок местной церкви Георгий Круглов и капитан царской армии Мерказин¹⁶ занимали писарские должности в аппарате исполкома. И недаром они там служили, если с приходом в мае белых, дьячок их встретил колокольным перезвоном, то капитан вручил белой контрразведке полные списки коммунистов и советских работников не только с фотографиями, но и с полными исчерпывающими характеристиками, кто чего сто́ит. А сам с хода занял должность начальника штаба полка.

Вот такая напряжённая и сложная обстановка сложилась в волости к концу восемнадцатого года, и она с каждым днём становилась напряжённой. Правда, к этому времени при волисполкоме был организован небольшой заградительный отряд по борьбе с мошенничеством, спекуляцией и пр. При волвоенкомате был сформирован стрелковый взвод, который был укомплектован исключительно добровольцами, фронтовиками, людьми преданными советской власти. Взвод был хорошо вооружён и активно вёл борьбу с дезертирством, бандитизмом и контрреволюцией. Оперативные группы губернской и уездной ЧК, опираясь на эту вооружённую силу немало ликвидировали контрреволюционных очагов и выловили отдельных опасных элементов.

Было немало преданных советской власти людей и в Советах и, особенно, в Комбедах. Но не было самого главного. Не было здесь, на месте партийного руководящего ядра, который руководил бы и направлял деятельность недавно созданных советских органов власти. В волости не только партийной организации, а даже отдельных членов партии не было. Вся партийная направленность в работе осуществлялась периодически приезжающими в волость товарищами из

---

¹⁶ **Мерказин Константин Дмитриевич** (1885–1941) – в 1909 г. состоял в чине подпоручика в 1-м Финляндском стрелковом полку. Участник Первой Мировой войны, капитан. В апреле 1915 г. контужен. Награждён орденами: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (16.04.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» на оружии (3.05.1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (4.06.1915). С 20.06.1919 г. состоял на службе в белой Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, комендант Яблонцевской волости. В 1920–1930-х гг. проживал в г. Печоры, с 1937 г. в Таллине. Арестован органами НКВД 6.11.1940. Приговорён к расстрелу 14.03.1941 г.

губернских и уездных организаций. Но эти приезды были редки и кратковременны. Ясно, что без партийного руководства в работе ощущалась разобщённость и перебои, а временами и полная неразбериха, разброд. Для создания партийного ядра и было организовано собрание. Чтобы перед лицом грозной опасности для советской власти (фронты Гражданской войны уже приближались и к нам) вместе с партией, в её рядах защищать и крепить дело Великой Октябрьской революции.

В большинстве у собравшихся товарищей в служебных анкетах на вопрос о партийной принадлежности значилось «сочувствующий РКП(б)». А в народе их просто называли ленинцами или большевиками. Если это произносилось бедняками или другими обездоленными людьми, то это произносилось почтительно, с уважением. У кулаков же и других мироедов и их подпевал это звучало как насмешка, презрительно, с издёвкой.

Все они были фронтовиками, многие из них георгиевские кавалеры, люди, испытавшие на себе все тяготы полуголодной, нищенской жизни, унижения и бесправия помещичье-царского строя. Все искренне преданы советской власти. А в партийном отношении они, конечно, были людьми беспартийными. Вот почему и собрание было необычным. Собрались беспартийные и решили образовать партийную ячейку...

Автор этих строк в декабре 1918 года по службе был вызван в г. Лугу в уездный военкомат, где между служебных дел поинтересовались и насчёт партийности. Рассказав, что мы на месте себя считаем большевиками и народ нас так называет, и как работаем вы знаете, а вот как оформить партийность – не знаем. В результате такого разговора, на второй день, имея две рекомендации: одну от уездного военкома тов. Булина и вторую от председателя уездной ЧК, я явился в уком¹⁷ партии. Здесь уже меня ожидали. Подробно расспросив, взяли мои рекомендации и сказали, что с этого дня я себя могу считать членом партии, но оформление должен провести через своё собрание сочувствующих, которое мне и поручается организовать и провести. Здесь же я получил партийное «хозяйство»: с десятков чистых бланков партийных билетов, анкеты для вступающих в партию и устное указание как провести собрание.

Активно и бурно проходило собрание. Желающих вступить в партию, но выразивших какое-либо сомнение или ранее нарушавших дисциплину, а тем более показавших неустойчивость или колебания в проведении того или иного советского мероприятия, отсевали беспощадно. Рекомендации давались устно, лишь заносились в протокол. Принятый в партию тут же имел право давать рекомендацию другому товарищу. За полночь окончилось собрание. Всего вступило в партию 17 человек. Трое из них из волисполкома: В.М. Богданов¹⁸ – председатель исполкома, уроженец деревни Ждани, в прошлом питерский рабочий, Н.З. Зиновьев и И.П. Баллод – заведующие отделами, остальные из военкомата и красноармейского взвода. Вот уже заполнены и вручены партийные билеты. Возбуждённые, слегка утомлённые – не расходимся. Пожимаем друг

---

¹⁷ Уком – уездный комитет.

¹⁸ **Богданов Виктор Михайлович** (1887–?) – служащий, участник Гражданской войны. Председатель Яблонецкого волисполкома (1919–1920), председатель Струго-Красненского поселкового Совета (1932).

другу руки, рассматриваем красные книжицы в двух корочках за порядковым номером от единицы и дальше.

Аккуратный в делах, подтянутый Владимир Никитич Сузин¹⁹, начальник мобилизационного отдела – он секретарь собрания и он же секретарь вновь созданной партийной ячейки уже всё записал, оформил, подшил. Председатель собрания ставит свою подпись в протоколе и поднимается из-за стола... И как бы салютом всему этому прекрасному делу, с фасадной стороны здания раздаётся резкий взрыв «лимонки», отдельные винтовочные выстрелы. Здание содрогается, звенят выбитые стёкла, и в следующее мгновение слышится громкая команда «В ру-у-жьё!», и комвзвода Пётр Иванович Иванов как держал в левой руке партбилет, так и выскочил на двор, на ходу растёгивая правой кобуру пистолета.

Двор быстро заполняется вооружёнными людьми. Стрельба. А вдали на шоссе в снежной дымке резвые кулацкие скакуны уносят лёгкие розвальни... Это не впервые, привычное, знакомое. Так родилась и стала существовать в волости первая коммунистическая организация для проведения в жизнь на местах программы Российской Коммунистической партии, как записала она в своём первом протоколе.

Решением Лужского уездного комитета РКП(б) от 7 января 1919 года партийная ячейка была утверждена. А в недалёком будущем она была реорганизована в волком²⁰ партии. Молодая партийная организация сразу включилась в напряжённую повседневную работу. Безошибочно можно сказать – революционную работу. Достаточно привести пример, что с приближением белогвардейских войск, чтобы парализовать возможность кулацких вылазок и саботажа дважды распускался волисполком и взамен его дважды создавался волостной ревком²¹. Кулаки и вся контрреволюционная нечисть знали, что это такое. Ох, как знали!

В период января–февраля парторганизация трижды по партийной мобилизации направляла на фронт своих коммунистов. С первой группой ушёл тов. Киккас Александр Петрович, фронтовик, эстонец, сын беднейшего крестьянина из пустоши Нишева. Когда на партсобрании объявили о мобилизации нескольких товарищей на Эстонский фронт, в наступившей тишине молча поднялся Александр и попросил направить его. Как сейчас помню этого долговязого, немного угловатого парня, стоящего по стойке «мирно» и прижимающего к бедру маузер. Этот габаритный пистолет хорошо дополнял его образ, но он опасался, что хоть он и отделенный командир, а при отправке маузер ему заменят на наган.

– Хорошо, поедешь, Саша. И поедешь при маузере, – и он сконфуженно улыбнулся.

История с этим маузеришкой такова. В имении Орлова Гора, в этой «Русской Швейцарии», как ещё его называли, осенней ночью было арестовано несколько скрывающихся там «контриков» из

---

¹⁹ Сузин Владимир Никитич (1892–1938) – уроженец пуст. Головково Стругокрасненского района, эстонец. Арестован 18.03.1938 г. Приговорён по ст. 58-1а УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 28 октября 1938 г.

²⁰ Волком – волостной комитет.

²¹ Ревком (революционный комитет) – временный орган власти, наделённый чрезвычайными полномочиями.

Петрограда. В этой операции участвовал и тов. Киккас со своим отделением. Здесь он лично задержал одного поручика. По окончании операции чекисты, руководившие этой операцией, за отвагу и расторопность оставили ему этот трофей. Так он с тех пор и не расставался с этим оружием.

Кстати сказать, из этого имения, принадлежавшего одному из петербургских губернаторов Волкову²², вывезли тогда не только опасный элемент и оружие, а ещё две подводы икон, какая была их художественная ценность – неизвестно. Скорее всего никакой. А вот, что они все были в серебряных окладах, это было всем ясно, за что они и были конфискованы.

Александр Киккас погиб смертью героя под Ямбургом. Он с несколькими бойцами, с ручным пулемётом, несколько часов сдерживал натиск белых банд, что дало возможность нашим частям отойти в порядке на новые позиции. О его подвиге писали петроградские газеты, а партийная ячейка получила от командования благодарственное письмо за воспитание такого прекрасного, храброго воина.

Со второй группой по партийной мобилизации ушёл командир взвода П.И. Ильин, безземельный крестьянин, фронтовик, младший унтер-офицер, георгиевский кавалер. Тов. Иванов три года пробыл на фронтах Гражданской войны, был ранен, демобилизовался с должности командира роты. Впоследствии был прекрасным организатором в колхозе «Первомайский», участвовал в советско-финской войне, с которой вернулся тяжело больным.

Ушёл в партийном порядке на фронт и зав. мобилизационным отделом Владимир Никитич Сузин, также фронтовик и младший командир. Он до конца войны пробыл на фронтах в качестве политработника. Этот обаятельный, кристальной душевной чистоты, беззаветно преданный делу Ленина и советской власти товарищ, демобилизовавшись, до 1937 года работал в районе на ответственных постах.

В борьбе за советскую власть, за прекрасное, счастливое будущее, многие коммунисты парторганизации сложили свои головы. Белогвардейцы в дикой злобе и ненависти виселицами, расстрелами, порками и грабежами отмечали свой путь. Схваченные ими Леонтий Кузьмин – начальник волостной милиции и сотрудница военкомата, молодёжный работник, 18-летняя Нина Богданова были в Стругах публично казнены. Оба они из деревни Яблонец. Погибли: Зиновьев Николай Зиновьевич, Ильин Сергей Ильич из дер. Выборово. Антонов Михаил Трофимович, Шалаев Семён Иванович, Михайлов Фёдор Устинович – из деревни Сквородка. Кононов Григорий – из Бровска. Взятый тяжелораненым в плен мой брат Степан Сергеевич Архипов был зверски замучен в дер. Кочегоще. Много погибло и советского беспартийного актива. Особенно много казней было в дер. Сквородка. Также были казнены все первые руководители первых сельхозартелей.

---

²² Имение Орлова Гора с 1898 г. принадлежало потомственному почётному гражданину **Михаилу Александровичу Волкову**, сыну **Александра Александровича Волкова** (1837–1893) – камергера, тайного советника (1888), Санкт-Петербургского вице-губернатора (1873–1893), Вологодского губернского предводителя дворянства (1893).

В период захвата волости белыми – с 19 мая по ноябрь 1919 года – коммунисты, а с ними и многие из беспартийного актива вели партизанскую борьбу.

Так партизанами была сорвана объявленная белыми мобилизация военнообязанных в деревнях Обод и Крукшино. Всё мужское население этих деревень до 45-летнего возраста ночью в канун мобилизации ушло с партизанами для дальнейшей отправки в Красную армию.

В августе 1919 года была разгромлена банда изменников и карателей Августа Тирика, Карла Бергсона и Чижова в пустошах Завижье и Троерожник. Руководители банды были схвачены и понесли достойную кару по приговору военно-революционного трибунала. Вместе с Особым коммунистическим отрядом под командованием тов. Уткина, партизаны участвовали в разгроме белых под деревнями Заозерье и Сквородка.

Когда П.Н. Врангель создал серьёзную угрозу захвата Украины и соединения с белополяками, в августе 1920 года на фронт в числе мобилизованного в партийном порядке актива, выехал и я.

Шёл 1919-й год

Пожар Гражданской войны в нашем районе полыхал с мая по ноябрь 1919 года. За этот период район три раза переходил из рук в руки. Особо ожесточённые бои были под Сквородкой, Щиром и за наш посёлок Струги Красные.

При отходе красных частей в мае красногвардейский взвод влился в ряды 49-го пехотного Гдовского полка, чем усилил ряды этой прославленной воинской части. Многие из этих красногвардейцев в борьбе за советскую власть сложили свои головы. Это первые солдаты Красной армии, революции, стружане, добровольцы. Многие из них были членами большевистской партии.

Белые шли под развёрнутым знаменем буржуазно-помещичьей контрреволюции. Виселицами, расстрелами, порками, грабежами отмечали они свой путь. Их злобе и ненависти ко всему советскому не было предела. Люди, преданные советской власти и просто сочувствующие ей, гибли без суда и следствия.

Ни виселицами, ни убийствами из-за угла не смогли сломить дух и волю коммунистов. На место погибших становились новые товарищи.

Так родилась парторганизация, одна из «родоначальниц» районной партийной организации. Так в жестокой классовой борьбе полуголодные, полураздетые, с образованием до 3-х классов работали, боролись первые наши коммунары. Боролись и умирали за то, чтобы все имели работу, и все могли учиться. Чтобы был мир и счастье на земле.

***

Потеснив малочисленные подразделения Красной армии, белогвардейцы впервые появились в Яблоньской волости 19 мая, прибыли по Гдовскому большаку. С приходом белых, как по команде, вышли из лесов дезертиры, повылезала из своих логовищ всевозможная контрреволюционная нечисть. Озверелое кулачье распоясалось вовсю. Их злобе и ненависти ко

всему советскому не было предела. Люди, преданные советской власти и просто сочувствующие ей, гибли без суда и следствия.

Но как бы враги революции ни зверствовали, классовая борьба не утихала. Она незримым фронтом существовала во всех деревнях и отдельных семьях. И чем сильнее был белокулацкий террор, тем больше появлялось приверженцев советской власти.

Мощным ударом красноармейских частей белые были в июне изгнаны, но 6 июля они вновь заняли район.

Отступив с частями Красной армии, первые волостные коммунисты систематически появлялись в пределах волости для разведки, диверсий, организации и сплочения преданных советской власти людей. Всеми этими действиями руководил волостной ревком под председательством В.М. Богданова.

Многогранны и своеобразны были формы и способы этой партизанской борьбы... Тёмной ночью из деревни Заозерье, только что занятой красным отрядом, по лесному просёлку пробирается небольшой партизанский отряд. Идёт осторожно. Его задание: сорвать объявленную белыми мобилизацию в деревнях Обод и Крукшино. Вот и деревенская околица. В густой тёмной дымке просматриваются строения. Ни огоньков, ни собачьего лая. Тишина. Но эта тишина может брызнуть огнём в любой момент. Со всеми предосторожностями, огородами входим в деревню. Тихо. Осматриваемся. А вот и высокая изба Вани Лазухи. Тихий осторожный стук в окно. В избе что-то скрипнуло, и в окне показалась кудлатая голова рослого Лазухи. Какое-то мгновение постояв в недоумении, он решительно открывает окно и в радостном возбуждении то ли в избу, то ли на улицу, проговорил:

– Наши пришли... Товарищ комиссар...

– Тише, выходи на улицу. – От него мы узнали, что объявлена мобилизация мужчин до 45-летнего возраста. К десяти часам утра все подлежащие мобилизации должны явиться в Сквородку в белогвардейский штаб. А белые в количестве взвода расположились в бывшем имении Шелобанова²³, что сразу за деревней.

– Ни в какую Сквородку вы не пойдёте! А сейчас собирай в школу народ, без шума, без огней... – Когда, перекрыв дозорами дороги в деревню, мы с И.П. Баллодом, садовником из имения Добровольского²⁴, членом волостного ревкома, пришли в школу, народу там было уже много. Люди сидели за столами и на столах, в проходах, вплотную стояли вдоль стен. Женщин на собрание не приглашали, но их здесь была добрая половина.

---

²³ Имение Шелобанова располагалось в ур. Вербилово возле оз. Чёрного (Вязковского).

²⁴ Имение Луговое, ныне территория микрорайона Подсобное в составе пос. Струги Красные. **Добровольский Александр Михайлович** (1863–?), профессор Военно-юридической академии (1901), генерал-майор (1907), кавалер орденов Св. Станислава I ст. (1913), Св. Владимира III ст. (1910), Св. Анны II ст. (1904). Землевладелец имения Луговое, учредитель Общества по благоустройству местности при ст. Струги-Белая.

Кратко рассказали собравшимся о той тяжёлой борьбе, которую ведёт Советская республика за дело трудового народа и за что воюют белые, и кто стоит за их спиной. После выступила школьная учительница А.Н. Степанова, но она буквально сказала только следующее:

– Днём в школу заходили офицеры... И что они говорили!.. Ой, что они говорили! Ужас!.. Как так можно говорить, ведь они образованные, интеллигенция!..

– Александра Никифоровна! Они не только говорят так, но так и делают! – Народ был явно на нашей стороне. Им было сказано, что белые объявили мобилизацию в свою армию, и что мы тоже от имени Советской власти объявляем мобилизацию, но в армию рабочих и крестьян. А в какую армию им сподручней – пусть решают сами. Оживление пробежало по людям. Такого оборота дела никто не ожидал. Даже женщины заулыбались:

– Ишь-ты, что придумали...

Откуда-то из-за шкафа кряхтя поднялся Кирюха Двухсердечный – так звался по-деревенски этот артиллерист за своё богатырское сложение. Поднялся, посмотрел кругом и, махнув своим пудовым кулачищем, сказал:

– Так вот что, бабы, – по домам. Собирайте солдатские подорожники. Долго жили без нас, ещё немного поживёте... Идём в Красную армию. Так, товарищи?

– Так, так. Только в Красную армию, – отвечали со всех сторон. – Такому народу не верить было нельзя.

В летнее наступление, захватив деревню Сковородку, белые по-своему отметили это. Вначале расстреляли всех захваченных раненых красноармейцев, потом бедняцкое семейство Устиновых, больного Симу Шалаева, а также М.Т. Антонова, отбывшего четыре года царской каторжной тюрьмы за участие в Свеаборгском восстании в 1906 году. Затем устроили пышные похороны своим пяти офицерам, убитым в этом бою. Захоронение убитых белых солдат было возложено на местное население. Этим никаких почестей не полагалось.

Затем в барском доме были устроены поминки – сутки шёл пьяный шабаш. Произносились и пьяные речи, полные угроз и злобы в адрес «красного сброда». Особо в этом изощрялся местный помещик, явившийся в бывшее своё имение вместе с белыми.

Впоследствии штаб белых переместился в Струги. Помещик стал хозяйствовать в имении.

Нужно сказать, что эти помещичьи хозяйства как в ходе революции, так и после неё в основном сохранились. Были отрезаны земельные излишки для крестьян, продуктивный и рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, строения и прочее были переданы коммуна, состоящим из бывших батраков.

В имении Городок помещика Срезневского²⁵, что на берегу Плотичного озера, было прекрасное стадо крупного рогатого скота, которое полностью сохранилось – коммунары

---

²⁵ Имение Городок располагалось на берегу оз. Плотишно (Барское). **Срезневский Владимир Измайлович** (1848–1921) – преподаватель, статистик, действительный статский советник. Секретарь Императорского русского географического общества (1876–1883), управляющий статистическим отделением Министерства юстиции (1882–1898). Учредитель Струго-Бельского союза молочных хозяев. Владелец имения Городок с 1882 г.

рачительно хозяйствовали. Помещик этому несказанно был рад, но злобу и ненависть к рабочему люду ещё более усилил. Но какой его хватил удар, когда он узнал, что его богатое стадо было угнано с поля партизанами. Пока выяснялось, что и как, да организовывалась погоня, время было уже упущено. Направляемое опытным пастухом, проработавшим на помещика не один десяток лет, Курановым Фёдором Евсеевичем, стадо подходило уже к Гривцеву²⁶, а это было по ту сторону фронта.

Август Тирик – председатель Завижского сельсовета и Карл Бергсон – сотенный командир по всеобучу оказались предателями. Сколотив банду из кулацких сынков и других проходимцев, они много принесли зла и пролили крови советских людей, участвуя в карательных операциях белых. В августовское отступление они не ушли с белыми, а, укрывшись на своих хуторах как в ничейной зоне, продолжали диверсии против советской власти и Красной армии.

Было решено банду ликвидировать. Партизанская группа человек в двадцать направилась для выполнения этой операции. Намечалось ночью произвести на этих хуторах сплошную облаву. Так и сделали, но результатов это не дало никаких: обнаружить бандитов не удалось. Но опять же помог свой человек. На одном из хуторов к нам подошла девочка-батрачка и сказала, что знает где они находятся.

И вот она нас ведёт. Проходит минут сорок, впереди сквозь лес блеснул костёр. Девушка останавливается, показывает рукой вперёд: «Они там». Мы рассредоточиваемся и быстро окружаем небольшую лесную поляну. У костра человек десять. Они в разных позах – сидя, полужёжа – разговаривают, машут руками. Кольцо до предела сужается.

– Руки вверх!.. Ни с места!

Мерцание направленных в бандитов штыков подтверждает команду. Бергсон пружинисто вскакивает, но от сильного удара прикладом падает на землю. Среди задержанных нет Тирика, главного организатора этой банды. Однако, боясь за свою шкуру, беляки выдали своих дружков. По их словам, Тирик, Миллер и другие находятся на хуторе рожницкого кулака Михайлова, другие под Озерёвом у Силонарусков. Широко разбрелись мерзавцы. Нужно спешить, пока их не спугнула весть о нашем присутствии.

Отряд делится на две части. Одна направляется на Озерёво, другая под началом Н.З. Зиновьева – на Рожник. Зиновьев по профессии портной, родом из деревни Лудони, являлся точным прообразом всем известного Васи Тёркина. Никогда не унывающий, находчивый, первый танцор и песенник, он в то же время совмещал в себе все черты смелого, решительного воина. Группа под его командой вовремя накрыла бандитов, хотя те оказали отчаянное сопротивление. Тирик и Миллер были взяты живыми. В Озерёве это не получилось.

И вот, сведённые вместе, стоят они с опущенными головами в страхе за свои злодеяния. Если следовать белогвардейским повадкам, то мы имели полное право уничтожить их при задержании и даже после. У каждого из нас были личные счёты к белобандитам. Но этого не

---

²⁶ Гривцево – деревня, ныне в составе Плюсского района, находится в 3 км южнее пос. Плюсса.

случилось. Анархизм и произвол были чужды нам. А что касается задержанных, то с ними разобрался военный трибунал и разобрался по закону.

***

Сентябрь 1919 года. Отряды молодой Красной армии с боями освобождали родную землю от белогвардейцев. Дорога Струги Красные – Сквородка была запружена отступавшими частями белых. И тут же, среди военных повозок, пулемётных тачанок, между групп пеших солдат тащились гражданские брички и тарантасы. На узлах с различным скарбом восседали напуганные перестрелкой бывшие «власть имущие»: помещики, попы, торговцы, чиновники. Одни из них спешили унести ноги, будучи яркими врагами советской власти, другие оказались просто жертвами белой пропаганды, которая всячески изощрялась, изобретая небылицы о зверствах и издевательствах большевиков над населением, пугала красными виселицами и расстрелами. Кое-кто в те беспокойные дни не мог разобраться в истине, дал себя обмануть и покидал насиженное гнездо, вверив свою судьбу белогвардейскому отребью.

Нечего и говорить, что как только красноармейский отряд занимал населённый пункт и люди могли присмотреться к действиям и поведению советских воинов, рассказы белых офицеров казались им уже просто нелепостью. Непременным требованием дисциплины в наших отрядах было наряду с непримиримостью к врагам революции, гуманное отношение к населению, к побеждённому врагу. Это правило соблюдалось всеми, начиная от рядового бойца до командира.

Вспоминается такой случай, происшедший как раз в те сентябрьские дни 1919 года.

Накануне вечером наш отряд под командованием Уткина занял деревню Заозерье, вышибив оттуда белых. Ранним утром я обходил посты охранения.

– Товарищ комиссар! – обратился ко мне красноармеец Николай Сарычев. Указывая на стоящую неподалёку помещичью усадьбу, он сказал:

– Буржуи-то всю ночь не спят, огонь горит и слышно: ходят, дверями хлопают...

Это было имение Малый Терем. В 1917 году сюда вернулся отпущенный с фронта по болезни его бывший владелец – старый царский генерал Скопинский²⁷. «Неужели генерал не ушёл со своими? Интересно! Щирской попик²⁸ сбежал, а этот вояка остался?» – так думал я, направляясь к дому.

---

²⁷ **Скопинский-Штрик Александр Александрович** (1859–?) – русский военачальник, генерал-майор (1909). Командир 3-го Финляндского полка (1905–1910), командир бригады (1910–1913). С 1913 г. в отставке. Участник Первой Мировой войны, начальник 90-й бригады Государственного ополчения (1917). Награждён орденами Св. Станислава II ст. (1901), Св. Анны II ст. (1904), Св. Владимира IV ст. (1907).

²⁸ Вероятно, имеется ввиду священник **Павел (Дмитровский)** (15.01.1872–2.02.1946), служивший в Успенской церкви пос. Струги-Белая и Воскресенской церкви погоста Щир с августа 1918 до июля 1919 г. Эмигрировал в Эстонию, архиепископ Нарвский (1937–1945), архиепископ Таллинский и Эстонский (1945–1946).

Там и верно не спали, хотя едва занимался рассвет. Только я поднялся на крыльцо, как навстречу мне вышла старая седая женщина высокого роста и, несмотря на годы, ещё стройная²⁹. Весь её облик говорил, что она привыкла жить в роскоши, повелевать, пользоваться плодами чужого труда.

Я назвал себя и объяснил, что зашёл узнать, как наши красноармейцы обошлись с ними, нет ли каких жалоб.

Видно, до генеральши только после моих слов дошло осознание, что перед нею самый настоящий красный комиссар, о которых рассказывали столько ужасов. Она вся как-то окаменела, будто охваченная шоком, глаза и всё выражение лица передавали неопиcуемый ужас, смятение. Но мало-помалу она пришла в себя и уже совсем по-иному взглянула на меня, как будто удивляясь, что я не держу по нагану в каждой руке, а в зубах – кинжала. По её виду можно было догадаться: она никак не ожидала, что комиссар-большевик окажется обыкновенным человеком.

Наконец, генеральша вышла из оцепенения и вежливо пригласила меня в дом. В комнате, куда мы вошли, стоял тот беспорядок, когда нетрудно понять, что люди поспешно собирались в дорогу, да так почему-то и не уехали. Здесь же, на походной раскладной кровати, лежал сухошавый седой старик, одетый в защитного цвета военную тужурку и поверх накрытый шинелью.

– Здравствуйте! Спасибо, что зашли, – промолвил он в ответ на моё приветствие. Немного помолчав, генерал добавил:

– Я, вот, отвоевался, ноги плохо слушаются...

– Наверное, поэтому и со своими не ушли? – спросил я.

Генерал взглянул мне в глаза.

– Нет, не поэтому! – твёрдо сказал он. – Здесь моя родина, за границей мне делать нечего.

– Но ведь вы же собирались эвакуироваться!

После короткого молчания мой собеседник промолвил, как бы извиняясь:

– Я человек старой выучки и нового не воспринимаю. Хотя и не воюю, но должен был... ждать... неприятностей.

– Вы хотите сказать грабежа, насилий, быть может, расстрела? – с усмешкой заметил я.

– Да, на войне и это оправдывается... – и снова, помолчав, подумав, он продолжал. – Вот как выходит-то. Вы вроде офицера новой армии, по-вашему Красной армии, а я – царский генерал. Значит непримиримые враги, да и встречаемся в фронтовой обстановке. А вот Вы проявляете внимание, гуманность к беспомощному врагу. Наши не так бы с Вами обошлись... А что касается Ваших людей – они нас не беспокоят. Наоборот, воды принесли моей старухе, дров наготовили. Хорошо воспитывает красных солдат Новая Россия. И я, старый вояка, понимаю, что как раз в этом залог вашей непобедимости, – закончил он.

Я с удовольствием внимал этим словам генерала. Мне было приятно слышать достойную оценку, похвалу своей родной армии из уст человека, понимавшего толк в военном деле, тем

---

²⁹ Имеется ввиду Скопинская-Штрик Аглаида Викторовна.

более, что он был нашим врагом. И, признаюсь, покидая этот дом, я от всего сердца откозырял старому генералу.

Да, за наших простых солдат можно было гордиться: понадобилось – они помогли старой генеральше принести воды и дров. В час короткой фронтовой передышки они не прочь затеять хоровод с деревенскими девчатами. Они, добродушные русские ребята-красноармейцы, уже на другой день в жестоком бою с ходу взяли сильно укреплённую врагом деревню Сквородка, подчистую разгромив батальон головорезов белого Георгиевского полка.

А помог нашему отряду в этом член комсомольской ячейки из деревни Миложа Василий Антонов. А сделал он это так. Появился в расположении отряда четырнадцатилетний парнишка в домотканых портах, отцовском картузе. Его спросили: «Кто ты и зачем пришёл?» Мальчик ответил: «Сын бедняка. Пришёл защищать революцию».

Все звали его Васёк. Оставив семью, он, голодный, шёл несколько дней через десятки белогвардейских постов, чтобы вступить в Красную армию. Разведав расположение белых, он спас отряд от разгрома, тайными тропами вокруг Чёрного озера провёл красноармейцев к деревне Сквородка. Белогвардейцы были разгромлены, а наш отряд почти не имел потерь.

***

По весне двадцатого года в волость по партийной путёвке прибыл из уездного центра – Луги на должность военкома Агапов Михаил – участник Гражданской войны, молодой, выдержанный и собранный, достаточно грамотный по тому времени, он был прекрасным, подающим большие надежды работником. В июне 1920 года тов. Агапов по заданию волкома партии и волисполкома проводил сход в деревне Деева Горка по организации продразвёрстки, которая в те времена была самым острым политическим и экономическим мероприятием в деревне. При возвращении по выполнению партийного задания невдалеке от теперешнего селения Марьино молодой коммунист был убит кулацкими наймитами³⁰. Захоронение его праха с надлежащими почестями было произведено в городе Луга на городской площади.

Председатель Яблонецкого сельсовета И. Дмитриев при исполнении служебных обязанностей был зарублен топором. Захоронен герой в Стругах Красных на площади Жертв Революции. Автору этих строк, тогдашнему председателю волревкома, тёмной ночью на 7 ноября 1919 года по-подлому в окно кулацкими прихвостнями было нанесено серьёзное ранение в лицо. Стреляли и по моей жене. Ночью в окно из обреза была убита жена председателя Кочегощенского сельсовета тов. Ермолаева.

В годы становления советской власти в жестокой борьбе с тёмными силами отжившего строя за счастливую жизнь будущих поколений погибло немало честных, преданных делу Ленина

---

³⁰ Автор, вероятно, путает дату убийства М. Агапова, оно не могло произойти ранее сентября 1920 г. Агапов как председатель Яблонецкой волостной комиссии по борьбе с дезертирством принимал участие в уездном съезде в Луге 2 сентября 1920 г. (*Хрисанфов В.И.* Лужский край в 1917–1920 годах. Т.2. – Луга, Изд-во Голубева, 2010. С. 50).

партийных и беспартийных большевиков. Мы склоняем головы перед их героической жизнью и смертью, ещё раз говорим: дело, за которое вы боролись и погибли, продолжают ваши сыны и внуки, они доведут его до победного конца.

Коммунизм будет построен!

Школа

Деревня Сквородка в дореволюционное время была волостным центром. Здесь, кроме волостного правления, имелись кабак, чайная, пекарня, мелочная лавка, часовня, земская начальная школа и две помещичьи усадьбы. Народ жил бедно и скудно.

...Отшумели революционные годы, отгремел памятный для деревни девятнадцатый год. Помещиков и прочее ненужное, как ветром сдуло. Но развороченная снарядами школа и сверкающая позолоченным крестом часовня продолжали стоять одна против другой.

Соскучившиеся по земле и мирному труду, вернувшиеся с фронтов мужики решили в первую очередь восстановить школу. Нужно было учить ребят, а «неучей» за минувшие бурные годыросло много.

Часовня же непрерывно продолжала свою деятельность. Сюда в праздничные дни приезжал цирковой батюшка, устраивал крестные ходы, славил Христа, ловко и хитро дурманил народ.

...Трудна была в эти годы работа в школе. Ох, как трудна! Не было учебников, тетрадей, не хватало карандашей. Писали на газетах, старых обоях. А хуже всего то, что не было грамотных, квалифицированных учителей. Учили случайные, сами не вполне грамотные люди.

В середине двадцатых годов в школу приехала молоденькая учительница Полина Семёновна Петрова. С её приездом школа как будто преобразилась, посветлела, свежим родником в ней забила жизнь.

И сколько было энергии, ума, молодого задора, организаторских способностей, такта, веры в светлое будущее у этой, невысокого роста девушки, что вскоре вся деревня заговорила о ней. Кроме школьных забот и школьного хозяйства комсомолка-учительница находила время и для общественной работы, а её в деревне – непочатый край.

До сих пор дремавшая или озорничавшая на бессмысленных деревенских супрядках молодёжь почувствовала в «учителке» своего вожака. Стали проводиться молодёжные собрания, в деревне зазвучали новые песни.

А какой приятной неожиданностью для народа было выступление детской художественной самодеятельности. Спектакль в деревне! Школу заполнили до отказа, и надо было видеть с каким восхищением смотрели зрители на эту бесхитростную детскую игру. Авторитет учительницы ещё более возрос.

Много доброго сделала Полина Петрова. Это ей мы обязаны появлением первых комсомольцев в деревне. В содружестве с молодёжью она организовала первую праздничную (7 ноября 1927 года) демонстрацию. Это имело большое моральное воздействие на деревню.

Если деревня из поколения в поколение видела на своей улице и своём поле лишь печальные крестные ходы с гнусавым поповским пением, то здесь, в противовес старому, шёл в

жизнеутверждающем праздничном порыве свободный раскрепощённый народ. Шли стройными рядами школьники, многочисленная молодёжь деревни, окружающих хуторов и других населённых пунктов, шли бывшие красноармейцы и деревенские активисты. Шли с красными флагами, с песнями.

Особо задористо, с подсвистом, плясом под гармошку распевала молодёжь одну песню. Слов её не помню, но припев в памяти сохранился:

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов.
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов³¹...

Такого деревня не видывала и не слыхивала. Молодёжь заявляла свои права на новую жизнь.

Выполняя решения партии и правительства о ликвидации неграмотности и малограмотности, по просьбе комсомольцев в деревне была организована школа малограмотных. Автору этих строк было поручено возглавить её. Желающих посещать занятия набралось человек двадцать, причём, исключительно юноши и девушки от пятнадцати лет и старше.

Школа размещалась в подслеповатой избе Ефросиньи Ильиной, где при двух пятилинейных керосиновых лампах (занятия проводились вечерами), за длинным узким на крестовинах столом, сколоченном самими ребятами, сидели на таких же самодельных длинных скамьях учащиеся. Вот и всё. Другого ничего не было.

Нет, было и другое! Было страстное желание учиться. В этих физически и духовно здоровых крестьянских парнях и девушках пробудилась веками спящая в нашем народе и разбуженная Великой революцией жажда к знанию. И тяга к знаниям была так велика, что они не замечали ни убожества и бедности своей школы, ни скромных знаний своего учителя. Ребята усердно и упорно осваивали всё, что им здесь преподносилось. Аккуратно, в любую погоду являлись к установленному времени на занятия, хотя многие из них проживали далеко на хуторах, а другим чинились серьёзные препятствия родителями. «Озоровать ходите, разбиваете обувь! Что дома работы нет?!» – рассуждали некоторые из родителей.

Помнится такой случай. Шёл урок по письменной арифметике. Ребята решали незамысловатые задачки, и, вдруг, в избу, запуская клубы морозного воздуха, вошло с десяток мужиков. Сняв шапки, оправив заиндевевшие бороды, они чинно остановились в углу у печки.

«Инспекция», – решил я. Ребята, переглянувшись, продолжали работу. На ходу перестроив урок, я стал спрашивать ребят таблицу умножения. Ответы получались быстрые и точные. Мужики насторожились. Они эту премудрость навряд ли сами знали. А когда стал задавать вопросы по умножению двухзначных с нулями, и ответы получались такие же быстрые и точные, то «инспекторы» были крайне обескуражены. Восхищённый ответом своего сына чернобородый

---

³¹ Стихи Н.М. Кооль.

Алексеев Кузьма, потоптавшись на месте, произнёс: «Что ж, мужики, пойдёмте. Мешать не будем... Тут дело ясное...» – и вышли.

Авторитет школы был спасён. Препятствий ребятам для посещения занятий больше не чинилось.

В школе, хотя и не предусматривалось расписанием, проводились беседы о революции, Ленине, гражданской войне, комсомоле. Да и как их было не проводить, когда ребята всё хотели знать. И какие это были внимательные, милые, благодарные слушатели!

Многие из них были комсомольцами. Вот спокойный, флегматичный Митя Егоров – будущий колхозник, а затем военный моряк, и его, вся в золотистых веснушках, сестрёнка Нюра. Вот Семёнова Таня – настойчивый и талантливый пропагандист всех мероприятий советской власти на селе. Алексеев Вася, который так поразил своими ответами на занятиях отца, будущий колхозник, затем курсант артиллерийского училища. Воевал, демобилизовался из армии в запас в звании полковника. А вот Захаров Миша – затейник и весельчак, впоследствии техник-строитель. Иванов Миша – колхозник и комсорг Симанологской МТС³². Куранов Ваня – батрак, а теперь один из руководителей завода в Ленинграде...

Да все ребята были любознательные, хорошие. Им не чужды весёлые хороводы и песни, дружба и любовь. Отличительной чертой комсомолки, да и всей молодёжи двадцатых годов, была целеустремлённость, любознательность, трудолюбие, преданность делу революции и партии Ленина. Поэтому, куда бы их не забрасывала судьба впоследствии, они везде оставались настоящими людьми.

Наступили тридцатые годы – начало массовой коллективизации в стране. В организации колхозов комсомолки и молодёжь были в первых рядах. Они безболезненно рвали связи со старым укладом, тянулись ко всему новому.

По инициативе учителя-комсомольца Владимира Букинского в деревне Ждани был организован колхоз «Решающий», которым он первое время и руководил.

На сковородкинских хуторах в 1931 году в конце мая был организован колхоз «Колхозная стройка», названный так в честь районной газеты, только что выпустившей свои первые номера.

Если до организации колхоза комсомолка принимала активное участие в сплочении бедняков и середняков в деле проведения мероприятий советской власти по ограничению роста кулацко-зажиточных хозяйств и их влияния, то с образованием колхоза, комсомолки, а с ними и вся молодёжь были самыми надёжными работниками. Тут трудно было кого-либо выделить. Все они бессменные и пахари, и косцы.

Колхоз с каждым годом креп и развивался. И если колхоз пользовался заслуженным уважением и считался в районе одним из передовых, то в этом большая заслуга колхозных комсомольцев, всей колхозной молодёжи.

Горячая, непоседливая молодёжь была активной и в других общественных делах. Вот один из примеров: строил колхоз здание под второй комплект школы. Строительство подходило к

---

³² МТС – машинно-тракторная станция

концу, когда обнаружилась нехватка стройматериалов, что грозило срывом строительства. А пора стояла горячая, уборочная. Комсомольцы предложили разобрать часовню, а в ней материала действительно было много. Но часовня колхозу не принадлежала. Нужно было согласие верующих, как колхозников, так и не колхозников. И вот такое собрание в деревне состоялось. Трудно было комсомолки и её вожаку Володе Никитину добиться у старух и стариков согласия на такое дело. Но получено оно всё же было. На второй день этот объект темноты и невежества, специальный дар помещика, был разобран, и строительство школы было завершено в срок.

Все эти сложные дела и дерзания комсомольцев-колхозников двадцатых-тридцатых годов должны служить примером для сегодняшней колхозной молодёжи.

Первые шаги колхоза

Конец мая 1931 года. На лугу собрались мужики, работавшие каждый на своём клочке поля, покурить, передохнуть. Разговорились о том, как провели сев, как нелегко было. Зашёл разговор и о том, как быть дальше. По всей стране крестьяне колхозы создают – легче сообща-то работать. Думали об этом наши мужики, давно думали, всё взвесили и прикинули. А тут враз решились – давайте создавать колхоз. Тут же – без протокола, без президиума – избрали правление и его председателя – автора этих строк. Определили и название колхоза, простое и мудрое «Колхозная стройка» – в честь районной газеты, только что начавшей выходить под таким названием. Через сутки в колхоз вступило двадцать четыре хозяйства. Это уже сила.

Так в Стругокрасненском районе на хуторах деревни Сковородка появился новый колхоз. Организовался он по собственной инициативе крестьян, по ленинскому принципу добровольности, без спешки, как в своей организации, так и в самом главном – в обобществлении крестьянских средств производства. Через год к нему были присоединены два смежных небольших колхоза «Красноармейский» и «Красный охотник» с переносом колхозного центра в деревню Сковородка.

С первых дней своего существования колхоз, несмотря на серьёзные трудности организационного, экономического и психологического порядка, взял правильный курс в построении коллективного хозяйства, в основу которого были положены извечная любовь крестьянина к земле, его врождённые трудолюбие и бережливость. Оберегая и храня эти прекрасные качества деревенских тружеников, ставших колхозниками, правление колхоза значительно облегчило себе работу в крутой ломке веками сложившегося уклада деревенской жизни.

Первый свой урожай колхоз убрал по-хозяйски – вовремя и без потерь; качественно провёл озимый сев, обеспечил скот кормами и полностью засыпал семенной, переходящий, фуражный фонды. В достатке выдал продовольственного и фуражного зерна колхозникам на трудодни. Это уже был успех, о котором заговорили и устно, и печатно.

Закрепляя достигнутое, колхоз с каждым годом развивался и креп. В первом году существования труд был исключительно ручной – косой и серпом. Но уже во втором на колхозных полях работали конные косилки и жнейки. Дедовский цеп сменила конная молотилка. Была

построена и оборудована кузница, крайне необходимая колхозу. В ней свои мастера превратили конную косилку в жатку-лобогрейку, давшую разительный эффект при уборке яровых хлебов, что стало достоянием всех окружающих колхозов. За счёт передовой агротехники урожайность зерновых, льна, картофеля превысила среднерайонные показатели. Был полностью произведён плодосмен, все выродившиеся сорта сельскохозяйственных культур заменили селекционными, разработали и начали внедрять семипольный севооборот. Росли колхозные неделимые фонды. Были построены типовой скотный двор, конюшня, ток, хлебные амбары, клуб. Приобрели и автомашину. В горячее время уборочной страды в колхозе открывались детский сад-ясли на полном колхозном обеспечении.

В колхозе было до сорока хуторов. Летом 1939 года все жилые дома и надворные постройки хуторян были свезены в колхозный центр и здесь заново отстроены. В это дело вложили огромный труд, причём в самое горячее уборочное время, но зато раз и навсегда покончили с хуторской разбросанностью.

Все работы в колхозе производились на основе сдельщины с оценкой труда в трудоднях по утверждённым нормам выработки. Доходы, как натуральные, так и денежные, после расчёта с государством, с МТС, засыпки общественных фондов, делились по трудодням. Стоимость колхозного трудодня в сочетании с доходами от приусадебного участка обеспечивала прожиточный минимум колхозной семьи, и уже никто не испытывал прежнего бесхлебья и бескормицы, хотя, конечно, с заработками и экономикой теперешних колхозников и рабочих совхозов тогдашний трудодень ни в какое даже самое отдалённое сравнение идти не может.

Росла и трудовая слава колхоза. С нас брали пример, на нас равнялись другие коллективные хозяйства, а их в районе было 120. В районную делегацию, направленную в декабре 1934 года на похороны С.М. Кирова, был включён и наш представитель. В феврале 1935 года на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников присутствовал делегат «Колхозной стройки».

Однако давалось всё не так просто. Сложным и трудным был перелом. Коллективизация – это по существу настоящая революция в укладе деревенской жизни, в сложившихся представлениях и понятиях. К тому же первые колхозы начинали с нуля, а первопроходцам всегда и всюду тяжелее. Да и вся страна Советов находилась в великом трудовом напряжении.

В те далёкие годы ведущей культурой в нашей местности был лён. К этой трудоёмкой культуре, к её посеву, уборке и особенно к обработке волокна, которое сдавалось государству полностью, шло на экспорт и давало валюту, предъявлялись жёсткие требования. Обработка льна в колхозе начиналась со второй половины сентября. Мятьё тресты (ещё не было льнозавода) производилось на двух вальцовых мялках, а трёпка – на двенадцати «бельгийских колёсах» – те и другие деревянные, собственного изготовления, на конном приводе. Трёпка льна шла круглосуточно, в две смены, при керосиновых фонарях и как правило заканчивалась к ноябрьским праздникам. Волокно шло добротное, качественное – до 18-го номера, но не ниже «десятки». А продукция таких мастеров трёпки, как Коротков, Михайлов, Коор, шла с личными бирками, принималась с первого предъявления.

Были и трудности другого порядка. Определённые неполадки отмечались в планировании. Задания по производству и поставкам продукции, по вывозке древесины порой доводились завышенные, по принципу «этот выдюжит», запасённые нами семена «рекомендовалось» передать тем, кто сам их не подготовил. На наши 50 с небольшим колхозных дворов приходилось 25 гектаров картофеля, до 40 – льна. И всё это сеялось, убиралось, обрабатывалось вручную. МТС была ещё маломощной, имела мало техники. Органических удобрений не хватало, совсем мало было и минеральных – в основном фосфоритная мука – их едва хватало под озимые культуры. Чтобы как-то пополнить запасы удобрений, ежегодно во всех дворах собирали золу, куриный помёт, лопатами заготавливали торф. Трудно было, но работали люди со старанием и преодолевали все трудности.

Много было в колхозе честных, трудолюбивых людей, искренне верящих, что, несмотря на большие трудности, будет построено новое, счастливое общество равноправного народа, что партия коммунистов этого добьётся. Назову некоторых из них.

Н.В. Владимиров, бывший питерец, участник Гражданской войны. Этот беспокойный рачительный хозяин умело, с полным чувством ответственности за порученное дело руководил колхозом. В дальнейшем, после трёхмесячной подготовки на курсах в городе Гдове работал председателем в других колхозах. После войны восстанавливал колхоз «Первомайский». Тяжело и сложно сложилась жизнь этого человека.

Одной из первых и серьёзных забот правления было сохранение и содержание конского состава – единственной тягловой силы. К тому же в первые годы своей деятельности колхоз не входил в зону обслуживания МТС, что увеличивало напряжённость в работе. Ветеринарной службой и военкоматом конское поголовье и его содержание отмечалось как лучшее в районе. Особенно хорошо выглядел колхозный фонд РККА. В этом была большая заслуга старшего конюха Р.П. Платонова, за что он отмечался и поощрялся. Родион Платонович первым вступил в колхоз, где ему и поручили эту ответственную работу. Свои обязанности выполнял добросовестно, был и конюх, и шорник, хранитель упряжи и сбруи. Правление было спокойно за выполнение плана случки, выжеребки, сохранение молодняка. Оно знало, что дед Родька днюет и ночует на своём посту. Будучи многодетным, он ежедневно выходил на работу сам шестой. Все дети были работающими колхозниками, такими они себя показали и в деле защиты Родины в Великой Отечественной войне. Старый колхозник скоропостижно скончался в 1940 году. Торжественно хоронил колхоз всеми уважаемого человека. Хотелось бы думать, что его дети и внуки, живущие и работающие в совхозе «Первомайский», достойны памяти своего деда.

Земельными органами колхозу была запланирована посадка яблоневого сада. Выполнение этого большого мероприятия было возложено на Н.С. Архипова, работавшего до революции у помещика в саду, а в колхозе огородником и пчеловодом. С увлечением принялся он за работу. Был заложен садовый питомник, а когда подросли саженцы, так же грамотно с перспективными сортами был разбит и посажен колхозный сад. Деревья прекрасно принялись и зашумели на своих пяти гектарах. Об этом заговорили в районе, потянулись экскурсии за опытом. В 1939 году

колхозный сад был представлен на ВСХВ³³ в Москве, где получил вторую премию: пять тысяч рублей и мотоцикл. Садовник Николай Сергеевич Архипов кроме диплома был награждён патефоном с набором пластинок. Сад уже входил в пору своего плодоношения, но в страшное для нашей Родины лихолетье был уничтожен фашистскими варварами.

Бессменный бригадир первой полеводческой бригады И.А. Вдовин, крестьянин-середняк с богатым практическим опытом в выращивании хлеба, стал в колхозном производстве разумным хозяйственником. Чуткий к нуждам колхозников, прямой, требовательный, он так сумел привить работающим в бригаде колхозникам «дух крестьянский, земляной», что его бригада была всё время передовой в колхозе по всем показателям, а сам был награждён нагрудным значком «За ударный колхозный труд». Этот честный трудолюбивый колхозник погиб на фронте, защищая Родину от фашистов. Его сын – Александр Иванович Вдовин, унаследовав прекрасные качества своего отца, успешно долгие годы руководил колхозом «Первомайский», за что отмечен правительственной наградой. В 1977 г. он работает экономистом в этом же совхозе.

Под стать Вдовину подходили и два других полеводческих бригадира: А.И. Кристов и Ф.И. Михеев. Первый из них погиб от рук фашистов на колхозном поле; второй, вернувшись с фронта, занялся восстановлением разрушенного колхозного хозяйства. В колхозе 15-летним юношей свой трудовой путь начал и В.А. Каретин.

В заключение нужно сказать, что шеф колхоза – районная газета «Колхозная стройка» в лице своего редактора В.А. Акатова³⁴ проделала большую и плодотворную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхоза и политическому воспитанию колхозников.

Виктор Абрамович за весь период своего редакторства был бессменным уполномоченным райкома партии и райисполкома в колхозе. Он как-то сразу «пришёлся ко двору». С природными задатками незаурядного агитатора, общительный, находчивый на слово, он активно и плодотворно повёл работу по воспитанию у колхозников социалистического отношения к труду, бережливого отношения к колхозному добру, правильного понимания колхозной демократии.

Пришли на смену этим ветеранам – зачинателям колхозного движения другие люди. Они продолжают дела, начатые их отцами, успешно претворяют в жизнь грандиозные планы Коммунистической партии Советского Союза по строительству коммунизма.

В далёком тылу

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу Родину явилось тяжким испытанием для всего советского народа, отразилось на личных судьбах каждой семьи, каждого человека.

---

³³ ВСХВ – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, предшественница Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ).

³⁴ **Акатов Виктор Абрамович** (1904–1984) – журналист, партийный и советский работник. Редактор Стругокрасненской районной газеты «Колхозная стройка» (1933–1939), первый секретарь Псковского райкома ВКП(б) (1946–1949). Награждён двумя орденами Красной Звезды, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны II ст., медалями.

В нашем Стругокрасненском районе в первых числах июля 1941 года началась эвакуация гражданского населения в тыл. Самый большой эшелон стружан выгрузился в городе Сарапуле Удмуртской АССР. Здесь они были предусмотрительно и заботливо, со всем вниманием встречены представителями городских властей и общественных организаций. Всем была оказана помощь, предоставлены жильё и работа. В основном стружанки определились на работу в пригородное хозяйство – овощно-молочный совхоз, расположенный от города в двух километрах в пойме притока Камы – Сарапулке. Здесь и проработали всю войну, вплоть до возвращения в родные места. Совхоз этот в конце 1941 года был передан как подсобное хозяйство оборонному заводу.

Наши землячки стойко перенесли разлуку с родными, с родимыми местами, молча выплакались и погоревали. Переживая всевозможные невзгоды и лишения, старательно взялись за нелёгкий труд, осваивая совершенно незнакомые для многих профессии. Ведь в числе эвакуированных было немало служащих, домашних хозяек... Добросовестно, с полной отдачей сил работали они на всех участках сложного хозяйства, и в скором времени многие из них были уже за старших как на огородных плантациях, так и в теплицах, в парниковом хозяйстве, в животноводстве.

Тысячи тонн столовых корнеплодов, помидоров, баклажанов, лука, огурцов, капусты, картофеля выращивалось ежегодно в хозяйстве. Всё это нужно было посеять, поливать, полоть, убирать, перерабатывать, заложить на хранение и надёжно сберечь.

Работали круглый год – в жару, в ненастье и в зимнюю стужу, без отпусков, испытывая все тяжести сурового военного времени. И, конечно, порою изрядно уставали. Самыми тяжёлыми были те дни, когда та или другая работница получала «похоронку», а они, к сожалению, приходили достаточно часто. Весь коллектив переживал эти страшные вести.

Но темп работ на производстве не снижался. Люди знали, что на заводе огни горели и трубы дымили круглосуточно, что там куётся оружие для отпора врагу и его разгрома, что и их труд помогает ковать это оружие.

И куда только исчезала усталость, как быстро расправлялись согбенные спины, как от радости за свою Родину глаза наливались слезами, когда тяжёлый уральский поезд, проходя мимо огородов, вёз на своих платформах затянутые брезентом «катюши» и танки. Забыв о своих невзгодах, женщины радостно кричали: «Смотрите! Смотрите! “Катюши” поехали, танки!» Или, когда в ясном небе нарастающим грохотом появлялись наши самолёты, которые в боевом строю, «своим ходом» направлялись на фронт из далёких восточных просторов. Самолётам махали руками, платками, провожали криками: «Летите! Летите, родные! Громите их, проклятых!»

«Катюши» уезжали, самолёты пролетали, но психологический фактор от таких встреч-проводов оставался. Огородницы, как после хорошего отдыха, усиленно включались в работу.

Вот так жили и трудились наши стружанки в годы войны в братской Удмуртии. С ними вместе работали в каникулярные периоды их дети-школьники и студенты техникумов и институтов.

Рядом с усадьбой совхоза в дачном городке размещалось эвакуированное из Смоленска пехотное училище. Строевые занятия часто проводились на совхозной усадьбе, так что курсанты нашим рабочим были знакомы и привычны.

...Шла уборка ранних овощей. Весь рабочий люд был на стогектарном огороде. И вдруг работа прервалась. Люди со всех сторон побежали к узкой огородной дорожке, на которую под бравурные звуки марша выходила колонна курсантов. Нет, это уже были не курсанты, что народ инстинктивно и мгновенно понял – это шли уже советские офицеры. Эти восемнадцатидевятнадцатилетние юноши шли не на парад или занятия, а туда – на передовую, в бой, и это они знали. Как бы подчёркивая свою решимость и долг перед Родиной, шли они, держа равнение в сомкнутых рядах, печатая шаг, – красиво, впечатляюще.

С обеих сторон дорожки, прямо в овощных бороздах стоял сбежавшийся народ. Женщины, как водится, все в слезах, с причитаниями: «Сынки... Дорогие вы наши... Сыночки», старые деды-удмурты, татары, русские – все прощально помахивали шапками и платками.

Но вот переждён мост, перестал играть оркестр. На какие-то секунды стало тихо и пусто. Потом эту тишину быстро прервали голоса женщин: «Товарищ директор!!! Что же это мы!..» Но они быстро оборвались. Все увидели, как от обоза, шедшего на завод с овощами, отделилась одна подвода и пошла за уходящей колонной. Там перед посадкой в вагон совхозные девчата слегка пополнят «тощие» лейтенантские заплечники зелёными огурчиками, помидорчиками, морковью, свежим лучком и другой зеленью. И, конечно, не забудут попросить, чтобы не забывали, писали письма.

Такие факты – будто и незначительные – по своему духовному содержанию глубоко патриотичны, они отражают как в капле воды, то великое единение армии и народа, фронта и тыла, которое привело нас к Великой Победе над фашизмом.

1959–1980 гг.

Список

членов партии, активно участвовавших в становлении и упрочении советской власти на территории Яблонецкой волости Лужского уезда Петроградской губернии (волостной центр в селе Щир)

1. **Родионов Фёдор Алексеевич** (по-деревенски – Федя-коммунист) – дореволюционный член партии, выходец из крестьян-бедняков деревни Обод. Питерский рабочий прибыл к нам из Петрограда по партийной путёвке. Один из первых председателей волисполкома конца 1917 г. – начала 1918 г. По состоянию здоровья был освобождён от работы. Проживая в деревне Обод, активно участвовал в проведении всех мероприятий советской власти и пользовался большим авторитетом у населения. Похоронен по его завещанию за деревней на высоком красивом холме. Его сын полковник Алексеев М.Ф. в период Отечественной войны был начальником оперативного отдела Ленинградского штаба партизанского движения.

2. **Михайлов В.Н.** – питерский рабочий прибыл к нам тоже по партийной путёвке из Петрограда в 1918 г. и, будучи избранным на пост председателя волисполкома, сразу приступил к осуществлению первых социалистических преобразований, к организации решительной борьбы со спекуляцией, саботажем, контрреволюцией. В.Н. Михайлов стал в волости первой жертвой подлой кулацко-бандитской войны из-за угла. Кровавое злодеяние врагов революции всколыхнуло трудовой народ, с революционными почестями он хоронил своего избранника. На похороны прибыла из Петрограда и Луги большая представительная губернская и уездная делегация. Характерно и памятно то, что на эту гражданскую панихиду съехались со всех деревень густонаселённой волости больше сотни пожилых крестьян. Несмотря на тридцатиградусный мороз народ простоял недвижимо всё время с непокрытыми головами. И тут же крепко поняли, что советскую власть нужно защищать, за неё придётся воевать со смертельным врагом. В.Н. Михайлов похоронен в селе Щир.

3. По весне 1920 г. в волость тоже по партийной путёвке из уездного центра – г. Луги на должность волостного военкома прибыл член партии **Агапов Михаил**, красный командир, активный участник Гражданской войны, молодой, выдержанный и собранный, достаточно грамотный по тому времени. Он был прекрасным, подающим большие надежды работником. В июне 1920 г. тов. Агапов по заданию волостного руководства проводил сход в деревне Деева Горка по доведению подразвёрстки до каждого двора. Это ответственное и сложное политическое задание тов. Агапов провёл по-партийному и, при возвращении домой в Щир неподалёку от теперешнего Марьино, был кулацкими бандитами убит. М. Агапов похоронен с воинскими почестями в городе Луга на главной городской площади.

4. **Сузин Владимир Никитич** – член партии с января 1919 г. Заведующий мобилизационным отделом волостного военкомата по партмобилизации. Ушёл на фронт, где до конца войны был политработником. Этот кристальной душевной красоты, беззаветно преданный делу Ленина и советской власти коммунист, демобилизовавшись, работал в районе на ответственных постах. Его жена и дочь проживают в Стругах Красных.

5. **Иванов Пётр Иванович** – член партии с января 1919 г., командир волостного взвода ЧОН³⁵. Около трёх лет пробыл на фронтах Гражданской войны, впоследствии он стал прекрасным колхозным организатором, руководителем колхоза «3-й Решающий» (дер. Ждани), в котором проработал до смерти в 1945 г. Иванов П.И. похоронен в деревне Ждани.

6. **Богданов Виктор Михайлович** – член партии с января 1919 г., происходил из крестьян-бедняков деревни Ждани. Председатель волостного исполкома с ноября 1918 г. по май 1920 г. В военное время – председатель волостного ревкома, командир партизанского отряда.

7. **Яковлев Александр Яковлевич** (по-деревенски – Штык) – питерский рабочий, выходец из деревни Миложа, где он как воспитанник вырос в крестьянской семье. Как член РСДРП отбывал административную ссылку, но никогда не прерывал связи с родными местами, если это представлялось возможным. Во время приездов он настойчиво и доходчиво вёл работу за

---

³⁵ ЧОН – части особого назначения

единение беднейшего и среднего крестьянства с рабочими в борьбе за свержение царизма, учил распознавать лжедрузей крестьян. Немаловажную роль сыграл позднее в деле коллективизации и укрепления колхозов. Народ от мала до велика верил ему и уважал его. Под старость он перебрался в деревню Сквородка, где ему построили маленькую дачу. Наша знатная партизанка – Котова (Антонова) Наталья, проживающая в д. Нишева, является ему племянницей. А.Я. Яковлев погиб в блокадном Ленинграде.

8. **Кумелан Вильгельм Янович** – генерал-лейтенант советской армии, участник боёв в Испании в 1936–1939 гг., сын батрака-садовника в имении адмирала Кладо в деревне Крукшино. В.Я. Кумелан был мною, в 1918 г. – военкомом, отобран на занятия молодёжи по всеобучу, как один из оборотистых и смекалистых парней и направлен в Петроград в военное артиллерийское училище. Генерал-лейтенант Кумелан В.Я. погиб после Отечественной войны на Дальнем Востоке в автомобильной катастрофе.

9. **Елькин Аркадий** – сын погибшего в Первую Мировую войну фронтового офицера из разночинцев. Этот опрятный, живой, общительный, энергичный паренёк – первый волостной комсомолец. В 1922 г. по партийном мобилизации был направлен на Украину для ликвидации банд Н. Махно, где героически сложил свою голову.

Вот неполный перечень тех, кто на первых этапах нашего большого, победного, но и трудного пути, не жалея своих сил и даже жизни, боролись за становление советской власти. Со всеми указанными лицами я имел связи по службе или работе.

Это были замечательные люди. В самые трудные минуты они верили в непобедимость и торжество ленинских идей. Побеждали интервентов и белогвардейцев, вышли героями из хозяйственной разрухи и голода, под кулацкими пулями построили на селе новую жизнь. Не было у них ни сомнений, ни страха перед трудностями. Конечно, случались и неудачи, и отступления, но, сжав зубы, юные бойцы снова и снова вступали в борьбу и достигали поставленной цели.

3 мая 1982 г.

Публикация подготовлена по следующим источникам:

Архипов Д. «Ряда» // За коммунизм. – 1977. – №113.

Архипов Д. Было это не просто // За коммунизм. – 1977. – №132. – 1 ноября.

Архипов Д. В далёком тылу // За коммунизм. – 1980. – 15 апреля.

Архипов Д. Годы молодости тревожной // За коммунизм. – 1968. – 17 октября.

Архипов Д. Далёкие годы // За коммунизм. – 1967. – №51, 52.

Архипов Д. За советскую власть // За коммунизм. – 1967. – №116.

Архипов Д. Могила у деревни Сквородка // За коммунизм. – 1977. – 12 апреля.

Архипов Д. Октябрьские дни и Гражданская война в районе // Колхозная стройка. – 1957. – №126.

Архипов Д. Первая волостная партийная организация // За коммунизм. – 1966. – №60, 61.

Архипов Д. Первая волостная партийная организация // В те боевые годы...: Воспоминания участников установления и упрочения советской власти на Псковщине в 1917–1920 гг. – Л.: Лениздат, 1978. С.61–66.

Архипов Д. Первые шаги колхоза // За коммунизм. – 1977. – №113.

Архипов Д. Первый комсомольский секретарь // Знамя коммунизма. – 1958. – №128.

Архипов Д. Письмо второму секретарю Струго-Красненского райкома КПСС В.Н. Матвееву [рукопись] // Архив Струго-Красненского краеведческого музея.

Архипов Д. Равенство – великое завоевание народа. // За коммунизм – 1977. – 28 июля

Архипов Д. Шёл 1919-й год // Знамя коммунизма. – 1959. – №23.

Архипов Д. Первая волостная партийная организация [машинопись] // Архив Струго-Красненского краеведческого музея.

Архипов Д. Текст выступления на торжественном собрании 23 февраля 1972 г. [машинопись] // Архив Струго-Красненского краеведческого музея.

Балагин В. Возьмите в руки революционную шашку и революционный маузер // Молодой Ленинец. – 1965. – №116.

Запись телепередачи, посвящённой 50-летию Октябрьской революции.

Первый слева – П.М. Щербо, второй – Д.С. Архипов. 1967 г.

Встреча ветеранов-коммунистов. Струги Красные, 1980-е гг.
Второй слева в первом ряду Д.С. Архипов.

Акатов Виктор Абрамович

Комиссары

Из истории становления советской власти на Псковщине

Многие говорят сердцу советского человека крепостные стены Пскова, Гдова, Порхова, Изборска. Они напоминают о ратной славе наших предков, доблестно сражавшихся с иноземными захватчиками. Всегда с волнением останавливаемся мы у обелисков, увенчанных пятиконечными звёздами. Это могилы воинов и партизан, павших в боях за честь и свободу Советской Родины в годы Великой Отечественной войны. Памятники боевой славы – вехи героической истории нашего народа. И среди многих из них есть на нашей земле особые памятники борцам за власть Советов. Вот посёлок на Ленинградском шоссе у поворота на Уторгош. Называется он Николаево.

Кто же такой этот Николаев? Почему и давно ли носит его имя посёлок? На эти вопросы отвечает справка Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства. Вот, что в ней сказано: **«Постановлением президиума Петроградского губисполкома от 6 апреля 1923 года Лудонская волость Лужского уезда была переименована в волость имени тов. Степанова (Степановскую волость), село Феофилова Пустынь Лудонской волости в село Николаево³⁶. Степанов Семён – бывший предволисполкома, член РКП, расстрелянный белогвардейцами в 1919 году. Николаев Николай – секретарь Лудонского волревкома, член РКП, расстрелян белыми в 1919 году».**

В документе, как мы видим, говорится когда и почему произведено памятное и почётное переименование. Но в нём нет подробностей о подвиге коммунистов, возглавлявших волость. Это интересно, особенно потому, что посёлок расположен на границе трёх областей – Псковской, Ленинградской и Новгородской, в местах бывших боёв. Конечно, можно снова обратиться к архивам, но о событиях 1919 года в наших местах записей мало. А быть может, сохранились живые свидетели и участники грозных событий?

Так начался поиск. Он был долгим и нелёгким. Население посёлка Николаево за 50 лет так изменилось, что живых свидетелей событий гражданской войны в нём не оказалось. Но вот из посёлка Пушкинские Горы первый председатель колхоза «Передовик» в Лудонях Дмитрий Васильевич Серебрянников и его супруга Полина Михайловна сообщили фамилии старожилов и активистов колхозной деревни. Потом из Ленинграда откликнулся секретарь первой комсомольской ячейки в посёлке Николаево, ныне полковник в отставке Василий Николаевич Яковлев.

Особенно активное участие в поиске принял колхозный пенсионер коммунист Павел Петрович Шиков. Поделится воспоминаниями старожил Фёдор Терентьевич Терехов. С помощью Шикова были найдены родственники погибших, а пенсионерка Анастасия Фёдоровна Фуфаева дала адрес дочери Николаева – Марии Николаевны Проворовой.

---

³⁶ В октябре 2002 г. селу было возвращено историческое название Феофилова Пустынь. (Прим. редактора).

Большую, трудную и замечательную жизнь прожил Николай Николаевич Николаев. Воспитывался он в детском доме, или, как тогда называли, а приюте. Говорить о жизни сироты в те далёкие времена вряд ли надо. А когда вырос парень, оказалось, что при бедняцкой малоземельности делать в деревне нечего. И пришлось ему, как и очень многим другим, искать счастье «в людях» – идти в город. В Питере было всякое. И подзатыльники мастеров; и подёнка за двугривенный, и безработица, и, наконец, трудная, но уже крепкая рабочая закалка на трубном заводе.

Когда Николаев вступил в партию большевиков, уточнить не удалось. Но известно, что произошло это до революции, и что была у него подпольная кличка «Сокол». В бурном 1905 году Николаеву было почти тридцать лет. Это уже не наивный деревенский парень, а зрелый пролетарий, готовый и к борьбе, и к подвигу. Первая империалистическая война одела его в серую шинель, но солдат знал истинных врагов трудящихся и потому стал участником Октябрьского переворота.

Его жена, Анна Евгеньевна, тоже была коммунисткой. После гибели мужа она до 1932 года находилась в деревне, работала в сельсовете.

Весной 1918 года Николаев, как и многие коммунисты революционного Петрограда, получил путёвку партии на работу в деревню. И, конечно же, он попросился в Лудони, где прошло его детство. Здесь он стал председателем Лудонского ревкома, комиссаром, как тогда звали представителей Советского государства. В конце 1918 года Николаев был избран секретарём Лудонского волостного исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов.

Тревожно было в тех местах в начале 1919 года. Страна боролась с врагами пролетарской революции. 5 мая 1919 года армия Юденича начала наступление из Эстонии. 13 мая белые прорвали фронт между Нарвой и Чудским озером. 14 мая они захватили Гдов, а 25-го пал Псков. Прорвав фронт, белые через Кингисепп устремились к Гатчине с намерением захватить Петроград.

«На Лужском и Псковском участках тем временем шли бои местного значения, принимавшие нередко упорный характер. Отдельные деревни по нескольку раз переходили из рук в руки». Это слова из книги по истории Ленинградского военного округа. Такой же упорный характер носили бои и под Стругами Красными. Станция переходила из рук в руки одиннадцать раз. Бои у деревень Лудони и Новоселье были ожесточёнными и длительными.

Лудонские комиссары оставались на месте до последней возможности. А когда стало ясно, что нужно уходить, Николаев положил в тарантас исполкомовские документы и поехал в Смольяники, где находилась его семья. Оставалось не больше километра, когда на дороге появились разведчики противника. И, быть может, сумел бы Николаев обмануть врагов и уйти. Но в телеге были обнаружены дела Лудонского исполкома.

Начался допрос. Как происходил этот разговор в лесу, неизвестно. Свидетелей нет. Чего стоило коммунисту выдержать «допрос», земляки увидели, лишь когда нашли его изуродованное, исполосованное ножами тело. Николай Николаевич Николаев пал жертвой злобной расправы контрреволюционеров.

Анна Евгеньевна, не зная ещё беды, шла в Лудони. Но была остановлена белогвардейцами. На обочине дороги она увидела знакомый жёлтый тарантас и узнала о гибели мужа. Вернувшись домой, женщина собрала своих детей, а их было пятеро, и увела всех в лес. На другой день белобандиты разгромили квартиру комиссара.

Это произошло весной 1919 года. А с 1923 года посёлок носит наименование – Николаево. Здесь коммунист Николаев по воли партии устанавливал Советскую власть. Тут он погиб смертью героя.

Какова же судьба семьи комиссара? Два сына – Владимир и Павел, оба ленинградские рабочие, погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Старший сын Константин тоже был ленинградским рабочим. Он умер в 1967 году. В 1954 году скончалась жена комиссара Анна Евгеньевна. Дочери Николая Николаевича – Александра, Мария и Лидия сейчас уже на пенсии.

Удивительно схожими с рассказанным о Николаеве были жизнь и подвиг другого Лудонского комиссара – Семёна Степановича Степанова, именем которого была названа Лудонская волость. Впрочем, волости давным-давно заменены сельскими Советами. То ли в связи с отменой волостного административного деления, то ли по другим причинам, где-то и когда-то было утрачено это название. Правда, память о комиссаре пытались сохранить. Долгое время местное почтовое отделение называлось Степановским. Но чья-то равнодушная рука отменила и это наименование, никому не передав почётной эстафеты. Теперь о первом председателе волисполкома тут ничто не напоминает. Это досадно. Но будем последовательны...

З.В. Степанова, племянница Семёна Степановича, работающая учительницей в Бороткинской школе Стругокрасненского района, сообщила адрес сына Семёна Степановича. Оказалось, что Александр Семёнович Степанов живёт в Стругах Красных и работает в совхозе. Он сообщил адреса своих сестёр. Валентина в Ленинграде, а Ольга в Архангельской области. Матрёна Сергеевна Степанова, жена погибшего, умерла в Ленинграде в 1942 году, во время блокады.

Маленькими были дети в 1919 году. События той поры и своего отца помнили плохо. Но рассказ матери им не забыть.

...Рядом с Лудонями стоит деревня Новоселье. В ней родился Семён Степанов. Три брата было в семье, а земли один надел – отцовский пай. И пришлось Семёну, как младшему из братьев, искать лучшей доли в городе. Постиг Семён в Питере мастерство сапожника, да ещё науку пролетария о том, что счастье рабочим и крестьянам не даст «ни бог, ни царь и не герой».

Когда пришли исторические события 1917 года, Семён Степанов был уже коммунистом-ленинцем. А когда октябрьским вихрем смахнуло и помещиков, и буржуев, волей партии, как и Николай Николаев, Степанов был послан в свою деревню укреплять Советскую власть.

Пригодилась Семёну Степанову питерская рабочая закалка: кулаки потеряли тут и власть, и землю, бедняки поверили в свои силы. И, несмотря на то, что со всех сторон на молодую республику лезли интервенты и белые бандиты, в деревнях Петроградской губернии новая власть крепла и уверенно наводила свои невиданные доселе порядки. Да иначе и быть не могло: ведь это была власть трудового народа.

В августе 1919 года Красная армия погнала белогвардейцев от Петрограда. Враги революции удирали по шоссе на Псков, чиня по пути разбои и погромы. 26 августа белобандитов выгнали из Пскова. А за пять дней до этого в Лудонской волости произошла трагедия. Внезапно в деревню Новоселье, стреляя, въехали серые броневики. Тут же появилась и пехота. Взвод красноармейцев отошёл по дороге на Хредино.

У дома Семёна Степановича стояла запряжённая в телегу лошадь. Если бы в запасе оставалось несколько минут, семья председателя волисполкома уехала бы. Но этих спасительных минут не оказалось. Отступать было поздно, прятаться негде.

Семён Степанович в короткие минуты оценил обстановку и принял решение. Он вышел из избы, спокойно распряг лошадь и повёл её за двор, через огород, к полю. Расчёт был простой: увидят и подумают, что он намерен пустить коня на траву. Офицеры, остановившиеся у чайной, даже не обратили внимания на мужика с лошадью. И ушёл бы Семён Степанович от белых. Но увидел его Дроздов, деревенский кулак. Поняв замысел комиссара, он закричал:

– Коммунист! Держите его!

Степанова арестовали. Спротивляться, бежать он не пытался. В любом случае это обрело бы семью на издевательство и гибель. Его увели в деревню Заборовье, где находился штаб белых. Арестованного избили. Потом его раздели до белья и со связанными руками вывели на усадьбу. Стреляли подло, в затылок, разрывными пулями...

У комиссаров растут счастливые внуки, наследники боевой славы советского народа. Память о комиссарах, участников борьбы за становление Советской власти на Псковщине, никогда не померкнет. В именах героев звучит наша боевая и героическая история, которую забывать нельзя.

(Текст печатается по: Акатов В. Комиссары // Псковская Правда. – 1970. – №160).

Волков Василий Григорьевич

Эстафета поколений

В первые месяцы 1918 года в Соседненской волости были созданы волостной исполком и военный комиссариат во главе с военкомом. При нём был небольшой отряд вооружённых бойцов. К тому времени образуются и комитеты деревенской бедноты. В их функции входило выявление голодающих и составление списков на выдачу им хлебных пайков, изъятие скота для нужд Красной армии за определённую плату. Изъятия производились, как правило, от зажиточных и кулацких хозяйств. Комитеты стояли на страже интересов беднейших крестьян.

В период между 1918 и 1919 годами волисполкомы преобразовываются в волостные ревкомы. Это вызывалось надвигающейся угрозой со стороны белогвардейских банд генерала Юденича.

Первыми руководителями волисполкома и ревкома у нас были учитель Ф.Ф. Сабуров, Н.Т. Малков, военком И.И. Упит, А.И. Калев. Автор этих строк работал в то время председателем волисполкома. Натиск белогвардейщины на первых порах вынудил нас эвакуироваться на станцию Дно. Но как только Красная армия оттесняла белогвардейцев на 20-30 километров, местные органы Советской власти возвращались к выполнению своих обязанностей. К сентябрю 1919 года белогвардейщина изгоняется окончательно из наших краёв. Это борьба была трудной. Она стоила жизни многим сельским революционерам.

В июле 1919 года бандиты Булак-Балаховича схватили милиционера волисполкома Ю.А. Лиллак. Они требовали от Югана Александровича список местных коммунистов. Он категорически отказался назвать кого-либо. Невдалеке от дер. Портно его расстреляли. Погибли от руки белогвардейцев коммунисты братья Степановы. В память о них сельский Совет, объединяющий деревни Кубасово, Камень, Духовщина и другие, был назван Степановским.

Кулацкие и купеческие сынки переметнулись в белогвардейскую армию Юденича. Многие из них там и нашли свою могилу. Появились в наших местах дезертиры разных мастей и оттенков. Всевозможные неустойчивые элементы, они мешали в работе местных Советов. На нас возложили задачу: выявлять и вылавливать дезертиров. При волисполкоме создали специальный небольшой отряд для этой цели. В него входили такие отважные люди, как Е.В. Васильев, П.В. Бойков, И.Н. Никифоров, И.С. Васильев. Только по нашему обращению 20 человек добровольно вышли из своих убежищ. Легко сказать: были взяты. Оказывалось вооружённое сопротивление. Но это не останавливало нас. Действовали решительно до тех пор, пока последний из дезертиров не поднял руки вверх.

Сила местных Советов тех революционных лет состояла в том, что они опирались на беднейшее крестьянство, на всех обездоленных. Народ поддерживал нас и помогал нам. Из своих скудных запасов люди выделяли продовольствие для Красной армии, для городских рабочих и их семей.

Коммунистов на селе тогда насчитывалось немного. Но каждый из них отличался стойкостью, беззаветной преданностью делу партии Ленина. Местные большевики в своей работе опирались на сочувствующих и комсомольцев. Вместе решали боевые задачи строительства Советской Республики.

В последующие годы, пройдя горнило гражданской войны, местные активисты с не меньшим энтузиазмом участвовали в мирном строительстве, в решении экономических задач на селе. В годы коллективизации они всегда были на переднем крае классовой борьбы, строили колхозы. И в числе их – наш колхоз «Путеводитель».

Когда наступил грозный 1941 год, люди наши грудью встали на защиту Родины. В огненные годы Великой Отечественной войны смертью храбрых погибли 98 тружеников сельхозартели «Путеводитель». Нашему земляку М.И. Овсянкину было присвоено звание Героя Советского Союза. Многие награждены орденами и медалями. Эти дети ветеранов, тех, кто строил Советскую власть. Так продолжается эстафета поколений.

(Текст печатается по: Волков В. Эстафета поколений // За коммунизм. – 1967. – №40).

Яковлев Василий Николаевич

Я Ленину обязан

В Стругокрасненском районе, конечно, многие знают село Николаево. Не всем, однако, известно, что до революции это село называлось Феофилова Пустынь, что были в нём детский приют, церковь, свои жандармы и свой становой пристав, но мало было у здешних крестьян пашни и своего хлеба хватало в лучшем случае «до Пасхи» – то есть до весны, чаще всего «до Рождества», которое отмечалось в декабре. Приходилось, чтобы прожить, местным жителям искать дополнительные заработки либо здесь же, на изнурительных заготовках дров, корчевании пней для смолокурения, либо в расположенном неподалёку Петрограде.

В такой вот семье, которой своего хлеба и до Рождества не хватало, родился и я. Первые детские воспоминания и связаны с тем, как отец каждую зиму то уезжал в Петроград и работал там сторожем либо дворником, то уходил на лесозаготовки, а старшая сестра в том же Петрограде нянчила чьих-то детей.

Конечно, старались родители хоть кого-то «вывести в люди», поэтому мне, самому младшему в семье, была дана возможность окончить церковно-приходскую школу. Но началась Первая Мировая война, старшего брата забрали туда, и я с 1915 года 12-летним парнишкой стал единственным помощником отца: пахал, бороновал, сеял, косил и сушил сено, ходил на лесные заработки.

Воспоминания о тех временах у меня расплывчатые. Сборный пункт мобилизованных на войну в августе 1914 года, женский плач. Продолжается мобилизация, мужчин почти не осталось. Голод. Зимой 1917 года к нам в дом зашли несколько солдат с красными бантами на шинелях, а вернулись с пашками и револьверами жандармов и полицейских, которых они разоружили, попросили отца довезти их до соседней деревни Пахонь.

Не сразу дошли до нас и преобразования, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией. Голодовали и нищенствовали по-прежнему. Через наше село шли на Петроград белогвардейские войска Юденича, совершали налёты на деревни банды Булак-Балаховича. Они же удирали по тем же самым дорогам, а преследовавшие их бойцы Красной армии квартировали и у нас, делились с нами, голодными ребятами, своим скудным пайком. Много было разговоров после гибели большевика Н.Н. Николаева, в честь которого Феофилова Пустынь была впоследствии переименована в Николаево. Однако, подробностей тех событий не знаю и не помню.

Постепенно укреплялась Советская власть, проникали в деревню новые веяния, отвергались устаревшие понятия и представления. Я, например, хорошо пел и – было дело – участвовал в церковном хоре. А тут – отказался. Зато изучил и охотно исполнял такие песни, как «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные веют над нами» и другие. В селе появился партийный и советский актив. Активно работали в Лудонской партячейке В.Н. Антонов, проживавший в селе Павы, И.А. Дмитриев, много лет проработавший в советских органах Стругокрасненского района,

моя сестра А.Н. Яковлева, занимавшаяся ликвидацией безграмотности и организацией культпросветработы, воспитанник детского приюта Д.В. Серебрянников, последнее время (он умер в 1973 году) работавший в Пушкиногорском районе секретарём РК КПСС и председателем колхоза.

В начале 20-х годов в нашем селе образовался и молодёжный актив. В порядке смычки города с деревней в Лудонской волости появились шефы из Ленинграда (тогда ещё Петрограда): с фарфорового завода имени Ломоносова и от военной Академии. Они в первую очередь стали налаживать культурно-массовую работу и антирелигиозную пропаганду. Под их руководством создали драмкружок. С завидной энергией наши парни и девушки начали изучать основы актёрской игры, заучивать роли. Советских пьес было мало, ставили мы «На бойком месте» и «Не всё коту масленица» А.Н. Островского, шла сатирическая комедия «Мужичок», направленная против спекулянтства, была в программе даже пьеса о пользе правильных севооборотов. Спектакли ставили в помещении бывшего детского приюта³⁷; костюмы, декорации, занавес – всё своё.

Главной своей целью мы считали покончить с бескультурьем, отвлечь односельчан от церкви, от пьянства. И наши выступления шли с огромным успехом; выезжали мы в соседние Лудони, Новоселье, Сegliцы и другие деревни. Запомнился концерт, который мы ставили на праздновании VII-й годовщины Октябрьской социалистической революции. Присутствовавшие при этом шефы пригласили нас к себе, и мы выступали в Ленинграде. Играли неважно, очень волновались, но полный зал доброжелательных зрителей дружно и шумно аплодировал.

Всё это, конечно, не проходило бесследно. Осенью 1923 года в Николаеве была создана – конечно, с помощью партийцев и ленинградских шефов – первая комсомольская ячейка. Её секретарём избрали меня. Всех моих ровесников-односельчан, первых комсомольцев я, к сожалению, не помню, но в их числе были: Константин Дмитриев, Любовь Павлова, Анна Баранова, Иван Григорьев, Константин Николаев (сын погибшего большевика Н.Н. Николаева), Вера Антонова.

Сохранился в памяти январь 1924 года. Тяжкое впечатление произвела на нас, на всё село весть о кончине В.И. Ленина. Много людей собралось тогда, сидели они какие-то притихшие, придавленные, понимая, что произошло что-то серьёзное, печальное – авторитет Владимира Ильича в деревне к тому времени был достаточно высок.

В феврале 1925 года, уже как допризывник, я проходил военные сборы. С этого и началась моя служба в Советской армии, которой я отдал 30 лет. В 1955 году уволен в запас в звании подполковника. Имею правительственные награды, из которых мне особо дорог орден Ленина.

С этим именем связана моя личная судьба, как и судьбы всего советского крестьянства. Он – Ленин – не только указал крестьянам и всему нашему народу путь к счастливой жизни, он вёл их, пока мог, по этому пути, он основал великое и могучее Советское государство. Я горжусь тем, что

---

³⁷ До 1918 г. в с. Феофилова Пустынь располагался детский приют для детей прокажённых. К 1918 г. он располагался на ст. Плюсса.

вместе с Ленинской партией, в которой состою с 1926 года, прошёл нелёгкий путь через трудные послереволюционные годы, становление и укрепление Советской власти, через тяжкие испытания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и всегда старался честно выполнять порученное мне дело.

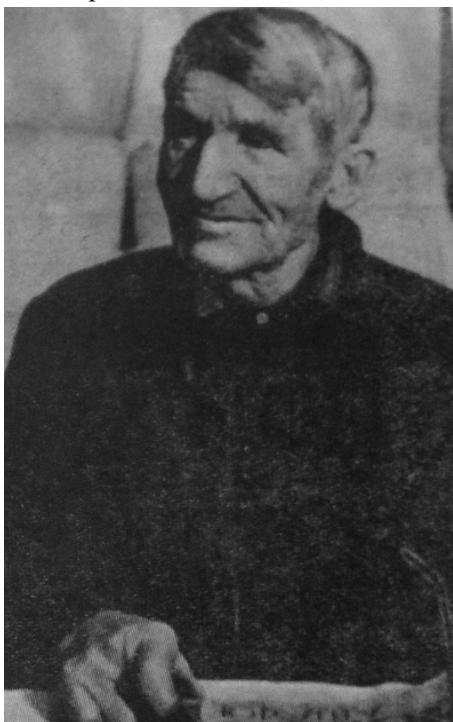
(Текст печатается по: Яковлев В. Я Ленину обязан // За коммунизм. – 1977. – №93).

В. Смирнов

Он охранял Смольный

1918 год. Крестьянского парня призвали в молодую Красную армию. Вместе с односельчанами Иваном Платоновым и Степаном Яковлевым Алексей Иванович Мелюхов был зачислен в команду по охране В.И. Ленина в Смольном.

– Жили на первом этаже, – вспоминает Алексей Иванович. – время было тяжёлое. Шинель дали, а обувь вначале у меня была своя, домашняя. Караульная служба – ответственное дело. На какой пост начальник караула пошлёт, туда и идёшь. Был на посту в полуподвальном помещении с пулемётом, стоял и на первом этаже с винтовкой. И вот здесь-то мне и посчастливилось видеть вождя революции.

Алексей Иванович рассказывает, как он ездил в Таврический дворец, в Народный дом, на Дворцовую площадь.

– Задача была одна – охрана Ленина. Владимира Ильича я запомнил таким, каким его описывают в книгах.

– Осенью 1919 года полк перевели в Москву. Там мы вели борьбу со спекулянтами, охраняли пленных белогвардейцев. В 1922 году демобилизовался, приехал домой и занялся сельским хозяйством.

1930 год. В числе первых односельчан тов. Мелюхов вступил в колхоз. Как в армии, так и в колхозе был рядовым. Работал, видимо, неплохо, потому, что в 1934 году он и А. Варганов были направлены в Ленинград на похороны С.М. Кирова.

1941 год. Война. Алексею Ивановичу и Ф. Сысоеву поручили гнать колхозных свиней в Лугу. Задание было выполнено. Домой пришлось возвращаться через линию фронта. И хотя в период оккупации он не брал в руки оружия, но содействовал разгрому врага. В 1942–43 годах

тов. Мелюхов был проводником партизан.

1944 год. Советские войска освободили от гитлеровцев Стругокрасненский район. Алексея Ивановича призвали в Красную армию и направили на фронт под Нарву. В одном из боёв он попал под пулемётную очередь – перебило ноги. Полгода пролежал в госпитале. Затем снова фронтовая дорога – Тарту, Таллин, остров Эзель... День Победы рядовой Мелюхов встретил в Латвии. В августе 1945 года он демобилизовался. К семье приехал с тремя боевыми медалями.

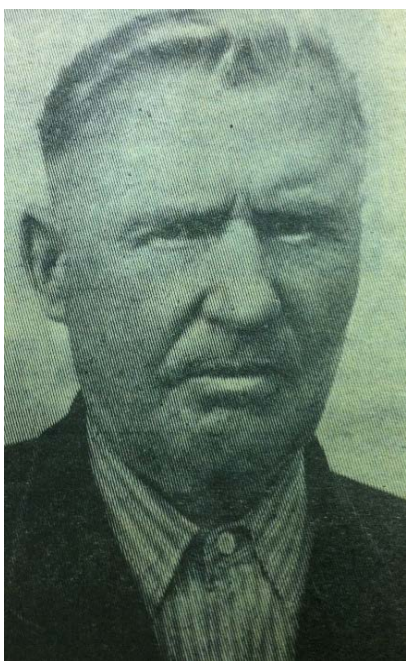
1966 год. Алексей Иванович – пенсионер. Но он по-прежнему в строю. Каждый день ветеран труда идёт на колхозный коровник и выполняет работу скотника...

Длинную жизнь прожил Алексей Иванович. И при случае он всегда выразит радость, что ему пришлось видеть Ленина.

(Текст печатается по: Смирнов В. Он охранял Смольный // За коммунизм. – 1966. – №154).

Ветеран

Наиболее трудная доля в дореволюционной России выпадала на ту крестьянскую семью, где нет кормильца – одна женщина с детьми мал мала меньше. В такой семье и воспитывался Миша. Как старшему из детей, ему пришлось передумать очень многое.

Пареньку исполнилось 16 лет. Вот тогда-то он и сказал матери:

– Надо идти в заработки, мама.

Так началась трудовая биография Михаила Веселова. Началась она в Питере, на заводе. О тех годах Михаил Петрович вспоминает так, как будто это было совсем недавно – так свежи в памяти эти незабываемые годы.

– Первые массовые выступления рабочих, первые маёвки явились моей революционной школой, – рассказывает М.П. Веселов. – Мне приходилось выполнять в то время разные, казалось бы, незначительные поручения старших товарищей – в роли связного, посыльного. Когда повзрослел, стал получать задания более серьёзные. Среди рабочих нашего

завода «Айваз» начали сбор средств на издание большевистской газеты «Правда». Работу эту приходилось вести конспиративно. Собирали деньги тайком, чтобы не заметили представители администрации завода.

Апрель 1917 года – одна из памятных дат в жизни Михаила Петровича. Именно тогда в большевистский комитет Питера молодой рабочий написал заявление: прошу принять меня в партию большевиков. Он получает билет, становится членом той ленинской гвардии, под руководством которой совершилась Великая Октябрьская революция.

А предшествовала этому незабываемая встреча. В тот памятный день 3 апреля 1917 года М.П. Веселову довелось слышать выступление В.И. Ленина. С броневика у Финляндского вокзала Владимир Ильич обратился с краткой речью к петроградским рабочим и солдатам. Свою речь Ленин закончил лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!»

Речь Владимира Ильича на всех, в том числе и на Михаила Петровича, произвела очень сильное впечатление. Он говорил уверенно, спокойно. Его пламенные слова зажигали сердца рабочих, солдат и матросов. Подъём был огромный. Петроградские рабочие и солдаты встретили В.И. Ленина как подлинного вождя революции.

Штурм Зимнего. Поворотный пункт в ходе революции. Об этом событии Михаил Петрович рассказывает оживлённо, вспоминает своих боевых товарищей по большевистской партии.

– По распоряжению Петроградского ревкома часть вооружённых рабочих была направлена на охрану Смольного – штаба революции. Другие получили боевое задание – штурмовать Зимний дворец, где засело Временное правительство министров-капиталистов. Мне выпало счастье

участвовать в этом историческом штурме. Вместе с революционными солдатами и матросами наши рабочие пошли в атаку, смяли юнкеров, последний оплот царизма.

В памяти ветерана всегда будут те дни, когда в 1917 году открылся Второй съезд Советов. Там он во второй раз слушал пламенные призывные слова В.И. Ленина о задачах Советской власти. Приветствия, аплодисменты, возгласы «Да здравствует Ленин!» долго не давали Ильичу возможности выступать. На съезде приняли первые декреты о передаче земли, всего достояния страны народу и о заключении мира. Вместе с другими участниками исторического съезда Михаил Петрович голосовал за эту программу становления молодой Советской республики.

Много раз Веселову приходилось ещё слышать голос любимого вождя и на заседаниях Петроградского Совета, где он был депутатом. Последний раз он слышал Ленина на VII съезде партии в марте 1918 года.

Грозные годы гражданской войны. Михаил Веселов с оружием в руках защищает страну Советов. После демобилизации из армии возвращается коммунист в деревню. И тут ему находится много неотложных дел. Крестьяне избирают Михаила Петровича председателем местного Совета. Под его руководством люди строят новую жизнь, создаются первые колхозы.

И вот теперь, в эти дни мы повстречались с Михаилом Петровичем. Седина легла на его виски. Да и лет уже немало старейшему коммунисту. Но в глазах всё тот же живой огонёк. Давно уже человек на пенсии. Но он не сидит дома сложа руки. Большую общественную работу ведёт Михаил Петрович.

В посёлок Новоселье мы приехали 10 мая. Тут шла выездная сессия районного суда. Среди народных заседателей – М.П. Веселов. Но это не единственное общественное поручение. Он возглавляет Новосельскую парторганизацию, он же командир народной дружины.

В 1967 г. в жизни М.П. Веселова была знаменательная дата. Исполнилось 50 лет его пребывания в рядах Коммунистической партии Советского Союза. Его жизненный путь – прекрасный пример для нашего молодого поколения.

(Текст печатается по: Рудзинский А. Ветеран // За коммунизм. – 1967. – №59; Веселов М. Незабываемые встречи // Колхозная стройка. – 1958. – №48)

Как вкусен был гороховый суп, что вынула Федосья Прохоровна из печи! И ржаные пироги с творогом, и чай с медом!

– С чаем-сахаром у нас, как и в Петрограде, плохо, – рассказывал Матвей, изредка морщась и поправляя повязку на левой руке. – Мы яблоки сушим да завариваем. А мёд я у брата Геннадия сменял. Отдал ему винтовку, привезённую с фронта. На что ему оружие? Да как вам сказать... Они, хуторяне, опасаются, что ли. Всё-таки хозяйства у них крепкие...

– Руку вам ещё на фронте повредили, Матвей?.. Простите, не помню вашего отчества.

– Григорьевич. Да зовите меня по-прежнему Матвеем. Нет, не на фронте. Там, помните, я с четырнадцатого года воевал, ни разу не был ранен, а здесь такое случилось. Помещиков мы с месяц назад разоряли. Кое-кто из них добром всё отдал, а один такой заядлый, – Карамышев, полковник бывший, не захотел по-хорошему. Поджёг усадьбу, а сам на коня и ходу. Пожар потушили, а мы – трое из кавалеристов взяли с конюшни других его лошадей и в догон! И было настигли, да он стал отстреливаться, руку мне пропорол. Крови я много потерял, да и лошадей мы пожалели, долго ли загнать? Словом, ушел Карамышев. Чёрт с ним! Не он нам был нужен, а конь его – стрелецкой породы, светло-серый, резвый – не приведи бог! На племя бы его!.. Тогда мне комитет бедноты присудил лошадь, на которой я за помещиком гнался. Тоже добрый конь – орловский рысак чистых кровей. От производителя с завода вашего покойного батюшки Николая Петровича. В хозяйстве рысак нужнее, это точно. Но уж очень хорош был тот, стрелецкий. Всё бы за него отдал! Вы, как сами кавалерист, понимаете...

Но и рысаком своим Матвей, видимо, гордился. Наутро, оставив жену угощать гостей, долго возился на конюшне и вывел коня начищенного, с заплетённой в мелкие косички гривой на правую сторону – как рысакам полагается, в парадной уздечке, тоже, видно, с помещичьей конюшни.

Николай Николаевич, увидя в окно Матвея с лошадыю, поспешно встал из-за стола, поблагодарил хозяйку. Накинул шинель, вышел во двор. Встал вслед за ним и Борис, украдкой вздохнув: жена Матвея вынимала из печи сковородку с яичницей...

Матвей держал рослого вороного рысака, как бывало в кирасирском полку на выводке: поставил ровно, поднял голову.

Еранцев осмотрел лошадь внимательно, строго, придирчиво, точно в строй принимал. Экстерьер одобрил.

– Наверное, от Палаша? Угадал? Ну, как же, сразу видно. Ведь от Ландыша и Похвальной, а она правнучка самого Варвара. Смотрите, даже на лбу пробель, почти звездочка. Только «серебра» не видно...

– И сединка имеется, – счастливо улыбнулся Матвей. Ему было приятно внимание, с каким Еранцев – знаток лошадей – осматривал его рысака. – В пахах взгляните, Николай Николаевич.

Несколько седых волос в шерсти лошади ещё нельзя называть «графским серебром», но Еранцев, посмотрев, утвердительно кивнул головой. Любовно провел по спине, крупу, скользнул рукой вниз и, вдруг, ловко и привычно схватил за бабку, вытянул заднюю ногу лошади, положил её копыто на свое колено, осмотрел ковку, расчистку.

Огромный жеребец покосился недовольно и строго, но стоял спокойно. Чувствовал умелую и добрую руку.

Только о возрасте лошади ни слова не было сказано. Рысак был довольно старый. Еранцев сразу это увидел по глубоким впадинам над глазами, но промолчал. Матвей понимал, что гость не говорит об этом из деликатности.

Они вспомнили полк, где когда-то служили. Немного поспорили, припоминая, под чьим седлом ходила лошадь, о которой говорили.

Как большинство кавалеристов, они лучше помнили лошадей, а не всадников.

И хотя спорили они чисто по-русски – не слушая один другого, но вернулись домой к остывшей яичнице оживлённые, довольные, как бы побывавшие в далекой уже молодости.

Возраст – понятие относительное. Еранцеву было сорок два года. Матвею и того меньше – тридцать восемь. Но четыре года войны процарапали у него на висках, у светлых глаз, сетку морщинок, а у Николая Николаевича побелели виски и вплели седые нити в небольшие тёмные усы и квадратную раздвоенную бородку.

Позавтракав, мужчины побрились, почистили сапоги. Пошли в церковь. Прихватили с собой и Бориса с Васькой.

Когда выходили, Васька незаметно для других сунул Борису в карман небольшую гирьку на короткой веревке.

– У нас без них в церкву не ходят, – жарко шептал он на ухо Борису, – беспрерывно сегодня будет драка. О Рождестве двоих убили да поранили человек десять. И в Крещение одному голову проломил гирькой. Тоже, наверное, помрёт, до сих пор мается.

Ещё не отошла церковная служба, а на мосту через замёрзшую речку Курею стали собираться мужчины, всё больше в солдатских шинелях. Многие с «Георгиями», с медалями. Они стояли кучками, курили, угощая друг друга махоркой. Говорили о войне. О Брестском мире – не сговорились там наши с немцами. Слух есть – наступают германцы. Сюда бы не дошли!

Напрасно сновали между взрослыми ребятами – и свои, деревенские, и хуторские. Задирали чужих, дразнили. На них никто не обращал внимания.

Горластый парнишка из хуторских уже не раз начинал запевать самые обидные частушки:

Как Мерёво-то деревня –
Десять сажень поперек!
Кабы было три копейки,
Всю деревню бы пожёт!

И мерёвские ребята не молчали. Собрались кучкой вокруг Васьки – хорошо его знали: парень смелый и кулаки крепкие, даром что стал городским. Хором пропели вдохновенную импровизацию:

Хуторяне цепом машут,
А крестьяне землю пашут.
– Васька с Петькой, не робейте –
Хуторянам морду бейте!

И с визгом бросились на хуторских, на ходу обстреливая их снежками... Но и они не смогли привлечь внимания взрослых, занятых какими-то скучными спорами.

Задолго до конца обедни вышли из церкви и Матвей с Еранцевым.

– Подождем, Николай Николаевич. Братец Геннадий, пока поп рясы не снимет, из церкви не выйдет – хоть пожар!.. Не то что мы с вами: к «Иже херувимы» пришли, а как «Отче наш» пропели – обратно...

– Хватит, – улыбнулся Еранцев, – важно традицию соблюсти. И я не заметил, чтобы вы, Матвей, очень усердно молились.

– Сами знаете, Николай Николаевич, что на войне кто в бога начинает верить, а кто перестает. Я так считаю, попы сами способствуют, что верующих мало остаётся. У нас в полку батюшка каждому пополнению речь произносил. Вот, дескать, какое вам счастье привалило: попали служить в первую гвардейскую кавалерийскую дивизию. В других, случается, убитых бросают на поле сражения, а у нас этого не бывает – всех зарывают, хоть старых солдат спросите. Так что можете быть благонадёжны: придёт срок, каждого из вас отпою, как положено по православной религии... Многие новобранцы, а то и бывалые, прямо-таки расстраивались от такой речи... И ещё требовал, чтобы солдаты в походную церковь ходили в строю, в ногу! А вахмистр у нас был такая шкура! Даже на паперти ногу подсчитывал. Кричит, бывало: «А ну, подтянись, такие-сякие! Батюшка на вас жалуется: не благолепно в церкву ходите! Так я вас научу, как молиться надо: крепче ногу, мать вашу перемать!» Пристрелили мы его сразу после Февральской...

Матвей и Еранцев засмеялись и пошли по улице. Оба рослые, широкоплечие. Солдатские шинели туго перетянуты в талии ремнями, шагают широко, ровно. И в ногу, конечно.

Вчера вечером, подумав, Матвей посоветовал обменять привезённые вещи у хуторян. В деревне были, конечно, и сметана, и картошка. А у хуторян можно и свининой раздобыться и гусями.

Геннадий Григорьевич оказался мало похожим на худощавого, белокурого Матвея. Небольшого роста, коренастый, с серьёзным темнобородым, очень белым лицом, он казался старше своих лет. Говорил не спеша. Младшего брата слушал недоверчиво, на петроградцев смотрел с обидным равнодушием.

Только узнав, что приезжий – бывший генерал, он немного оживился. Сказал, что сейчас подойдут сыновья – с краями своими прощаются, тогда поедем. У него сани парой, все поместятся.

Сани оказались действительно широкие, покрытые ковром. Лошади рослые, сытые, даже закормленные: коренник гнедой с лысиной, пристяжная вороненькая, все четыре ноги в белых чулках – точно снегом запорошены. И сбруя нарядная, новенькая: с медными бляхами, ременными кистями. Поместились и верно все: Геннадий Григорьевич, его супруга – толстая и молчаливая, два сына – очень похожие на отца, Еранцев.

Увязался и Васька. Встал на полозья за спинкой саней.

Бориса оставили в Мерёве. Он охотно согласился. В душе надеялся, что драка всё же состоится.

Дорога на хутор шла вокруг большого, заметённого снегом озера, потом высоким, чистым сосновым бором. Следом пошёл молодой, видно, сажёный ельник, совсем придавленный

огромными шапками снега. Когда лес кончился, открылись среди белых холмов усадьбы, все, как одна, крытые железом, с хорошими оградами, высокими воротами.

– Хутора, – показал Геннадий Григорьевич. – С десятого года на отруба пошли. Ничего, не жалуемся. Даже косятся на нас там, в деревне, завидуют. А мы не воровали. Сами всё наживали. Нет, что ни говори, Пётр Аркадьевич был мужчина с умом! Как вы полагаете, ваше превосходительство?

– Не зовите меня так, – поморщился Еранцев. Он не сразу и сообразил, кто такой Пётр Аркадьевич.

– Да вы не бойтесь, люди свои!.. Как мой братец у вас служил. А я, извольте видеть, фельдфебелем был в сто сорок восьмом Каспийском пехотном полку. В Петергофе стоял, помните? Ея императорское высочество великая княжна Анастасия Николаевна шефом была, хотя полк наш и не гвардейский.

– Мне нечего бояться. В жандармах я не служил. Погоны свои кровью заработал на фронте. Но теперь их сняли, упразднили, так не стоит и вспоминать.

– А наган-то, наверное, не продали? Я бы купил.

– Нет, уже продал.

– Дорого взяли?

– Не помню. Кажется, за пять фунтов пшена.

– Продешевили. Мы тут за каждый патрончик по куриному яичку даём. А у вас их, поди, была двадцать одна штучка – полный боевой комплект... Жаль, жаль.

Солнце стояло уже высоко, багровое, какое-то лохматое. На поворотах пел на разные голоса снег под подрезами.

Сено под ногами в санях пахло летом, покоем, тишиной.

Не хотелось говорить. Вот так бы всё ехать по заснувшему зимнему лесу на паре бойких лошадок. Не думать о проигранной войне, о нелепом поведении в Бресте фразёра Троцкого, о том, что дома ждёт голодная жена и как бы побольше выторговать у этого угрюмого хуторянина. Ни о чём не думать! Только: лес, сани, снег...

Борис недолго катался на санках с горы. Надоело, не маленький. Пошёл с новым приятелем Петькой на мост, не дерутся ли?

Ему представлялось, что будет, как в «Песне о купце Калашникове» или даже как у древнеримских гладиаторов в цирке.

Скоро он понял, что наблюдать за такими зрелищами, спустившись, так сказать, на арену цирка, – занятие довольно опасное. Его полушубок привлёк внимание мальчишек. Потеряв надежду раздражить взрослых, они с тем большим рвением налетели на приезжего, незнакомого парнишку. К новому человеку псковские хуторяне всегда относились недоверчиво и недоброжелательно, а этот был не только ненавистный «городской», но ещё и явный «буржуй»: белолицый, как девка.

Мальчишки не унимались: смеялись в лицо, говорили обидные вещи.

Один дёрнул – оторвал от башлыка кисточку. Борис ударил его по руке – сдержанностью не отличался, корпусное прозвище было «петушиное сердце». Хуторские тут же сбили его с ног, наподдавали валенками – не так больно, как оскорбительно. Чуть не плача от досады и унижения, Борис выкарабкался из сугроба, куда его впихнули. Опять повалили, стали сгребать на него снег.

Окостенев от злости, ударил головой в живот одного из обидчиков, вскочил на ноги, вспомнил про гирьку, Его били кулаками по спине, по голове, а он, прикрываясь локтем, судорожно шарил в кармане, набитом снегом.

Вот она! Хлестнул гирькой прямо в лицо ближайшему и опрометью бросился бежать под крики: «Убил! Убил!»

Он не видел, как поднялся «убитый» и плача стал прикладывать снег к разбитым губам, как налетели мерёвские ребята – вражеская кровь всегда воодушевляет подлинных воинов, как побежали в панике хуторские...

Тем временем и на мосту назревала серьёзная ссора. Кто-то рассказал, что священник после обедни, услышав о наступлении немцев, широко перекрестился и громогласно заявил: «Слава тебе, господи, услышал наши молитвы!» Бывшие фронтовики остановили его на улице. Поп испугался, стал оправдываться. Кто-то за него заступился, – кто-то кого-то толкнул. Когда мальчишка с разбитым гирькой лицом прибежал к мосту, хуторские уже разогнали деревенских – тех было меньше – и жаждали новых подвигов. Ругаясь и угрожая, пошли к дому Штыкова, потребовали «городского в чёрном полушубке».

Матвей вышел, стал уговаривать не хулиганить. Ведь хуторские ребята напали первыми. Один из парней попытался схватить Матвея за горло, но тут же отлетел в сторону. Подбежало несколько деревенских, помогли отогнать хуторян. Скоро на мосту и по всей улице шла уже свирепая потасовка. Звенели разбитые стёкла в окнах, в ответ хозяева выскакивали с кольями. Замелькали и финки. Не обошелся бы и этот престольный праздник без человеческих жертв, если бы не показались на улице подводы с сидящими на них вооружёнными людьми в штатском. Виднелось среди них и несколько матросов. Подводы остановились посреди деревни, приезжие поднялись, начали стучать застывшими ногами – в городских ботиночках и галошах...

Хутор старшего брата оказался больше похожим на помещичью усадьбу. За отличным забором из металлической сетки из-под снега темнели ровно подстриженные кусты акации, скамейка, круглый стол, большие стеклянные шары на палках. Дом, обитый тёсом, выкрашен ярью-медянккой, наличники – белые. На веранде цветные стёкла: жёлтые, синие, фиолетовые. Огромный лохматый пёс бросился навстречу, заскрипела цепь на толстой проволоке. Две другие собаки – поменьше запрыгали вокруг саней, оглушительно лая.

Внутри дома, как обычно, огромная русская печь. Вдоль стен лавки. На стенах портреты хозяина и его жены, множество открыток на проволочных подвесках-веерах. Среди них: Николай второй, его семья, наследник в солдатской форме, пожар Реймского собора, генерал Жоффри³⁸.

На почётном месте на гвоздике висят серебряные карманные часы с надписью: «За отличную стрельбу».

Рядом с комодом, на котором и вазочки, и раскрашенная гипсовая кошка-копилка, и засиненные анилином метёлки камыша, – великолепная старинная горка красного дерева с фарфором. Ого! – Гарднер, Сипягин, Кузнецов!.. А эта ампирная чашка, наверное, гулинская, редчайшая...

---

³⁸ Генерал Жоффри Жозеф – главнокомандующий французской армией в 1914–1916 гг. (Прим. автора).

– Из усадьбы господина Карамышева вывез, – усмехнулся хозяин, поймав взгляд гостя. – Пока братец Матвей скачки устраивал, мы всё любовно разделили. Мне наши мужички и рояль предлагали, да куда его, места много занимает.

Геннадий Григорьевич не хотел и слышать о делах, пока гость с ними не пообедает. Обед был праздничный, обильный.

Самогон хоть и противно пахивал горелым, но пить его было можно. Отвыкнув от спиртного, Николай Николаевич быстро захмелел. А хозяин всё подливал и подливал. И сам пил много, только шея краснела. Сыновьям разрешил выпить лишь по стакану: «Хватит, молоды ещё». Парни молчали, видно, побаивались отца.

За столом Геннадий Григорьевич опять вернулся к занимавшей его теме – столыпинской реформе. Оказалось, что он хорошо знал и эсеровскую земельную программу, и прусскую организацию сельского хозяйства, и американское фермерство.

Многое он в них одобрял, но всё же находил, что Столыпин всех умнее был.

– У него, у Петра Аркадьевича, расчёт был тонкий! Там, где он хутора да отруба создал, там крестьянство зажиточное и довольное. Чего мне ещё надо, ежели у меня коров – четыре, лошадей – шесть. Начни он свою реформу лет на десять раньше, никакой бы революции в России не было.

– Но вы забываете, что нельзя всех на хутора выделить. Те, что остались в Мерёве, ваш брат, например, из-за этих хуторов совершенно разорились. Почему Матвей из деревни ушёл?

– Лодырь, потому и ушёл!

– Ну, я что-то не замечал этого за Матвеем.

– А я вам говорю – лодырь! Все они там в Мерёве лодыри! Комитет бедноты! Землю поделить. Подавятся!

Немного успокоившись, Геннадий Григорьевич стал опять расспрашивать: нет ли у Еранцева в Петрограде оружия? Ведь дивизией командовал, мог запасти. Он бы в Питер съездил...

– Да зачем вам оружие, Геннадий Григорьевич?

– Оно всегда пригодится. Ещё как дела повернутся – неизвестно. Вот во Пскове полковник Булак-Балахович отряд формирует. У него без баловства, даже погоны носят. Думаю, Саньку к нему послать... Почему бы и вам тоже не поехать, а? Саночки запряжём, да по морозцу – эх-х! Как рванём! Завтра будем во Пскове, к утру. Конечно, может, вам обидно, что вы – генерал, а он только полковник. Но он – герой! Я его видел. Он генерала Корнилова придерживается, того, что на Дону...

Совсем опьянев, Геннадий вытащил большой граммофон с ярко раскрашенной трубой, скомандовал безгласной жене: давай любимую. Вальцева запела: «Гайда, тройка, снег пушистый!»

– Верно, что певица в Петербурге швабры продавала?

– Может быть, поговорим о деле, Геннадий Григорьевич?

– Нет уж, погодите малость... Я вам ещё одну пластиночку... Пошатываясь, встал, завёл граммофон, оттолкнул жену. Долго рылся в пластинках, нашёл, поставил:

– Вот она!

Хор Мариинского театра грянул: «Боже, царя храни!»

– Что ёжится, ваше превосходительство? – пьяно хихикал Геннадий. – Ни в жисть не поверю, что не нравится! Опасаетесь, это мне понятно. А разве плохо поют? Слушайте, как сейчас басы рывкнут... Вот, вот! «Царствуй на страх врагам!»

Еранцев встал.

– Вы меня извините. Я очень вам благодарен за радушие и гостеприимство, но, право, мне не до шуток. Если вам угодно начать деловой разговор...

– Да уж дослушайте, ваше превосходительство, ведь гимн! Ещё недавно по стойке «смирно» мы с вами стояли...

Гость молча вышел из-за стола.

– Постойте, – загородил ему дорогу хозяин, – не угодно слушать, не неволю. Что ж, поговорим и о деле. Сказать прямо, от Карамышевых мы двое саней с гардеробами привезли. И жене платья да шубы, и мне есть, что одеть, и сыновьям, конечно, у вашей супруги вещички генеральские, но тряпки нам ни к чему. Вот если оружие у вас всё-таки найдется или там золотишко, то не поскуплюсь: и сало и яйца – всё будет.

– Оружия у меня нет и золота тоже.

– А портсигарчик разве не золотой?

Портсигар был действительно золотой. Жаль его, но не возвращаться же к Шуре с пустыми руками...

– Сколько вы дадите за портсигар?

– Посмотреть надо, взвесить. Санька! Принеси безмен из сеней! Или нет, сам принесу. Ты, парень, выйди пока. Сена лошадям поди задай. И ты бы, Арина, нам не мешала...

Портсигар был массивный, тяжёлый. На крышке надпись: «Уважаемому и любимому командиру, полковнику Н.Н. Еранцеву от офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов Восьмого Финляндского стрелкового полка. Варшава. 1915 года».

Он поднёс портсигар к лампе. Долго рассматривал пробу. Ковырнул пальцем защёлку – бриллиант. Видимо, сразу протрезвел, стал серьёзным.

– Жаль поди продавать, Николай Николаевич? Вещица ценная, очень ценная. Да и памятная. Понимаю, всё понимаю. Трехмесячного поросеночка угодно за неё взять?

Еранцев молча положил портсигар в карман.

– Ну, ну, я это в шутку. Пудика два муки ржаной, сала фунтиков пять, яиц полсотни приложу к тому поросенку. Пойдет? Только вы мне расписочку напишите, что, мол, продал Штыкову Геннадию Григорьевичу свой портсигар по доброму соглашению и без обиды. А я сейчас безмен принесу. Всё проверить надо. Как бы не обмишуриться.

Васька уже досыта набегался на коньках по замёрзшему и расчищенному пруду вместе со своим двоюродным братом Яшкой. Хотел идти домой, а тот не пускал, говорил, что отец не велел возвращаться до темноты. Он там с твоим барином бывшим торгуется, мешать нельзя. Надо ждать, когда батька сам позовёт.

Всё-таки Васька обманул Яшку. Скинул коньки и убежал погреться, когда братец зашёл за сарай по нужде. Припрыгивая, взбежал Васька на крыльцо, распахнул дверь и обмер!

Николай Николаевич сидел за столом, что-то писал, а дядя...

– Берегитесь, Николай Николаевич! – взвизгнул Васька.

Штыков уже поднимал топор, но Еранцев обернулся и успел опрокинуть тяжёлый стол, отскочить в угол, вынуть из заднего кармана брюк браунинг – с ним он никогда не расставался.

– Шутки в сторону, Геннадий Григорьевич. Всё понятно! А ну, бросай топор! Живо! Ложись на пол! Пошевеливайся, если хочешь остаться в живых! Вася, возьми топор, мою шинель, вынеси на двор!

Выскочив в сени, Еранцев закинул на двери тяжелый деревянный пробой, повесил замок – жаль, что ключа нет!

– Бежим, Вася! У них найдется кое-что и получше топора!

Они не отбежали и ста саженой, как из калитки выскочил хозяин с сыновьями. Хлопнули в морозном воздухе два выстрела, пули свистнули близко. То ли много было выпито самогона, то ли помешала наступившая уже темнота, но промахнулся бывший фельдфебель. Не дали бы ему теперь серебряных часов за отличную стрельбу.

Слышно было, как свирепо ругал он своего сына. Но больше вдогонку не стрелял. «За каждый патрончик по куриному яичку даём», – невольно вспомнилось Еранцеву.

Они бежали, пока не задохнулись, перешли на шаг. Прислушивались, не гонятся ли на лошадах? Но всё было тихо. Только мела позёмка да поскрипывал снег.

Часа через два они вернулись в Мерёво.

На крыльце у Матвея толпился народ и среди них два каких-то матроса. Шумно о чём-то спорили. Никто на них не обратил внимания, да и Матвей посмотрел равнодушно, не сразу и в избу вернулся. Покачал головой, услышав рассказ.

– Повезло вам... Не думал я, что Геннадий такой зверюга! И как хитро с портсигаром придумал! Бросил бы потом вас куда-нибудь в овраг и ничего, мол, не знаю, вот расписочка. Молодец Васька! А что бы братец с ним стал делать? Неужели тоже хотел пришибить?.. Напрасно вы ему портсигар показали: он жаден – а тут такая ценность. Ну, ничего, мы с братцем ещё посчитаемся, а сейчас не в нём дело. Немцы наступают, Николай Николаевич. На станцию, в Струги Белые, питерские рабочие и матросы-балтийцы приехали. Говорят, что передовая немецкая разведка уже подо Псковом. К нам могут заявиться в любой момент. Матросы винтовки привезли, пулеметов два.

Они нас, бывших фронтовиков, просят подсобить. Решили завтра у Высокой горы позицию занять. Там шоссе идёт по-над озером, а леса такие, что, минуя дорогу, и проходу нет. Выроем в снегу окопчики, задержим немцев. Из Петрограда подмога придёт – обнадёживают. В Питере будто бы Ленин новую армию формирует. Матросы говорят, надо день-другой продержаться.

Продуктиков кое-каких мы вам дадим – не обессудьте, мы не хutorяне. Но всё же уважим Александру Ивановну, женщина она душевная. И поезжайте-ка вы поскорее обратно в Петроград, пока немцы дорогу не перехватили...

Тревожно спали в эту ночь в доме Матвея. Николай Николаевич ворочался на лавке под окном, вставал, курил.

На рассвете он разбудил сына.

– Вставай, Боря. Федосья Прохоровна сейчас отвезёт тебя на станцию. Тебе придётся одному ехать домой. Вот записка маме, пусть она не беспокоится.

Поцеловав в лоб растерявшегося сына, вскинул на плечо откуда-то появившуюся винтовку, быстро вышел.

Жена Матвея прилаживала лямки к мешку с мукой и картофелем, чтобы удобнее было нести. Примерила его Борису. За окном в темноте скрипел снег, солдаты шли к месту сбора. Когда

донеслась команда: «Остановись!» – Борис швырнул мешок на лавку, на ходу застёгивая полушубок, выскочил на крыльцо, разглядел в темноте высокую фигуру отца, встал с ним рядом в строй.

– Куда ты? Зачем?.. Для тебя и винтовки нет... – только и мог сказать Николай Николаевич.

– Ничего, – одобрительно похлопал по плечу Бориса Матвей. – Он со мной, вторым номером к пулемёту – ленту подавать. Обучу, он паренёк понятливый.

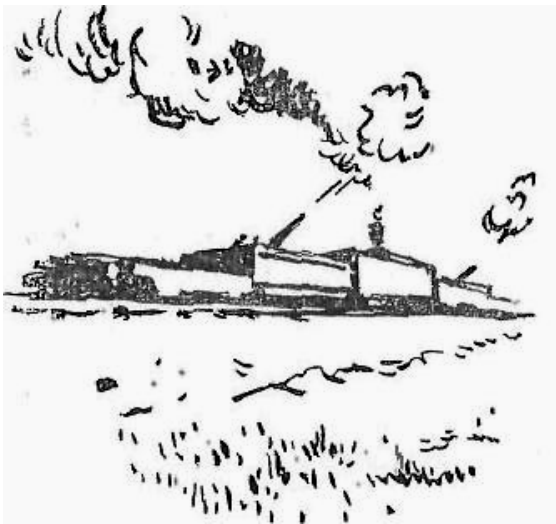
– Равняйся!

Строй заколебался мелкими, быстро затихшими волнами и замер. Приставив винтовки к ноге, вздёрнув подбородки, солдаты равнялись направо, туда, где на багровом зареве восхода уже можно было разглядеть командира – молодого матроса в распахнутом, несмотря на мороз, бушлате, в бескозырке с золотой надписью «Аврора».

(Текст печатается по изданию: Кудрявцев Ф.Ф. Примечания к анкете: Рассказы. – М.: Московский рабочий, 1990. С.115–128)

**Грусланов Владимир Николаевич
Лободин Михаил Павлович**

СТРУГИ КРАСНЫЕ

Командир бронелетучки читал бойцам обращение Ленина к питерским рабочим.

«Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох».

Командир поднял над головой листок бумаги со словами обращения. Он хотел, чтобы все увидели его.

«Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека!» – читал он.

«Победа будет за нами!»

Командир умолк.

По перелеску долго несло перекатами «ура», то усиливаясь, то затихая, пока окончательно не затерялось где-то за густой стеной леса,

обрызганного осенним золотом.

– А за кем быть победе, ежели не за нами? – крикнул из строя рябой солдат в добротном ватнике и шапке-ушанке.

Человек пятьдесят команды бронелетучки собрались у открытой платформы с рельсами и шпалами. Они стояли в два ряда с приставленными к ногам винтовками, кто в ватнике, кто в кожанке, кто в солдатской шинели, а кто и в стареньком пальтишке, подпоясанным кожаным ремнём.

Командир собрал их здесь, у выходной стрелки за станцией города Луга, чтобы по первому сигналу бросить бронелетучку на врага.

Войска генерала Юденича рвались к Петрограду. Казалось, ещё одно напряжение – и белогвардейцы войдут в этот город.

– Значит, снова в бой! – переговаривались бойцы, как только командир начинал, чуть заикаясь, читать уже знакомые, но такие волнующие слова обращения.

– По к-коням! – крикнул командир.

Бойцы поняли его шутливую команду и, покинув строй, заняли места в вагонах бронелетучки – кто у пушек, кто подле пулемётов, кто с винтовками в руках подле смотровых щелей.

Впереди, на станции Струги Белые, засели солдаты Булак-Балаховича. Командующий Петроградским фронтом приказал отбить у них станцию.

Отряд Томчука имел на вооружении две большие угольные платформы, попросту – углянки. Питерские рабочие Варшавской железной дороги соорудили из них подвижные крепости сразу, как только узнали, что над Петроградом нависла смертельная опасность.

В боковых стенках углянок слесари вырубали гнёзда для пулемётов и небольшие щели для стрельбы из винтовок. На каждую уголку железнодорожники поставили по две пушки.

– Трехдюймовочки! – говорили они, нежно поглаживая оружейные стволы.

Бронепоезд получился на славу, хоть и неказистый на вид. В голове шли две открытые платформы. На них лежали рельсы, шпалы, костыли, гайки, болты, всё, чтобы в любую минуту восстановить разрушенный или повреждённый путь.

Летучка страшила врагов не стальной броней, не метким огнём пушек, а верой её солдат в правоту дела, за которое они боролись, яростью, с которой они бросались на белых.

Командир бронелетучки Григорий Томчук ещё совсем недавно, года полтора назад, работал дежурным по станции Псков.

Революция преобразила его. Решительный, резковатый, быстро шагающий перед шеренгами бойцов, он ничем не напоминал тихого, скромного дежурного по станции.

Солдаты у Томчука подобрались один к одному, особой породы бойцы – машинисты, кочегары, рабочие по ремонту путей, сцепщики, телеграфисты, слесари и стрелочники, словом – железнодорожники. Работали вместе с Томчуком и воевать с ним пошли.

Свой поезд они называли совсем по-мирному, не бронепоездом, а бронелетучкой. Так было им понятней, ближе, а суть та же: не пустить белых в Петроград.

Комиссаром на бронелетучку назначили Гаврилова, старого железнодорожника, члена партии с девятьсот пятого года. Серьёзный, несколько медлительный Михаил Иванович Гаврилов своим спокойствием и рассудительностью сдерживал в отряде горячие головы, которым казалось, что нажми они ещё немножко – и завтра во всем мире наступит коммунизм.

Комиссара любили послушать. Он хорошо говорил о светлом будущем трудящегося человечества, о мировой революции.

Железнодорожники постарше годами звали его Миша или Миша Гаврилов. Молодежь называла дядей Мишей, вкладывая в эти простые слова большое уважение к старому революционеру.

Каждый из бойцов отряда знал несколько специальностей. Он мог чинить и разбирать железнодорожные пути и мосты, исправлять телеграфные линии, выполнять подрывную работу. Мог водить паровоз, обслуживать орудия, стрелять из пулемётов – и «максима», и «льюиса», и «шоша». Дружный, спаянный воедино, отряд бойцов бронелетучки не боялся трудностей.

На наружных стенках вагонов бойцы начертали священные слова: «За власть Советов!» – на одном, «Смерть врагам революции!» – на другом.

Принимая в отряд нового бойца, командир ставил его лицом к вагонам и говорил:

– Выбирай любой! Но прежде, чем переступишь порог, клянись выполнять написанные на них заповеди солдата революции.

Бронелетучка славилась отличными пулемётчиками. Вместе со взрослыми у пулеметов стояли совсем юные ребята, недавние школьники. Они пришли в отряд с отцами. Матери умерли или остались с малолетками в захваченных белыми посёлках. Отцы решили: всё-таки при нас ребята, под присмотром, а уж если смерть, так что поделаешь, одна судьба.

Томчук с Гавриловым не возражали: пусть ребята с отцами вместе за советскую власть сражаются.

Особенно полюбили бойцы шустрого белявого мальчонку Павла Васильева, отличного пулемётчика.

В отряде все шутливо называли его: Павел Ефимович.

– Боец Васильев! Как вас зовут? – спрашивали они с суровой усмешкой мальчугана.

– Павел Ефимович! – отвечал тот с самым серьёзным видом.

– Год рождения?

– Девятьсот шестой!

– У, как тебе много лет! Тринадцать?..

– Четырнадцать скоро! – говорил важно Павел Ефимович.

* * *

Однажды, тихой ночью, на отдыхе, разговорился Томчук с бойцами о первых боевых днях бронелетучки. За последние месяцы много новых людей пришло в отряд. Не все знали, как их товарищи начали воевать.

– Последняя ночь мая, – вспоминал командир, – тёплая, светлая, словом, белая ночь...

В полночь где-то неподалёку ударила пушка, застрекотали пулемёты, посыпалась винтовочная дробь. Началось наступление белогвардейцев Булак-Балаховича на станцию Струги Белые. Навстречу двинулись небольшие части красных. Редкие цепи пехотинцев продвигались вдоль линии железной дороги. По рельсам от Луги на Псков, поддерживая огнём своих пушек пехоту, катила наша бронелетучка.

Она шла в свой первый бой.

Часа за два до отправления комиссар привёл к бронелетучке оборванных, измождённых людей. Он встретил их в лесу. Они спешили в Лугу. Одежда на них висела клочьями, башмаки подвязаны верёвками и ремнями.

Измученные, тяжело дышавшие от долгого пути пешком напрямик через лесную чащобу, люди принесли страшные вести. Булак-Балахович захватил станцию и посёлок Струги Белые. Налетели глубокой ночью. Примчались из лесу, от Чёрного озера, на сытых конях. На шапках белые полосы, на рукавах такие же, белые, повязки. На плечах погоны. Офицеры впереди.

Дальше, по словам командира, дело обстояло так.

Главный остановил коня посреди площади у самой станции, приказал согнать всех.

– Кто не придёт, к стенке! – распорядился.

Сидит на коне, позади свита из офицеров. А на площади всё гуще и гуще от народа. Заспанные, перепуганные женщины, дети, старики и старухи толпятся у сельсовета. Опустив понуро головы, подходят железнодорожники, – сгоняют их на площадь белые солдаты.

Троих привели отдельно: молоденького пехотинца, дядьку в трофейных башмаках и Виктора Гасюна. Не успели уйти. Схватили их, руки загнули за спины, ремнями скрутили. Гасюн и пехотинец были босые. Обувку стащила белая гвардия.

Всю русско-германскую войну с тысяча девятьсот четырнадцатого по тысяча девятьсот семнадцатый год Гасюн провёл на передовой, сначала стрелком в окопах, потом шофёром на подвозке снарядов.

Виктор Гасюн родом из Струг Белых. В тысяча девятьсот семнадцатом году он устанавливал у себя в посёлке советскую власть. Рабочие-железнодорожники избрали его первым председателем поселкового совета.

И вот теперь...

– Слушай мою команду! – гаркнул главный. – Шапки долой! Канальи! Предатели царя и отечества! Красные морды! Запомните, с вами говорит атаман Булак-Балахович.

Люди нехотя взяли за шапки и картузы.

– Живо! Живо! Некогда нам с вами!.. – подталкивали солдаты медлительных. Булак-Балахович истошно кричал:

– Мы пришли установить твёрдую власть и порядок! Большевистской заразы не потерпим, уничтожим под корень. За нами сила – Франция, Англия, Америка, вся цивилизация, весь мир!

Выкрикнув слова «весь мир», Булак-Балахович поперхнулся и закашлялся. Придя в себя, он с силой махнул два раза крест-накрест нагайкой.

– А этих... – посмотрел атаман с ненавистью на красных бойцов, – сейчас! Немедленно! По-нашему! Исполнять приказ! – Два последних слова он выкрикнул нараспев, как команду.

Три кавалериста с обнажёнными саблями в руках приблизились к пленным. Сабли взлетели кверху и опустились на связанных ремнями людей.

Ничего не успели сказать герои и упали на землю, прижались к ней, будто от неё ждали помощи.

Из рассечённых саблями тел струилась кровь. Скоро земля подле них заалела, а затем стала ярко-красной, кровавой.

– Так будет со всеми, кто пойдёт против нас! – пригрозил Булак-Балахович и, пришпорив коня, поскакал прочь.

– Более свирепого, обезумевшего от ненависти к советскому народу пса я не знаю! – сказал в заключение командир бронелетучки.

...Красноармейцы приближались к Стругам Белым. Шёл упорный бой за станцию. Бронелетучка Томчука, выполняя задание штаба, ходила в атаки против белых.

Комиссара бронепоезда Гаврилова знали все железнодорожники от Петрограда до Пскова. Где бы Гаврилов ни показывался, всюду он получал нужные штабу сведения о противнике. Любая путевая сторожка открывала перед ним дверь. Путевые обходчики, стрелочники и другие железнодорожники оказывали бронелетучке красных ценные услуги. Они порой спасали её от неизбежной гибели.

Бронелетучка ворвалась на станцию Струги Белые. Вслед за нею подошла пехота. Красные заняли посёлок, но ненадолго. Булак-Балахович получил подкрепление, отеснил красных и вновь расположил там свой штаб.

Поддерживая пехоту, бронелетучка ещё и ещё раз врвалась на станцию Струги Белые и снова отходила. Вражеские солдаты были лучше вооружены. Их было больше на этом участке. Полки Юденича действовали напором, валили напролом, думая подавить красных численностью и быстротой действий. Только так они могли рассчитывать захватить Петроград.

Мрачный, угрюмый сидел Томчук на ящике из-под патронов в закрытом вагоне бронелетучки.

– Подумать только, – говорил он с досадой, – опять польётся кровь в Стругах Белых. Мы отходим, а эта белогвардейская выжига расстреливает там наших товарищей...

– Не по своей воле ушли, приказ! – пытался успокоить командира Гаврилов.

– Знаю, что не по своей! А всё не легче! Крови-то рабочей сколько пролито там. Вся земля пропитана кровью в Стругах Белых. Красным-красная стала там земля.

Бронелетучка путала все расчеты Булак-Балаховича. У него был крепкий кавалерийский отряд. С красной пехотой он, казалось ему, мог справиться, если бы не эта проклятая бронелетучка с подвижными пушками.

Никакие ухищрения не помогали. Он не в силах был захватить бронепоезд. Видя это, Булак-Балахович приказал повесить на станции, в поселке, на сторожках путевых обходчиков объявления. Он обещал уплатить десять тысяч рублей николаевскими деньгами тому, кто принесет голову командира бронелетучки – Григория Томчука или комиссара – Михаила Гаврилова.

Предателя не нашлось.

Атаман мечтал пойти со своей «армией» на Петроград, войти в него победителем, а тут какая-то паршивая станция – Струги Белые. Шесть раз пришлось брать её и столько же оставлять.

– И название дурацкое у неё, у этой станции, будь она трижды проклята! – брюзжал как-то сырым, холодным утром Булак-Балахович.

«Теперь, когда на дворе развезло, земля превратилась в слякоть, дожди льют, словно само небо прорвалось, этот прохвост Юденич снова отступает. Он приказал отойти от Струг. Отступить в седьмой раз! И перед кем? Перед каким-то телеграфистом, бывшим дежурным по станции Томчуком, перед стрелочниками и сцепщиками вагонов!» – возмущался неудачливый «завоеватель» Петрограда, жалуясь на свою судьбу.

– Ничего не поделаешь! Победа – дама капризная. Сегодня – ты, а завтра – я! – успокаивал Булак-Балаховича начальник штаба. На его кителе справа горделиво красовался значок академии генерального штаба.

– Надо отступить в седьмой!

* * *

...Приближалась вторая годовщина Октябрьской революции. Войска генерала Юденича терпели под Петроградом поражение за поражением. Накануне праздника бронелетучка Томчука в седьмой раз с грохотом орудий двигалась к Стругам Белым.

Солдаты Булак-Балаховича, отстреливаясь и уничтожая на своём пути склады с боеприпасами и снаряжением, спешно отходили. По пятам шли красные.

Бронелетучка остановилась у приткнувшегося на холмике подле опушки леса домика путевого обходчика, посеребрённого первым ранним снежком. До Струг Белых оставалось два километра пути. Дверь домика приоткрылась. На порог вышла женщина, жена обходчика. Гаврилов знал её.

Она подняла руку и помахала ею.

– Всё в порядке, – улыбнулся комиссар. – Можно выходить.

В переднем вагоне открылась тяжелая железная дверь.

Сейчас же на землю прыгнули Томчук и комиссар. Вошли в дом. Томчук узнал: селекторная связь со станцией Струги Белые не прервана.

– Эх, занятно как! Стариной тряхнуть, что ли? – сказал, улыбаясь, Томчук и вызвал по селектору Струги.

– Кто говорит? – спросили оттуда.

– Командир бронепоезда Красной армии Григорий Томчук!

Струги молчали. В трубке селектора слышался отдалённый гул голосов. Слова не доходили.

Томчук терпеливо ждал. Кто-то невидимый откашливался. И вдруг явственно раздалось:

– У аппарата атаман Булак-Балахович.

Дальше шла забористая брань.

– В-вот ч-чёрт бурой бабы! – сказал, заикаясь от волнения, командир бронелетучки. – Я ему с-сейчас п-подсыплю перца под хвост!

Томчук хитро улыбнулся и весело крикнул в трубку:

– К-какой ты к ч-чёрту атаман! П-присылай двадцать тысяч николаевскими, как обещал. Мы с Гавриловым ждём в путевой будке. Если будешь удирать, запомни: сегодня, шестого ноября, в канун пролетарского праздника, Струги Белые станут Стругами Красными! Красными! Навсегда! Адю, атаман, Дурак-Дуракович!

– Струги были Белые и навсегда останутся Белыми! И не тебе, телеграфисту, недоучке, воевать со мною. Я с тебя спущу шкуру, красная шельма! Спущу! – услышал Томчук хвастливые слова разбушевавшегося вояки.

– Кукиш! – только и успел крикнуть в трубку Томчук.

В ответ понеслись такие страшные ругательства, что он плюнул и, бросив на ходу Гаврилову: «Пойдём!» – вышел из будки.

Заполнив до отказа вагоны и открытые платформы бронелетучки красноармейцами, Томчук отдал приказ:

– На всех парах на станцию!

Артиллеристы развернули орудия в сторону приближающейся станции и открыли по ней огонь.

Пулемётчики не отставали от своих товарищей и били из пулеметов по кустам и перелескам с такой яростью, что вряд ли кто мог уйти невредимым от их огня, если бы вздумал прятаться среди елей и сосен, берёз и осин тянувшегося вдоль железнодорожных путей леса. Но белогвардейцы молчали.

Бронелетучка с грохотом и шумом ворвалась на станцию. Далеко впереди на лысом безлесном бугре в сторону Чёрного озера клубилась мутным облаком пыль. То удирал со своими приближёнными атаман Булак-Балахович.

Ещё на ходу Томчук спрыгнул с головной платформы. За ним посыпались красноармейцы. Вместе с ними бежал с винтовкой в руках высокий, ладный парень в серой солдатской шинели. Это был Виктор Гасюн, солдат-фронтовик, первый председатель совета посёлка Струги Белые. Сильно израненного, но живого, вынесли его железнодорожники весной памятного года с места казни. Отходили, поставили на ноги. Он снова в строю, сражается с белыми за своё рабочее-крестьянское государство.

Бронелетучка остановилась. На станции – тишина. Белые ушли. Двое бойцов-железнодорожников стащили с платформы кусок доски и понесли его вслед за Томчуком.

На доске корявыми буквами была выведена надпись.

Старое название станции сорвали. На его место водворили новое. На белом поле алели два слова:

СТРУГИ КРАСНЫЕ

– Ишь, как играет! – любовался Томчук новым названием. – Приколачивайте крепче. Навсегда!

Скоро у станционного здания собрались люди. Они выходили отовсюду: из лесу, из хибарок и закут, где прятались от белых.

Вскоре подошли пехотные части наступавшего за бронепоездом полка. Открыли митинг. Комиссар бронелетучки читал новое обращение Ленина питерским рабочим и красноармейцам:

«Войска Юденича разбиты и отступают.

Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы! Напрягите все силы! Во что бы то ни стало преследуйте отступающие войска, бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты отдыха».

Школьники принесли Томчуку изодранное, в жёлтых разводах – следах непогоды – объявление о том, что за его голову и за голову комиссара Гаврилова атаман Булак-Балахович обещает уплатить по десять тысяч рублей царскими деньгами.

– Возьмём, Гаврилов, на память! – сказал командир, принимая от ребят подарок. – Хорошую цену давал атаман, да никто не позарился на деньги.

...Ещё через неделю генерала Юденича изгнали за пределы Псковщины...

Петерцы вздохнули свободно. Петрограду опасность не угрожала.

Так и не удалось Булак-Балаховичу войти в красный Петроград.

Не удалось!

(Текст печатается по изданию: Грусланов В., Лободин М. По дорогам прошлого. – М.: Детская литература, 1959. С.79–89)

Цессарский Альберт Вениаминович

ЧЕКИСТ

Облегчая Деникину продвижение к Москве, 28 сентября Юденич начал наступление на Петроград. Первые три недели для Юденича были успешными. 20 октября его войска подошли к Пулковским высотам.

3-я Орловская бригада была спешно переброшена на лужский участок Петроградского фронта.

Перерезав в начале октября Варшавскую железную дорогу, противник занял станцию Струги Белые и добился расчленения войск 7-й армии. Над Петроградом нависла смертельная угроза. Не давая Юденичу развить успех, 15-я армия 26 октября перешла в наступление на лужском направлении. 3-й бригаде было назначено освободить Струги Белые.

За несколько дней перед наступлением в штабе бригады появился начальник особого отдела. Он подолгу разговаривал с командиром, комиссаром, ездил в полки. Как-то вечером, зайдя в штабную канцелярию, Митя увидел, что чекист, сидя за столом, спит. Его голова лежала на кипе документов, которые он перед тем просматривал. В комнате больше никого не было. Митя повернулся, чтобы выйти, когда чекист поднял голову. Несколько секунд он смотрел на Митю, не узнавая, потом вспомнил:

– А-а, Медведев! – Он хорошо знал Александра и всегда дружелюбно здоровался с Митей. – Мм-да, задремал. – С силой, обеими руками взъерошил свои жёсткие полуседеые волосы. – Вот видишь, редисок ищу.

– Кого? – переспросил Митя.

– Редисок. Не понимаешь? – он хмуро улыбнулся. – Сами они себя так называют. Снаружи красный, внутри белый – редиска.

– Ну, у нас в бригаде таких нет! – воскликнул Митя. После Мелекесса ему казалось, он может поручиться за каждого.

Чекист насмешливо глянул на него и снова склонился над документами.

– Неужели вы всерьёз думаете, что среди нас есть предатель? Или среди тех, кто подписывал вот эти приказы? – волнуясь, заговорил Митя. – Как можно не доверять тому, с кем воюешь рядом!

– А ты думаешь, это легко – не доверять?.. Мы на вашем участке второго шпиона ловим. Бывший офицер Стельмахович оказался немецким агентом. А здесь против нас офицерские роты. Английские винтовки. Разрывные пули. Достаточно одной заранее рассчитанной ошибки в приказе, – он с силой придавил пачку бумаг, – чтобы погубить тысячи бойцов. Открыть Питер! Ты думаешь об этом?

Когда Митя вышел из штаба, всё уже казалось ему подозрительным.

...Это было мучительно – смотреть в ясные глаза комбрига и не верить, вслушиваться, вгрызаться в каждое слово.

Он заставлял себя вспоминать сказанное, проверять, обдумывать. Он стал записывать любое приказание комбрига, чтобы потом выяснить, к чему оно привело. Конюка, очевидно, ни о чем не

догадывался. Он любил молодого пылкого порученца комиссара, часто беседовал с ним, расспрашивал о настроении бойцов.

Митя всё время ощущал в груди тяжёлый груз недоверчивости. Всё чаще казалось, что слова комбрига фальшивы, что он скрытен, что приказы его неправильны. Тогда этот невысокий человек с непропорционально большой, тяжёлой головой, чужестранец по происхождению, казался ему врагом.

Вечером 25 октября Митю вызвали в штаб бригады. Конюка, пожевав своими лошадиными челюстями, объявил:

– Медведев, противник начал перегруппировку. Пусть даже завтра утром мы получим приказ о наступлении, будет уже поздно, если мы позволим белым закрепиться на железной дороге. Нужно сейчас же взять пункт Струги Белые и держать до подхода наших основных сил. Отправляйтесь немедленно на плюсский участок. Вот мой приказ – передайте командиру полка.

Митя взглянул на комиссара. Тот кивнул утвердительно.

Все Митины сомнения ожили с новой силой. Самовольная операция, без разрешения высшего командования! Не готовится ли комбриг погубить один из своих полков? Митя осторожно спросил:

– Мне можно остаться там, принять участие?

Уловив странную нотку в его голосе, Конюка удивленно посмотрел на него, переглянулся с комиссаром.

– Можно, товарищ Медведев.

* * *

Весь день шёл жестокий бой. В районе станции сосредоточились офицерские части Булак-Балаховича. Красноармейцы с почерневшими от пыли и ненависти лицами медленно продвигались вперёд под сплошным пулемётным огнём. Дважды Митя со всеми поднимался в атаку, и оба раза атака выдыхалась, и приходилось возвращаться к своим случайным укрытиям. Когда поднялись в третий раз, когда Митя окончательно решил, что совершилось предательство, пулемёты противника замолчали. Офицеры, залёгшие под железнодорожной насыпью, побежали в беспорядке на запад, в сторону Чудского озера. А наперерез им двигались цепи красноармейцев, и впереди всех, размахивая маузером, шагал коренастый человек с большой, тяжёлой головой. 15-я армия шла в наступление. Это было 26 октября.

Увидев Митю в штабе, комбриг улыбнулся. С лёгким сердцем смотрел Митя в его некрасивое, но такое мужественное и открытое лицо.

– Приказ выполнен, товарищ комбриг, пункт Струги Белые...

Неожиданно, впервые за всё время, что Митя его знал, комбриг пошутил:

– Были белые, а стали красные, товарищ Медведев! А? Верно? – И залился весёлым смехом.

Потом серьёзно добавил:

– Распорядитесь, чтобы у въезда в населённый пункт поставили новый указатель – Струги Красные. Теперь уже навсегда Красные.

В эти дни в Петрограде был окончательно раскрыт широко разветвлённый военный заговор, возглавляемый бывшим начальником штаба 7-й армии, оборонявшей Петроград, Люндеквистом. А к концу ноября сформированное в подполье временное правительство во главе со статским

советником Быковым было арестовано и находилось в Петроградской чека, в доме № 2 на Гороховой улице.

Юденич с остатками своей армии ушёл через границу, ушёл навсегда.

ЖИЗНЬ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА³⁹

Перерезав ещё в начале октября Варшавскую железную дорогу, отряды Юденича заняли станцию Струги Белые и добились расчленения 7-й армии. Третьей Орловской бригаде, действовавшей в составе 15-й армии, было назначено взять Струги Белые.

В ночь перед боем Медведев, бывший порученцем при комиссаре дивизии, прибыл на передовую с пакетом и остался там. После полуночи красноармейцы привели пленного – захватили в конной разведке. Пленный сообщил, что в районе станции действуют офицерские части Булак-Балаховича. Прямым ударом опрокинуть их было трудно. К тому же позиция у белых оказалась выгодная – за железнодорожной насыпью. Тогда Медведев предложил с небольшой группой красноармейцев пробраться в тыл к противнику и во время атаки внезапно ударить сзади – вызвать панику.

Чтобы пересечь насыпь, пошли в обход километров за десять. Темень была непроглядная. Моросил дождь. Едва подошли к насыпи, как с обеих сторон появились верховые.

– Кто такие? Что надо? – простуженным голосом спрашивал офицер, низко наклоняясь с седла.

– Железнодорожники! Ремонтная бригада, – неожиданно для самого себя сказал Медведев.

– Пошли на станцию, там разберёмся! – приказал офицер.

Их окружили и повели.

– Посмотри-ка, какие это такие ремонтники тут по путям шляются? – говорил, видимо, изрядно продрогший офицер дежурному по станции. – Живее, живее, чего копаешься!

Тот не спеша подносил фонарь к лицу каждого задержанного, молча всматривался.

– Ну, узнаёшь? – торопил офицер.

Медведев напрягся, готовясь рвануться.

– Конечно, узнаю, – спокойно сказал дежурный, – наши.

– Запереть до утра на станции, чтобы не шатались ночью! – заорал офицер. – Без меня не выпускать. Утром сам с ними поговорю! Головой отвечаешь!

Их втолкнули в какую-то тёмную комнату, заперли. Слышно было, как, чавкая по грязи, ускакал разъезд. А через полчаса дверь приотворилась, и кто-то громким шёпотом позвал:

– Товарищи! Тут нас несколько человек – железнодорожники. Поговорить нужно...

Медведев, через много лет рассказывая боевым товарищам – партизанам об этом эпизоде, с удовольствием вспоминал, какую хорошую речь он тогда сказал железнодорожникам. Он говорил

---

³⁹ **Медведев Дмитрий Николаевич** (1898–1954) – Герой Советского Союза, командир партизанского отряда в период Великой Отечественной войны, полковник НКВД, писатель. В 1919 г. участвовал в боевых действиях против белой Северо-Западной армии в составе РККА.

о своей родной Бежице, о заводе, о своём детстве, о революции – обо всём что составляло его жизнь. С кем же вы, товарищи железнодорожники?

Через полтора часа Медведев вывел со станции вдвое выросшую группу. И когда наши пошли в атаку, в тылу у белых ударили винтовки, загремело «Ура-а!»

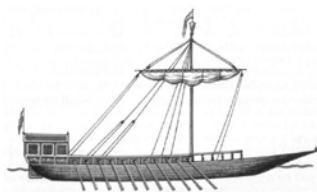
Весь день шёл бой. Трижды Медведев вместе со всеми поднимался в атаку. И всё-таки станция была взята. И Медведев по приказу командира бригады своей рукой написал на щите указателя новое название, сохранившееся и поныне: «Струги Красные».

(Текст печатается по изданиям: Цессарский А.В. Чекист: повесть. – М.: Воениздат, 1960. С.145–148; Цессарский А.В. Жизнь Дмитрия Медведева. – М.: Московский рабочий, 1969. С. 27–29).

Слово об авторах:

Фёдоров Алексей Иванович- родился 30 марта 1979 г. в дер. Марьино Струго-Красненского района – инженер, краевед, публицист, член Союза краеведов России. Окончил Струго-Красненскую среднюю школу (1996), Военный университет связи (2001). Автор книг: «Щир: Исторический очерк о селе и его окрестностях» (2014), двухтомного издания «Книга Памяти погибших на территории Плюсского и Струго-Красненского районов Псковской области» (2015), «Руководители Струго-Красненского района» (2017); соавтор книг: «Псковская энциклопедия» (2007), «Нам есть что помнить, кем гордиться!» (2012), «Статистическо-географический словарь Струго-Красненского района» (2015), опубликовал более 100 статей краеведческого характера.

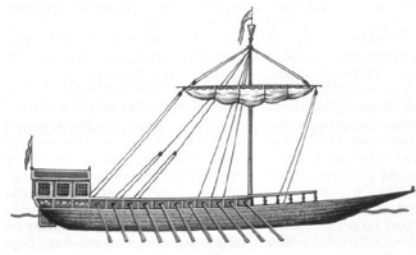
Архипов Дмитрий Сергеевич- родился 27 октября 1897, дер. Сквородка Яблонецкой волости Лужского уезда (ныне – Стругокрасненского района) – умер 17 июля 1985, пос. Струги Красные – партийный и советский работник, активный участник становления Советской власти в Яблонецкой волости Лужского уезда. Член ВКП(б) с 1919 г. В годы Первой Мировой войны служил в Ораниенбауме, в частях морской авиации Балтийского Флота. Принимал участие в Октябрьской революции 1917 г. как матрос Балтийского Флота, стал инструктором красногвардейского отряда при Ораниенбаумском Совете. Летом 1918 г. был избран военным комиссаром Яблонецкой волости. С 1931 г. – счетовод колхоза «Колхозная стройка» (дер. Сквородка). Перед войной – зам. председателя Стругокрасненского райисполкома. С апреля 1941 г. – секретарь партийной организации при райисполкоме. После начала войны, выполняя указание Леноблисполкома, выбыл в советский тыл, в г. Сарапул Удмуртской АССР, где работал директором совхоза. После войны – работал в исполкоме Стругокрасненского районного Совета депутатов трудящихся на руководящих должностях. В 1946 г. вновь был назначен зам. председателя Стругокрасненского райисполкома, работал зав. земельным отделом. С января 1948 г. по октябрь 1949 г. - председатель Стругокрасненского райисполкома, затем - директор районной конторы «Заготлён». В 1952 г. был назначен директором Стругокрасненского льнозавода. С марта 1954 г. руководил укрупненным колхозом «Кингисепп» (Курский с/с). С ноября 1955 г. – зав. отделом сельского и колхозного строительства Стругокрасненского райисполкома. Избирался членом райкома партии, депутатом районного Совета депутатов трудящихся. С 1957 г. - персональный пенсионер. До 1961 г. являлся секретарем партийной организации Стругокрасненского сельсовета, затем – секретарем Поселковой партийной организации, в 1962 г. был избран депутатом Стругокрасненского Поселкового Совета. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги».

СОДЕРЖАНИЕ

Федоров А.И. События на территории современного Струго-Красненского района Псковской области в период Революции и Гражданской войны в России(1917-1920 гг)	1
Архипов Д.С. Автобиография.....	39
Акатов В.А.Комиссары.Из истории становления советской власти на Псковщине	78
Волков В.Г. Эстафета поколений.....	82
Яковлев В.Н. Я Ленину обязан.....	84
Смирнов В. Он охранял Смольный.....	87
Ветеран.....	89
Кудрявцев Ф.Ф.Струги Белые.....	91
Грусланов В.Н.,Лободин М.П. Струги Красные.....	101
Цессарский А.В. Чекист.....	108

***Благодарим авторов альманаха
за бескорыстное
предоставление своих работ!***

Приглашаем к сотрудничеству!

Обращаться с идеями и отзывами:
п. Струги Красные,
ул. Победы, д.2-в
Центральная районная библиотека
Методический кабинет
Телефон:52-132
Электронная почта: booksk@vandex.ru

**Финансирование альманаха-
Псковское областное отделение политической партии КПРФ**
Автор идеи и составитель: Иванова И.Е.

Распространяется по библиотекам
Струго-Красненского района
и ОУНБ.
Тираж 100 экз.

